

НАШИ • ТАМ

МИХАИЛ МИХЕЕВ

ГРОЗА ЧУЖИХ МОРЕЙ

Когда мир подходит к точке невозврата и близится последняя война, остается или победить, или умереть. Но возможно, есть третий путь? Русскими учеными найден способ уйти в параллельную реальность, увести с собой миллионы своих людей и тем самым предотвратить их гибель в безнадежной войне. Однако на пути реализации этого грандиозного плана возникают трудности. Именно их должен преодолеть экипаж крейсера "Мурманск", первым отправившийся в иной мир с билетами в один конец...

Михаил Михеев
Гроза чужих морей

— Итак, операция началась?

— Да, хотя, если честно, я все еще сомневаюсь, стоило ли нам лезть в эту авантюру.

— Что авантюра — это точно... Напомните, сколько ваши аналитики дают шансов на успех?

— На полный?

— Разумеется, частичный нас не интересует в принципе, да и не узнаем мы о нем, скорее всего. Ваша система наблюдения, как вы сами предупреждали, не опробована.

— Она не могла быть опробована в принципе. А шансы... Процент двадцать, может, двадцать пять, не больше. Скорее всего, даже меньше, наши аналитики — неисправимые оптимисты.

— Во-во. Но нам-то чего волноваться? В худшем случае, мы потеряем один бесперспективный корабль, глядя на который все эксперты и без того крутят пальцами у виска, тем более что свою задачу как стенд для обкатки новых технологий он давно уже выполнил. Даже заминать дело не надо будет, раскрутим кампанию в прессе, снимем с постов пару-тройку... ну, вы сами знаете, кого. Этот повод не лучше и не хуже других, так что с определенной точки зрения мы при любых раскладах останемся в плюсе. Да и корабль, будем говорить честно, вышел недорогим, так что с материальной стороны никаких серьезных потерь мы иметь не будем. Людей вот только жалко, все же там отборный экипаж... Но, с другой стороны, других на такое дело и посылать-то нельзя, а этим я верю. Если даже им и не повезет, мы будем знать, что сделали все, что могли, и мальчишки погибли не напрасно.

— А вы циник.

— Нет, я просто пытаюсь выкрутиться в ситуации, когда проще вообще повеситься, и поэтому считаю, что надо использовать любой шанс. Тот, который мы пытаемся реализовать с вашей подачи — ничуть не лучше и не хуже любого другого.

— Да, шанс начать все с начала стоит многого.

— Кому вы это рассказываете? Если бы я считал иначе, ваш институт не имел бы приоритетного финансирования, и это при том, что ваши разработки пока что не дали отдачи ни на копейку. Смешно, но все считают, что я отмываю через него деньги.

— Глупцы...

— Не такие уж и глупцы. Просто они мыслят исключительно с точки зрения своей логики и в пределах той информации, которую мы позволили им узнать. Однако имейте в виду, профессор, если мы проиграем, то ваш институт закроется мгновенно, а за вашу жизнь я не дам ни копейки. Давайте называть вещи своими именами. Свидетели не нужны никому, а вы свидетель, и притом довольно опасный.

— Да все я понимаю...

— Вот и отлично. Эх, жалко, туда нельзя было послать полнокровную эскадру...

— Вы же знаете, масса пока ограничена. Из-за этого нам и пришлось вбивать корабль в такие жесткие рамки по водоизмещению. Если все получится и заработает постоянный канал — тогда да, справимся, а пока что придется пользоваться тем, что имеем.

— Да уж, за неимением гербовой можно писать и на клозетной... Ладно, теперь нам остается только ждать.

— Не так и долго, думаю, все же время — понятие относительное.

— Ой, да не забивайте мне мозги вашей псевдоученой заумью. Отлично ведь понимаете, нет ничего хуже, чем ждать и догонять, а именно этим мы сейчас и занимаемся, причем одновременно.

Настроение капитана первого ранга Плотникова было весьма далеким от идеала. Да что там, первый после Бога был откровенно мрачен, и подчиненные, хорошо знающие своего командира, старались обходить его десятой дорогой. Не отвертеться было только вахтенным, потому что командир АКПД "Мурманск" почти безвылазно находился на мостике. Хотя он и не вмешивался ни во что, не повышал голоса и очень спокойно, корректно отвечал на вопросы, если они появлялись, исходящая от Плотникова почти физически ощутимая волна холодного отчуждения заставляла всех, кто вынужден был находиться с ним в одном помещении, нервно ежиться. Хорошо еще, что после суток такой нервотрепки он сам понял, что не надо стоять у людей над душой, и убрался в свою каюту. Весь экипаж вздохнул свободнее, но неприятный осадочек, как говорится, остался.

Растянувшись на койке, Плотников закрыл глаза, но сон упорно не шел. Нервы, нервы, чтоб их. А что вы прикажете, командир крейсера — он тоже не железный, и когда все обрушивается на него сразу, просто физически не способен мгновенно адаптироваться. Вот как сейчас, к примеру, и ведь все один к одному, будто судьба лишний раз вздумала испытать человека на прочность.

Вначале тяжелый поход. Плотников даже не ожидал такого — ходовые испытания нового корабля превратились в полноценную обкатку техники и экипажа в условиях, максимально приближенных к боевым. Он не спал, иной раз, по несколько суток, иной раз, пardon, в галюн сходить было некогда, но все это воспринималось, как норма. Или, точнее, не как норма даже, а как плата за карьеру. Капитан первого ранга и командир новейшего корабля в неполные тридцать пять — шутка ли! Карьера стремительная, как ракета, будто чья-то могучая рука уверенно тянула Сергея Федоровича Плотникова вверх. Некоторые считали, что у него какой-то влиятельный родственник в самых верхах, но сам-то молодой офицер прекрасно знал, что нет таких и быть не может. Просто физически нет — он даже не знал, кто его родители. Подкинула новорожденного мамаша, хорошо хоть, догадалась как следует укутать и оставить не под лестницей, а у дверей районной больнички. Потом интернат, который патронировала ближайшая воинская часть и, на выходе, абсолютное отсутствие выбора. Военное училище — ни о чем другом парень и не думал. Хотя нет, выбор был — какое училище выбрать. Сережка выбрал море...

И вот он командир новейшего, только что сошедшего со стапелей корабля, не имеющего аналогов в мире, и, в ясно замаячившей на горизонте перспективе, адмиральские погоны. Так что три месяца спать вполглаза, разбираясь в особенностях новой техники, не такая уж и высокая плата за будущее. Хотя, надо сказать, он был не один такой, молодой и стремительный. В последнее время и в армии, и на флоте появилось много таких вот, как он, молодых офицеров, никоим образом не связанных со "старой гвардией", да и вообще ни с кем, в звании от майора до генерал-майора и от кап-три до контр-адмирала соответственно. И все повоевавшие, благо локальных конфликтов хватало и с каждым годом становилось все больше. Складывалось впечатление, что кто-то очень могущественный, но, в то же время, очень осторожный создает кадровый резерв на все случаи жизни. Некоторые выводили, и небезосновательно, прямую аналогию с тридцатыми годами прошлого века, когда Сталин,

кровавый тиран, как его называли либераствующие интеллигенты, великий император, если верить ура-патриотам и, в любом случае, очень умный человек проводил чистки комсостава, поднимая на самый верх никому не известную молодежь, когда удачно, а когда и не очень. Ох, крутые времена, рождающие крутых героев... Можно высоко взлететь, а можно и больно брякнуться. Правда, контр-адмиралов среди молодой поросли, если честно, пока не было — он, Плотников, был номером первым в строю, и прекрасно осознавал, что от того, как справится с новым кораблем, зависит очень многое и, возможно, не для него одного.

В общем, дело было, как говаривал Володя Картавый, все еще стоящий на многих площадях и лежащий в мавзолее, архиважным и архинужным. А еще оно было архисложным, потому что для того, чтобы полностью освоиться с кораблем необходимо, помимо всего прочего, понять, для чего, собственно, он создан. А вот с этим у Плотникова были проблемы, и, похоже, не у него одного.

"Мурманск" был, прямо скажем, странным кораблем. Атомный крейсер поддержки десанта — вот как это называлось, вот только крейсером, по нынешним временам, он мог числиться, скорее, формально. Двенадцать тысяч тонн водоизмещения — это совсем немного. Больше того, по нынешним временам это несерьезно. Попадались эсминцы крупнее, да и говоря честно, лучше вооруженные. Вообще, создавалось впечатление, что его попросту не знали, куда приткнуть, вот и отнесли к крейсерам. По тому самому принципу, что раз этот класс кораблей самый растяжимый по характеристикам, то в него можно впихнуть что угодно. Хотя, с другой стороны, к чему можно отнести надводный артиллерийский корабль с серьезным, по нынешним временам, бронированием и атомной силовой установкой? Не к торпедным катерам же и не к авианосцам.

Да-да, именно артиллерийский, как бы не архаично это звучало. "Мурманск" не нес ни одной ракеты, вместо этого у него имелось три трехорудийные башни с восьмидюймовыми орудиями, расположенные по схеме, давно уже считавшейся классической. Две — в носовой части, линейно-возвышенно, и одна — в кормовой. Орудия, конечно, сверхсовременные, и системы наведения, соответственно, тоже, но все же по сравнению с противокорабельными ракетами они не пляшут. Плотников отдавал себе отчет в том, что, столкнись он в бою с любым, даже, теоретически, уступающем ему в классе кораблем вероятного противника — и жизнь "Мурманска" будет измеряться в минутах. Хотя, с другой стороны, для морских сражений этот реликт минувшей эпохи был и не предназначен, а для того, чтобы разнести что-то на берегу — вполне, благо и осадка у него была небольшой, позволяющей уверенно работать даже на мелководной Балтике. Может, и была логика в таком вооружении, тем более что самый дорогой снаряд обходился куда дешевле самой дешевой ракеты, а боекомплект корабля составлял по три сотни снарядов на орудие. При этом непонятным было в такой ситуации, для чего в боекомплект входят еще и бронебойные снаряды, тем более что достойных мишеней им все равно не было. Почти три тысячи снарядов — это огненный вал, который на относительно небольшой дистанции был куда опаснее одной-двух ракет, тем более, если надо накрыть не точечную цель, а отработать по площади.

Кстати, на учениях, которые спонтанно совместились с ходовыми испытаниями, эта концепция полностью подтвердилась. Корабль был привлечен к очередной, ставшей уже рутинной в последние годы операции по освобождению судна от нигерийских пиратов. Эта фашиствующая африканская страна, лишившаяся в последнее время из-за падения цены на нефть, сделавшей нерентабельной работу морских буровых платформ, основного источника доходов, решила поправить свои дела именно таким образом. Пиратство на государственном

уровне, иначе это было и не назвать. Нигерийскими пограничниками на скоростных катерах останавливался под надуманным предлогом первый попавшийся корабль, имевший неосторожность пройти вблизи территориальных вод, после чего его капитану предъявлялось обвинение в чем угодно, да хоть в массовом убийстве мушек-дрозофил. Корабль конвоировался в ближайший порт, где его экипаж арестовывался, а отпускать его и корабль соглашались только за немалый выкуп. Разумеется, судовладельцы быстро просекли ситуацию, и корабли начали обходить побережье Нигерии, предпочитая потратить чуть больше времени и топлива, но это привело лишь к тому, что оборзевшие от безнаказанности негры стали выходить дальше в море и охотиться на корабли в сотнях миль от побережья. И ведь, что паршиво, в отличие от некогда гремевших сомалийских пиратов, за их нигерийскими коллегами стояла достаточно крупная страна с жестко централизованной властью, населенная воинственным народом и успевшая за годы относительного благоденствия накопить большие запасы пускай и стремительно устаревающего, но вполне качественного оружия, от танков до самолетов и крылатых ракет. К чести правительства Нигерии, оно не только сумело не допустить серьезных межэтнических и межконфессиональных конфликтов, точнее, в последние годы жестоко их подавить, но и направило избыток энергии своих граждан на соседей, изрядно тех пощипав. Соответственно, и шансов на адекватное противодействие нигерийцам было меньше, особенно с учетом того, что изрядно поиздержавшиеся за последние десятилетия, да вдобавок замученные нескончаемой чередой кризисов страны первой десятки попросту не могли держать постоянно в каком-то районе полнокровные эскадры. Ну а пара сторожевиков вряд ли рискнула бы вступить в конфликт — в конце-концов, каждый из кораблей имеет силуэт, в который запросто можно всадить снаряд, а чтобы отправить тот же сторожевик на дно этих снарядов требуется не так и много. В общем, нигерийцы зарвались и начали терять чувство реальности.

России на все эти местечковые разборки было плевать с высокой колокольни — они в последние годы торговали по морю немного, и, как правило, совсем в других частях земного шара. Однако время шло, теория вероятности потихонечку работала, и случилось то, что рано или поздно должно было произойти. Проще говоря, нигерийцы то ли с глубокого перепою, то ли от небольшого ума захватили-таки русский контейнеровоз.

Надо сказать, русские, в последние годы весьма озабоченные поддержанием национального самосознания, на подобные выпады реагировали крайне болезненно. Называя вещи своими именами, стали меньше задумываться над тем, что скажет международное сообщество, и больше стрелять. Вот и сейчас к точке, где произошло нападение, устремились серьезные силы. Со Средиземного моря выдвинулся атомный авианосец "Адмирал Эссен", из Атлантики спешили десантный корабль, большой противолодочный корабль, по сути, тот же крейсер, и три старых эсминца сопровождения, ну и в качестве довеска изменил курс и отправился к месту трагедии находящийся на ходовых испытаниях "Мурманск". В общем, к побережью Нигерии стягивались силы, которых было достаточно, чтобы разнести вдребезги страну покрупнее.

Однако нигерийцы сделали еще одну глупость. Вместо того, чтобы задуматься, а что, собственно говоря, собирается делать в этих водах такая эскадра, исключив при этом вариант, что русским просто некуда тратить топливо и ресурс двигателей, и они решили погонять корабли туда-сюда, правительство Нигерии отправило России ноту протеста. Это оказалось последней каплей, переполнившей чашу весов, и на следующий день "Мурманск",

вместо того, чтобы продолжать ходовые испытания, начал проводить боевые стрельбы. Надо сказать, проводились они так успешно, что город, в порту которого стоял захваченный контейнеровоз, превратился в руины с заслуживающей аплодисментов скоростью. Фугасное действие снарядов было отменным, а скорострельность орудий составляла восемь выстрелов в минуту (технически можно было и больше, но зачем?), что позволяло обрушить на противника поток огня, дома же здесь, напротив, прочностью не отличались.

Сразу после этого был высажен десант, и русские, еще раз доказав, что в бою один белый стоит как минимум трех негров, а один русский морпех — десятка, на пинках вынесли остатки войск, пытавшихся оказать сопротивление. Правда, возились часа три, но это объяснялось не столько тем, что батальону морской пехоты противостояло два слегка потрепанных корабельной артиллерией полка, считавшихся неплохо натасканными европейскими инструкторами, сколько тем, что вначале никто всерьез не собирался воевать. Задача была освободить экипаж корабля и сам корабль, не считаясь с потерями среди местного населения, вот эту задачу морпехи и выполняли. Просто когда выяснилось, что при захвате корабля русский капитан не подчинился приказу лечь в дрейф и, напротив, увеличил ход, а в ответ и его, и старпома, и еще двоих моряков на куски разорвало огнем крупнокалиберных пулеметов, командующий операцией вице-адмирал Ермаков приказал начать зачистку. Вновь заговорила корабельная артиллерия, а морская пехота стала попросту уничтожать все живое, что попадалось на пути. Разумеется, потом было много воплей на дипломатическом уровне, но, по слухам, за прошедшие с той операции полгода ни один русский корабль даже в печально знаменитых юго-восточных морях нападению пиратов не подвергался. Более того, опять же, если верить слухам, весь мир завистливо хмыкнул и принял к сведению преподанный русскими урок. Во всяком случае, английский флот недавно тоже чего-то такое разнес.

Так вот, для таких локальных операций против заведомо слабейшего противника "Мурманск" со своей ствольной артиллерией и приличным бронированием, вполне способным, как оказалось, уверенно защищать корабль от огня той мелочи, которой располагала нигерийская пародия на флот, оказался совсем неплох. Другое дело, что он был способен работать только в составе эскадры — его ПВО было представлено только тридцатимиллиметровыми шестиствольными универсалками, больше предназначенными для работы по надводным кораблям, чем по самолетам, да имеющимися на корабле ПЗРК. Разумеется, этого было абсолютно недостаточно для противодействия авиации даже такого слабого противника, как зарвавшиеся и возомнившие о себе негры. Ну да когда тебя прикрывают эсминцы, а с неба барражируют истребители с авианосца, это недостатком не является. Вот такой интересный корабль достался под командование Плотникову.

Сам бравый каперанг, правда, сильно подозревал, что на "Мурманске" проверяется не столько концепция современного артиллерийского корабля, сколько концепция корабля-арсенала с высокой степенью автоматизации. Что-то подобное, правда, в ракетном исполнении, пытались родить в конце двадцатого века американцы, но не срослось — и дорого слишком было, и военно-политическая ситуация тогда резко поменялась. А вот русские как минимум один подобный корабль построили — экипаж "Мурманска" составлял всего шестьдесят четыре человека, причем все были офицерами. Такой состав экипажа, кстати, уже продемонстрировал кое-какие недостатки, потому что даже для того, чтобы содержать корабль в порядке, требуется значительно больше народу. В это число не входили два пилота универсального военно-транспортного вертолета Ка-64, ангар которого,

прикрытый стомиллиметровой гетерогенной броней, располагался нестандартно, довольно близко к центру корабля, перед кормовой башней. Ну и еще непонятно зачем на корабле располагались два десятка морских пехотинцев, хотя на них, как минимум, можно было свалить часть рутинной работы. Морпехи, кстати, не жаловались — понимали, что к чему. Зато автономность корабля была великолепной — компактный ядерный реактор последнего поколения, заключенный в сверхпрочную бронекапсулу, был рассчитан не менее чем на двадцать лет непрерывной работы без замены топливных стержней, что давало кораблю поистине неограниченный запас хода.

Результаты испытаний признали удовлетворительными, правда, с некоторыми оговорками, после чего корабль загнали в док, где поменяли ему стволы орудий, хотя, по идее, они могли расстрелять без особых проблем еще пару боекомплектов, а так же провели модернизацию, в первую очередь коснувшуюся электронной начинки. Плотников только головой покрутил — это надо же, корабль еще только-только в строй вошел, а его уже модернизируют, причем, что называется, на коленке. Впрочем, техника новая, экспериментальная, и не такие казусы возможны.

Пока суд да дело, Плотников отправился на пару дней домой, во Владик, благо корабль и без него в это время мог обойтись. Ну а там... В общем, лучше бы не ездил, Очень неприятно, приехав домой без предупреждения, обнаружить в прихожей сапоги сорок пятого размера, но, как оказалось, еще неприятнее, если просто на столе будет записка "прощай, ухожу, и т. д., и т. п." Зарегистрированы они не были, так что любимая женщина просто собрала вещи и исчезла из его жизни. С одной стороны, понять ее можно, зачем нужен мужчина, который почти никогда не бывает дома? А с другой, нехорошо как-то получилось. Оставалось только закрыть дверь вдруг ставшей пустой квартиры и вернуться на корабль, где еще неделю загружать себя работой так, чтобы не оставалось времени на ненужные мысли. И, как финал, не успел "Мурманск" отшвартоваться у причальной стенки, а Плотникова уже вызвали в штаб и, вручив пакет, который положено было вскрыть не ранее определенного срока, направили... в Чемульпо. Сто тридцать лет сражению крейсера "Варяг" с японской эскадрой, морской парад, посвященный этому событию, и его корабль должен был представлять Тихоокеанский флот, а заодно и всю Россию. Очень вовремя, конечно, Плотников прямо-таки плясал от нетерпения, желая в этом мероприятии поучаствовать. Всем шоу, толпа зрителей, а ему, соответственно, тяжелейшая работа.

Вот только этого и не хватало для полного счастья, и так в расстроенных чувствах, а тут еще иди к черту на рога, а там еще и улыбайся вежливо всем подряд. Не отвертись — ни от задания, потому что приказы не обсуждают, ни от улыбок, потому как этикет, и ронять честь Российского флота офицеру неуместно.

Однако смириться можно с чем угодно, даже с этим, и любое, даже самое неприятное задание выполнить с блеском. Только вот были неприятные моменты, каждый сам по себе мало что значащий, а вот вместе складывающиеся в очень неприятную картинку. Пакет, который надо вскрыть в определенное время... Ну, кто знает, что там, может, адмиральскую племянницу на борт принять надо и в спортивный лагерь с шиком доставить. Но вот очень не вяжутся со всем этим спецбоеприпасы, в строжайшем секрете доставленные на борт крейсера, дополнительная сотня снарядов на орудие, которые были складированы, где только можно, а также члены экипажа. Нет, Плотников ничего против них не имел, все нормальные ребята, настоящие профессионалы. Он, если уж на то пошло, с ними уже в бой ходил, и кто как себя ведет под огнем, тоже видел. Только вот, имея полный доступ к их

личным делам, Плотников установил одну интересную закономерность. Все члены экипажа, за исключением его самого, были моложе тридцати, все неженаты и все с судьбой, похожей на его собственную. То есть, родных нет, искать, случись что, никто не будет. Это что же получается? Задание для смертников? Не хочется думать, но очень уж на то похоже, а отцы-командиры, случись нужда, не задумываясь пожертвуют не то что экспериментальным крейсером и неполной сотней человек экипажа, но и вообще кем угодно. Словом, неприятная ситуация.

Неудивительно, что человек, на которого свалилось столько всего и сразу, был мрачен, устал, и больше всего ему хотелось, чтобы кончилось подвешенное состояние, и наступила хоть какая-то ясность. Однако все же он заставил себя поспать и, когда они входили в порт, был, как и подобает офицеру Российского флота, одет с иголочки, гладко выбрит и на сто шагов благоухал дорогим одеколоном. Словом, образец офицера. Учитывая же, что и росту в нем было чуть меньше двух метров при соответствующем телосложении, то его можно было хоть сейчас на плакат помещать. Хоть на агитку, призывающую мальчишек на флот, хоть на тех, что печатаются на страх агрессору. Классический русский медведь, добродушный и страшный одновременно, слегка отполированный цивилизацией, но всегда готовый порвать того, кто рискнет хоть чем-нибудь зацепить его страну.

Этот образ был оценен не только им самим. Многочисленные журналисты, толпой хлынувшие на палубу русского корабля, моментально начали виться вокруг столь фотогеничного типажа. Плотников не возражал, сейчас это тоже было частью его работы и, нравится она или нет, ее надо было сделать достойно.

Одно хорошо. Два дня, которые оставались до парада, прошли незаметно, и "Мурманск", стоящий на том же месте, где когда-то стоял легендарный "Варяг", оказался звездой этого шоу. Со своими орудиями (башни один раз, по просьбе все тех же журналистов, даже развернули) он казался выходцем совсем из другой эпохи. Не такой совершенный, зато brutальный и немного устрашающий, как старый воин среди молодежи. Кстати, доля правды в этом имелаась. Среди находящихся здесь французских, английских, американских, японских и, разумеется, корейских кораблей "Мурманск" был единственным, который успел повоевать, хотя и был спущен на воду позже всех.

Кстати, эта его brutальность кое в чем выходила боком. Если конкретно, то с точки зрения малозаметности для радаров "Мурманск" уступал им всем. Хотя, с другой стороны, если он все же был кораблем, которому положено гонять туземцев, это не играло большой роли. Тем не менее, Плотникову это не очень нравилось — неприятно чувствовать себя мишенью.

Вообще, он не понимал, зачем нужен этот парад. Да, кто бы сомневался, то сражение было образцом русского героизма, но, к сожалению, и только. Плотников был циником в значительно большей степени, чем большинство офицеров, не имеющих такого, как у него, жизненного опыта. Романтике, увы, способствует более счастливое детство, чем то, которое выпало на долю этого неглупого и перспективного офицера, и потому, с рациональной точки зрения каперанга, это эпическое сражение было всего лишь эпизодом, причем эпизодом крайне спорным. По сути, если отвлечься от эмоций, Руднев, командир "Варяга", выполнил то, что принято называть программой-минимум. Не спустил флаг перед лицом обладающего подавляющим перевесом врага, вступил в бой, исчерпал средства к сопротивлению и затопил корабль, чтобы он не достался японцам. При этом, учитывая невысокое качество установленных на "Варяге" орудий, они, ведя огонь на предельную

дистанцию, зачастую причиняли вреда себе больше, чем японские снаряды. Без особого эффекта расстреляв боезапас и не причинив противнику серьезных повреждений, "Варяг" отступил и был, вдобавок, затоплен так, что японцы смогли его поднять. Лучше бы уж подорвали, хотя, конечно, никто не думал тогда, что война будет с треском проиграна, и русские наверняка планировали в скором времени вернуться в эти места и поднять крейсер сами. Кто же мог тогда предположить, что их будет преследовать фатальное невезение, помноженное на такую же фатальную расслабленность от многолетнего почивания на лаврах? Результат оказался закономерным — первоклассная морская держава превратилась в посмешище и, по сути, это стало для нее началом конца. Но это в целом, а если применительно к тому бою, то, хотя он и изучен, кажется, вдоль и поперек, дискуссии о нем не утихают уже больше ста лет. Вообще, спорным оставался даже вопрос, попадали русские снаряды в японцев, или нет. Японцы, кстати, утверждали, что нет, однако Плотникову в это не очень верилось — все-таки из более чем тысячи снарядов хоть какое-то количество просто по теории вероятности должно было попасть в цель. Да и по косвенным данным вроде спешно устроенного японцами в этих местах кладбища, потери у них имелись и, возможно, довольно серьезные. Вот только это, увы, было сейчас абсолютно непринципиально.

Так что командир "Мурманска" оставался стойко убежден в том, что не нужны никакие парады. Прийти с визитом, отдать дань памяти, венки по воде пустить — это обязательно, нельзя забывать своих предков и их мужество, однако устраивать парад в честь проигранного сражения — это, знаете ли, пахнет маразмом. Тем не менее, приказ оставался приказом, а значит, согласно плану, ровно через сто тридцать лет после "Варяга", минута в минуту, атомный крейсер "Мурманск" снялся с якоря и пошел тем же курсом, которым когда-то выходили на безнадежный бой русские корабли. Японцы, заняв те же позиции, которые до того занимали корабли их предков, уже были на месте.

Контр-адмирал Уриу, с удобством расположившийся на мостике своего флагманского крейсера "Нанива", ожидал появления я русских одновременно с интересом, нетерпением и легким волнением. Впрочем, эти чувства никак не проявлялись на внешне бесстрастном лице истинного самурая, к тому же, страха или хоть чего-то, похожего на него, Уриу не испытывал. Не потому даже, что бояться недостойно самурая, а потому, что бояться, по его мнению, было некого. Один русский крейсер, достоинства которого, в первую очередь скорость и огневая мощь, а также недостатки в виде слабого бронирования и полностью отсутствовавшей защиты большей части орудий, были хорошо известны, вряд ли мог представлять хотя бы незначительную угрозу японской эскадре. Шесть крейсеров, один из которых, "Асама", был едва ли не лучшим в мире броненосным крейсером, могли огнем своей артиллерии превратить отчаянного русского в мусор на воде. Правда, из всех находившихся здесь японских кораблей "Асама" оставался единственным, который был индивидуально сильнее "Варяга", но в данном случае это не меняло абсолютно ничего. Проходя мимо броненосного крейсера, крайне уязвимый русский корабль получит такие повреждения, что остальные корабли эскадры Уриу его попросту раздавят. А ведь были еще миноносцы, оставленные в качестве последней линии обороны на случай, если русские сумеют каким-то чудом прорваться мимо основных сил. Восемь миноносцев забросают торпедами и противника посерьезнее, чем избитый снарядами крейсер с выбитой артиллерией. На этом фоне оставленное с транспортами в качестве охраны авизо и вовсе выглядело паранойей — кого бояться? В общем, страха уверенный в собственных силах Уриу не испытывал ни малейшего, а вот все остальные чувства присутствовали в полной мере.

Ничего удивительного в этом, кстати, не было. Первый бой с кораблями европейской державы в истории Японии, да и вообще первый бой в этой войне. Ночная атака Порт-Артура не в счет, там все же была ночная атака миноносцев по стоящим без прикрытия и не готовым к бою кораблям противника, к тому же проведенная ДО объявления войны. В общем, если вдуматься, мало чести. Сейчас, при таком соотношении сил, ее тоже немного, но все же открытый бой остается открытым боем, а в том, что соотношение сил нельзя назвать даже приблизительно равным, русские были виноваты сами. В конце-концов, никто не заставлял их загонять первоклассный крейсер стационаром в ту ловушку, в которую превратился этот корейский порт, едва началась война.

Оставался, правда, шанс на то, что русские сдадутся. Европейцы вообще умеют проигрывать и, в отличие от потомков Амата-расу, не видят ничего дурного в том, чтобы спустить флаг перед лицом заведомо более сильного противника. Хотя, конечно, не факт, все же русские — не совсем европейцы, да и Руднев, по слухам, храбрый офицер. Однако, если они все же предпочтут сдаться, это будет великолепно! Мало кто может начать войну с чистой и бескровной победы, к тому же русские корабли, даже устаревшая канонерка, не говоря уже о первоклассном крейсере, неплохи и наверняка смогут занять достойное место в составе японского флота. Да и порт японцам нужен был функционирующий, а ведь Уриу до последнего опасался, что русские решат драться прямо на рейде, когда все прошедшие мимо цели японские снаряды обрушатся именно на город и порт, разнеся вдребезги инфраструктуру, которую потом придется долго и мучительно восстанавливать.

Однако русские вышли из порта, сдаваться они, по словам кишащих в Чемульпо, как

кишечная палочка в местных колодцах, агентов (а не верить им оснований не было) настроены не были, и теперь предстоял бой фактически в полигонных для японцев условиях. Уриу приходилось бывать в России, и он видел нелепую забаву, когда посаженного на цепь медведя травят собаками. Могучий зверь, лишенный подвижности, и не имея возможности ни полноценно атаковать, ни бежать, рано или поздно оказывался повержен многочисленными слабыми, но быстрыми противниками. А ведь один на один мишка легко догнал бы и разорвал любую из собак. Здесь была прямая аналогия — узость проливов и плетущаяся в кильватере тринадцатиузловым ходом канонерка были цепью, надежно удерживающей русского медведя и не дающей ему дать врагу бой в выгодных для себя условиях открытого моря. Тем не менее, русские не боялись, что вызывало уважение и некоторое раздражение. Все же война, если противник готов умереть, но не сдаться, грозила стать для Страны Восходящего Солнца серьезным испытанием. Конечно, сталь мечей надо закаливать в горниле сражений, вот только всегда есть риск иззубрить свое оружие, а ведь, как ни крути, гибель многих солдат ослабит Японию.

Невероятно густой, практически непроницаемый туман, внезапно опустившийся между японской эскадрой и ставшими уже ясно различимыми выходящими из порта чтобы идти на прорыв русскими кораблями, стал для адмирала неприятной неожиданностью. Неужели русским так повезло с погодой? Если туман начнет напоздать на японскую эскадру, обнаружить в ней русских можно будет только случайно, зато вероятность самим угодить под обстрел своего же крейсера, окажется более чем серьезной. Это русским хорошо — любая тень, мелькнувшая в тумане, будет для них врагом, мимо которого надо красться или, если не получится проскочить, безбоязненно открывать огонь, а японским комендорам останется только молиться своим богам, чтобы не расстрелять по ошибке своего...

Однако опасения Уриу оказались беспочвенными. Точно так же внезапно, как и опустился, туман начал распадаться на отдельные хлопья, не продержавшись и десяти минут. Адмирал осторожно, чтобы не заметили подчиненные, перевел дух. Ну, вот и все, еще немного, и... Вот только русский корабль почему-то был один. Уриу поднес к глазам бинокль. Ничего себе! Перед ним был не совсем "Варяг". Да что там, это был совсем не "Варяг". На таком расстоянии сложно было различить отдельные детали, но силуэт японский адмирал перепутать не мог — он был профессионалом, и силуэты русских кораблей, с которыми ему предстояло воевать, знал наизусть. Прибегать к справочникам не было нужды, этого силуэта он никогда не видел. Однако тут по борту неизвестного корабля пробежала цепочка вспышек, что однозначно говорило о том, что это враги. Конечно, открывать огонь с такой дистанции, на которой вероятность поражения ничтожна, глупо, но, возможно, таким образом русские решили обозначить свои намерения. А в следующий момент тяжело громыхнули в ответ носовые орудия "Асамы", и бой начался.

Борт крейсера "Мурманск", это же время

Туман, густой и плотный, как молоко, опустился так резко, что стоящие на мостике офицера лишь недоуменно переглянулись. Ощущение внезапной слепоты, бывшее чрезвычайно реальным и неприятным, заставило всех рефлекторно проверить, случилось что-то с окружающим миром или же с ними самими. Как оказалось, все же с миром — зрение было в порядке, однако легче от этого не стало. Очень сложно управлять кораблем, когда с мостика не видно даже носовой башни. Вдобавок, ослеп локатор, выдававший теперь сплошную засветку, а сонар и вовсе отказался работать. Впрочем, продолжалось это безобразие совсем недолго, буквально через несколько секунд корабль встряхнуло, он как будто провалился вниз, заставив всех невольно схватиться за все, что попало под руки, но почти сразу выправился. Покатилась, оставляя за собой грязно-коричневую дорожку от пролившегося кофе, чья-то кружка, но этим видимый ущерб и ограничился. В следующую секунду на мостике стало ощутимо светлее — туман редел на глазах. Почти сразу же заработал локатор, выдававший привычную картинку, разве что засветки от японских кораблей были заметно ярче, чем раньше, но на это в тот момент никто не обратил внимания.

— Доложить о повреждениях, — коротко бросил Плотников. Этот приказ был, скорее, формальностью — все члены экипажа и без того прекрасно знали, что им надо делать и, склонившись над терминалами, проверяли состояние корабля. В высокой степени автоматизации и, соответственно, контроля всех узлов корабля, включая элементы обшивки, есть огромный плюс — информация об их состоянии приходит почти мгновенно. Спустя минуту Плотников уже знал о том, что какие-либо повреждения отсутствуют, и облегченно перевел дух. Что бы ни произошло, это прошло для его корабля безболезненно. Возможно, правда, он чувствовал бы себя несколько иначе, если бы знал, что на глазах у зрителей, собравшихся на берегу, а также на борту многочисленных катеров и стоящих в порту кораблей, из ключев тумана вместо непонятного, но грозного русского крейсера материализовались два архаичного вида корабля, постройки конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Однако такой информации у него, разумеется, не было, и потому все то, что произошло чуть позже, стало для него крайне неприятной неожиданностью.

— Взгляните, они ведь полноценную реконструкцию сделать решили! Корабли заgrimировали — от тех не отличишь.

Плотников взглянул на экран, на который транслировалось изображение с камер. Ну да, отличная работа. Умеют, сволочи узкоглазые. Наверняка крашеный пластик поверх корпусов, но до чего же здорово сделано! На первый взгляд не отличить, да и на второй, если честно, тоже. А наши поскупились, хотя, конечно, попробуй найди сейчас корабль, который так вот по быстрому замаскировать можно. Разве что "Аврору" из Питера перегнать, у нее силуэт на редкость похож. Воткнуть четвертую трубу — и вперед. В конце-концов, в одноименном фильме она "Варяг" изображала — и ничего, получилось неплохо.

Надо же было случиться именно так, что как раз в этой точке им, по согласованному сценарию, требовалось дать салют. За сутки до парада Плотников, когда узнал об этом, с трудом сдержался, чтобы не послать всех, включая начальство, далеко и надолго. И плевать потом на скандал, на то, что рухнет тщательно продуманный и обговоренный с другими участниками шоу сценарий. Салютовать, как побежденный победителям... Однако

дисциплина взяла свое, и, выходя из порта, орудия были заряжены. Холостыми, разумеется, и сейчас, не обращая внимание на проходящее мимо сознание несоответствие в виде побережья раньше и сейчас, Плотников скомандовал. Орудия, как им и положено, громыхнули, и почти сразу на ближайшем японском корабле он увидел две тусклые вспышки. Ответный салют, чтоб их...

Прямо перед носом крейсера, всего в какой-то паре кабельтовых, выросли два высоких столба вспененной воды. "Вот и на пиротехнику не поскупились, шоумены хреновы" успел еще подумать он, и тут снова вспышки, а потом еще два столба, уже совсем рядом.

— Лихо, — прокомментировал кто-то. — Но я что-то не помню этого в программе...

— Я тоже, — сквозь зубы ответил Плотников. Что-то было не так, но что он пока не мог понять. А потом новые вспышки, три водяных столба совсем недалеко и страшный удар, потрясший корабль, казалось, от киля до клотика. Взвизгнули осколки, кто-то истошно заорал, носовую часть крейсера мгновенно затянуло едким дымом, тут же втянутом вентилятором, и знакомый запах ударил в ноздри. Мелинит, сиречь, шимоза, которой японцы снаряжали снаряды в ту войну. Решили поиграть в войну по-настоящему? Ну, так получите!

Дальше рефлексy действовали, опережая сознание. Повинуясь команде, взвыли сервоприводы, опуская толстые бронеvые плиты и превращая мостик в боевую рубку. Огромные винты начали ускорять вращение, чтобы разогнать корабль, случись нужда, вплоть до максимальных тридцати шести узлов. В башни подавались снаряды. Они хотят войны? Они ее получают! И, видя морпеха, которого уносили с палубы, Плотников не колеблясь скомандовал открыть огонь.

С борта своего флагмана Уриу увидел только шесть ярких вспышек, и в следующий момент вокруг "Асамы" вырос лес разрывов. По счастью для японского крейсера, залп русского крейсера был дан фугасными снарядами, иначе в нем наделали бы дырок не меньше, чем в голландском сыре. Но и восьмидюймовые фугасы, снаряженные вдвое более мощной, чем шимоза, взрывчаткой, и потому соответствующие примерно японским десятидюймовым (японские моряки, правда, об эффективности своих десятидюймовок пока не знали, поскольку единственный корабль несущий такое орудие, в Японию еще не прибыл, но от этого им сейчас было не легче), натворили дел. Из шести снарядов в цель попало три. Вообще, с шестидесяти кабельтовых, на которые японцы невольно подставились, орудия "Мурманска" должны были поражать цель с вероятностью не менее восьмидесяти процентов, однако японцам невероятно повезло — первое и пока что единственное попадание в русский крейсер с дальней дистанции пришлось в носовую башню. Ее двухсотмиллиметровую броню, сделанную из стали, которую разработала цивилизация, опережающая здесь всех более чем на сто лет, восьмидюймовый фугас, разумеется, не пробил. Дождь осколков тоже не причинил особого вреда, если не считать двух раненых — одного морпеха, получившего крохотный, всего с ноготь, но от того не менее опасный осколок в живот, и лейтенанта Павленко, имевшего неосторожность в этот момент, облокотившись на леер, рассматривать в бинокль "загримированные" корабли. Ему осколком рассекло рукав и пропоролo кожу на руке — не смертельно и даже неопасно, хоть и неприятно, да и крови было много.

Однако башня — это не только броня, которую можно пробить или не пробить. Башня — это еще и многочисленные механизмы, и куча электроники, этими механизмами управляющей. В башнях "Мурманска" людей не было, поэтому никого не контузило, но сама

башня до конца боя замерла, как мертвая. Более того, вторая башня от сотрясения начала давать промахи — очевидно, была сбита настройка установленного в ней лазерного дальномера. К счастью, подобное лечилось быстро — уже после третьего залпа удалось определить, что орудия посылают снаряды с небольшим недолетом, стрельба их была приостановлена, а еще через пять минут лихорадочной работы электронщиков, возобновлена с требуемой точностью. Впрочем, японцам для полноты ощущений хватило и одной башни, тем более русские, убедившись, что якобы пластиковая обшивка не только не собирается разваливаться, но и почему-то не особенно стремится гореть от попаданий фугасных снарядов, перешли на бронебойные. Те хоть и взрывались не столь эффектно, зато дел натворить могли куда больше.

Первые три снаряда ударили в борт "Асамы", вмяв в корпус одно из шестидюймовых орудий вместе с казематом и сделав две больших но неопасных пробоины. Затем попадания пошли и в настройки. Трудно сказать, повезло японцам с дистанцией или нет — с одной стороны, выпущенные из орудий русского крейсера снаряды шли по настильной траектории. Попади они в палубу — и добраться до нежных потрохов "Асамы" им было бы куда проще, а сейчас жизненно важные места, помимо толстой брони, защищали наполненные угольные ямы. С другой же, такая дистанция была предельной для большинства японских орудий, и в цель попасть можно было разве что случайно. Хотя по "Мурманску" били все, кто хоть теоретически мог до него достать и из всего, что было под рукой, в него попал еще всего один шестидюймовый снаряд, оставивший на борту красочное, но неопасное пятно обгоревшей краски. Сто миллиметров русской стали явно оказались не по зубам японскому фугасу. Процент же попаданий в самих японцев был для них удручающе высок, а единственные на всей эскадре орудия, которые могли хоть сколько-то серьезно угрожать русскому крейсеру, были на все той же многострадальной "Асаве", и как раз они-то замолчали в первые же минуты боя. Если конкретно, под ураганным огнем русских последнее из восьмидюймовых орудий "Асамы" было выведено из строя на третьей минуте. К тому времени еще недавно первоклассный броненосный крейсер уже превратился в руину, и не затонул лишь потому, что еще просто не успел этого сделать. Большое корыто, как известно, долго тонет, а по меркам начала века назвать "Асаму" и его систершипов маленькими кораблями не решился бы никто. Однако то, что минуты его жизни сочтены, было ясно. Он получил больше полусотни снарядов, из них три — ниже уровня ватерлинии. Тоже своего рода везение — их могло быть и куда больше, хотя, учитывая размеры пробоин, вряд ли это можно было назвать принципиальным. Сейчас по коридорам броненосного крейсера стремительно растекалась соленая вода, бодро отвоевывая себе все новые и новые пространства. Правда, водонепроницаемые переборки, вставшие у нее на пути, немного замедлили этот процесс, однако в корне переломить ситуацию не могли. Крейсер был обречен, хотя его экипаж, одна из элитных команд японского флота, делала все возможное и невозможное, чтобы не допустить этого. Назвать японцев трусами не повернулся бы язык ни у кого, и они, зачастую по горло в не такой уж и теплой январской водичке, отчаянно пытались если не остановить, то хотя бы немного ослабить рвущиеся в недра корабля потоки. Тем не менее, вода поступала, крен нарастал, и было ясно, что очень скоро будет достигнут предел остойчивости, после чего огромный корабль просто ляжет на борт.

Впрочем, то, что располагалось выше ватерлинии, тоже не могло внушить японцам оптимизма. Для описания борта больше всего подходило слово "изодран" — именно такое впечатление он и производил. Во все стороны торчали художественно скрученные и

местами оплавленные куски железа, многих бронеплит вообще не было — вырванные "с мясом" они покинули корабль и теперь мирно покоились на дне. Многочисленные казематы шестидюймовых орудий разнесло вдребезги, а единственное чудом уцелевшее орудие не могло стрелять, потому что корабль уже заметно накренился и теперь оно смотрело в воду.

Надстройки "Асамы" выглядели не лучше. Руины, что еще с них взять. Фугасные снаряды разнесли буквально все. Среди расплюснутых взрывом обломков боевой рубки, распространяя вокруг себя хорошо различимый даже сейчас запах шашлыка, неспешно подгорало тело командира крейсера, а тела матросов и офицеров бесполезно было даже считать. В один миг корабль лишился почти половины своей команды, и теперь некому было даже тушить неспешно разгорающиеся пожары. Одна труба, оторванная взрывом, лежала поперек палубы, надежно заклиненная среди обломков. Во вторую снаряд попал в трех метрах от палубы и разорвал ее пополам. Нижняя часть, скрученная в невиданный узел, торчала над искореженными надстройками, поразительно напоминая неприличный американский жест, а верхнюю отшвырнуло метров на двадцать в море, где она и затонула, медленно и величественно, словно и не была железной.

Носовая башня была сбита с катков — в нее почти одновременно, с интервалами в несколько секунд, попали три снаряда, и, хотя фугасы снова не смогли проломить броню, суммарной энергии их взрывов хватило, чтобы броневую "кастрюльку" сдвинуло почти на четверть метра. Кормовая тоже не пережила обстрела — левое орудие было оторвано прямым попаданием, и на его месте торчал теперь лишь короткий огрызок. Правое на вид было целым, однако, присмотревшись внимательно, можно было рассмотреть, что тем же взрывом его основательно погнуло. Как боевая единица "Асама" перестала существовать.

Однако те, кто сейчас дирижировал боем рубке "Мурманска", об этом еще не знали. К тому же, для каждого из них это был первый в жизни полноценный морской бой. Да, все они успели повоевать, но гонять папуасов, топить пиратов или в очередной, третий или четвертый по счету раз уничтожать грузинский флот прямо на его базе — это все же не то. Первый раз в жизни они сражались с противником, равным если не по вооружению, то хотя бы по храбрости и, с поправкой на эпоху, уровнем подготовки. Естественно, адреналин у всех едва не из ушей сочился, а это отнюдь не всегда способствует ясности мыслей. Поэтому в по-прежнему единственную полноценно действующую кормовую башню были наконец поданы бронебойные снаряды, и уже второй залп оказался для "Асамы" смертельным. Как иголкой проткнув и без того развороченную броню, один из снарядов нашел-таки достойную цель, разорвавшись в погребе носовой башни. Вся палуба над ней мгновенно исчезла в ослепительной вспышке взрыва, а днище просто вывалилось, отправившись, следом за трубой, в гости к Нептуну. Это был конец, и ясно увидевший результат Плотников приказал задробить стрельбу.

Следующие несколько минут и русские, и японцы потратили на то, чтобы осмыслить ситуацию, тем более что бой прекратился сам собой. Не потому, что его не хотели продолжать, а потому, что не могли. Обе носовые башни "Мурманска" были пока что небоеспособны, кормовая же пока что не могла вести огонь из-за неудобной позиции японцев. Японцы, в свою очередь, несколько опешили, находясь под впечатлением от почти мгновенной гибели "Асамы", тем не менее сообразили, что пока что ничего не могут сделать, и им надо либо срочно сокращать дистанцию, либо делать ноги.

В это время Плотников наконец и понял, что произошло. Во-первых, он сообразил, какое несоответствие увидел — исчезли все катера и яхты, которые были вокруг, но главное,

исчезли многочисленные строения на берегу. Голые, дикие скалы, как... да как сто с лишним лет назад. И в этот момент ему доложили об отсутствии связи с кем бы то ни было, и вообще об отсутствии спутников на орбите. А вот корабли, вполне себе боевые, и притом явно древние, имелись. Получалось, что они провалились в прошлое. Невероятно, разумеется, но как рабочая гипотеза подойдет вполне, в тонкостях можно было разобраться потом. Судя по тому, как переглядывались присутствующие здесь же офицеры, такая мысль пришла в голову не ему одному.

В свою очередь, адмирал Уриу был в шоке. Он не был новичком, и погоны свои заработал не просиживая штаны в штабе, но раньше ему приходилось сражаться с китайцами, многочисленными и часто неплохо вооруженными, но в подавляющем большинстве нестойкими, слабо обученными и, вдобавок, далеко не всегда понимающими, что им, собственно, делать и какую стратегию с тактикой выбирать. Да что там, их только ленивый не бил, те же русские парой дивизий разогнали всю китайскую армию, после чего походя, не напрягаясь взяли Пекин. С таким противником не воюют, его просто бьют. А вот сейчас до него стало доходить, что такое иметь дело с опытным, хорошо обученным врагом, имеющим не только более древнюю морскую историю и, похоже, лучшее оружие, но и готовым, а главное, умеющим именно воевать. Мгновенное и безжалостное уничтожение "Асамы", которая как раз сейчас медленно и величественно ложилась на борт, выпуская при этом густые потоки белого пара из изуродованного русскими снарядами машинного отделения. Котлы, правда, не взорвались, но это было уже непринципиально — восстановить крейсер было уже невозможно, проще и дешевле построить новый.

Однако и отступать Уриу не собирался, тем более что под его командованием все еще оставалась пять крейсеров. Вон как раз сейчас на "Чиоде" не дожидаясь приказа выбирали якорную цепь, командуя крейсером Муриками, очевидно, намерен был то ли начать спасательную операцию, подбирая моряков с "Асамы", то ли, напротив, попытаться укрыться за ее все еще внушительно выступающей над водой тушей — здесь было мелко, и полностью броненосному крейсеру было не затонуть. Кстати, укрыться, хотя бы и таким образом, было в данной ситуации далеко не самой худшей идеей. По всему выходило, что "Чиода", находясь второй в строю, станет ближайшим кандидатом на расстрел. На то, что русские по какой-либо причине не станут в нее стрелять, надеяться было глупо, удивительным было уже то, что они все еще не начали это делать.

Вообще, план японского адмирала рухнул с блеском и треском. Если по его первоначальным расчетам выходило, что русские будут последовательно проходить мимо его кораблей, так же последовательно получая с них разнокалиберные гостинцы, то теперь ситуация становилась прямо противоположной. Сильнейший корабль будет последовательно проходить мимо японских крейсеров, так же последовательно и неторопливо расстреливая их с безопасной дистанции.

Единственным выходом, который пришел в голову адмиралу, было сократить дистанцию и засыпать одинокий русский корабль снарядами. О том, что можно еще и попытаться отступить, он даже не подумал — тому, кто имея пять кораблей готов бежать от одного-единственного, остается только сделать сепукку, причем заранее, еще до того, как будет отдан приказ об отступлении. Реагировать на кризис Уриу, надо сказать, умел быстро, поэтому уже через минуту на японских кораблях, не теряя времени на то, чтобы выбрать якоря, принялись расклепывать цепи. Конечно, за такое потом по головке не погладят, но время было слишком дорого. Сам же адмирал, воспользовавшись тем, что дистанция

немного сократилась, попытался еще раз рассмотреть русского в бинокль. Увиденное повергло его в уныние — мало того, что неизвестный корабль нес не установленную на палубе и практически незащищенную артиллерию, как "Варяг", а имел башни, так еще и башен обнаружилось целых три. Это отчасти объясняло запредельную скорострельность русских орудий, но не могло ответить на вопрос, где "Варяг" и откуда здесь взялся этот монстр. К тому же, судя по всему, размерами он должен был превосходить иной броненосец, а драться с броненосцем — отнюдь не самое мудрое решение. На этом фоне полное отсутствие дыма от сгоревшего угля уже не выглядело странным, воспринимаясь почти как должное.

А еще русский корабль (назвать этого монстра крейсером язык не поворачивался) шел со скоростью заметно большей, чем можно было ожидать от того же "Варяга". Навскидку Уриу определил ее как шестнадцать-восемнадцать узлов, хотя, на самом деле, "Мурманск" шел уже на двадцати. Правда, и этого Уриу, опять же, не мог пока знать, уже через несколько минут Плотников приказал снизить ход до четырнадцати, а потом и до двенадцати узлов — гидрографию района и он сам, и его штурманы знали довольно посредственно, опираясь, в основном, на информацию, заложенную в память компьютера. Там, к его удивлению, были данные и по состоянию проливов столетней давности, что наводило на серьезные размышления, причем доступ к этим базам данным, как доложил штурман, у него появился только что. Однако в абсолютной достоверности сведений Плотников уверен не был, и потому решил подстраховаться, тем более что, как он убедился на примере свежеутопленной "Асамы", огневая мощь его корабля обеспечивала тому в бою подавляющее преимущество. Несколько попаданий, которые можно было получить из-за того, что какой-нибудь японский крейсер успеет сблизиться на опасную дистанцию, командир "Мурманска" считал меньшим риском, чем распоротое о камни днище. В конце-концов, его крейсер уже получил несколько попаданий, но ни одного пробития брони пока не наблюдалось. Правда, молчащая носовая башня наводила на мрачные мысли относительно надежности механизмов, но, вполне возможно, с ними все не так страшно, как кажется на первый взгляд. После боя он заставит эту башню по винтику перебрать, но найти причину отказа, а пока и две действующие башни давали возможность расстреливать японские корабли с запредельной для тех дистанции. Жаль только, что из-за узости фарватера невозможно будет, пользуясь двойным преимуществом в скорости, удерживать противника на безопасном расстоянии, в свою очередь, безнаказанно расстреливая японские крейсера издали, однако в мире нет ничего совершенного. Да и потом, по всему выходило, что "Мурманск" способен если не уничтожить, то как минимум серьезно повредить все японские корабли еще до того, как они приблизятся и станут по-настоящему опасны.

Между тем наконец-то поступил доклад о состоянии артиллерии. По первой башне данные были неутешительными — надо было лезть внутрь и разбираться с ее оказавшимися чересчур нежными потрохами, и сколько на это уйдет времени, было непонятно, а вот вторая башня, то если верить артиллеристам, восстановила боеспособность. Это радовало, потому что японские корабли уже снимались с якорей, и вскоре бой должен был продолжиться. В том, что японцы, встретившись с противником, который им явно не по зубам, не попытаются уйти, а будут драться, Плотников не сомневался ни на миг. Это его современники, возможно, отступили бы, но японцы начала двадцатого и середины двадцать первого века — это очень разные люди, и от тех, кто был его нынешним противником, отступления, то есть, по их меркам, трусости ожидать было наивно.

Чуть довернув, "Мурманск" получил возможность работать обеими башнями главного калибра и возобновил бой, благо так и не успевшая сняться с якоря "Чиода" в прицел ложилась идеально. Орудия третьей башни были уже заряжены бронебойными, во вторую подали фугасы. Залп! Второй залп дали уже одними фугасами, а после третьего залпа огонь прекратили — все же те, кто находился в рубке "Мурманска" были профессионалами, и азарт начала боя уже схлынул, уступив место точному расчету. Три залпа — этого более чем достаточно для ветерана, и тратить зря снаряды для того, чтобы разнести на заклепки этот плавучий антиквариат, было попросту нерационально.

Порядком устаревшая к началу этой войны "Чиода" была кораблем не очень хорошо защищенным и откровенно слабо вооруженным. Сто двадцать миллиметров — калибр, подходящий вспомогательному крейсеру, но уже мелковатый для полноценного боевого корабля. Правда, имеющийся на "Чиоде" бронепояс выгодно отличал ее от большинства японских коллег, однако броня эта сейчас могла считаться броней только по названию — все же за полтора десятилетия военные технологии шагнули далеко вперед. Естественно, что против снарядов, которые в клочья разнесли броню "Асамы", защита "Чиоды" не плясала, и град восьмидюймовых снарядов мгновенно нанес ей смертельные повреждения. Из восемнадцати снарядов, выпущенных "Мурманском" менее чем за полминуты, в цель попали четырнадцать. В первый момент кроме вспышек от взрывов ничего не наблюдалось, но через пару минут крейсер внезапно вспыхнул от носа до кормы, и ревущее пламя, вырвавшееся из-под палубы, весело устремилось к небесам.

Как ни странно, в этом аду кто-то еще не только выжил, но и пытался, порой, небезуспешно справиться с ситуацией. Да, команду "Чиоды" трудно было назвать первоклассной, как на кораблях Первого отряда, да и сам корабль, честно говоря, не блистал ни качеством постройки, ни техническим совершенством. Рожденный в период, когда принципы строительства боевых кораблей еще подбирались методом проб и ошибок, он просто не мог не вобрать в себя, наряду с удачными решениями, и решения откровенно тупиковые. К тому же крейсер, длительное время находившийся на стационарной службе, был фактически лишен возможности проводить полноценные учения. Подобное расслабление мастерства команде не добавляет, но японцы, как всегда, проявили изрядное мужество. Хотя они и не успели погасить возникший в недрах корабля пожар в зародыше, отчасти потому, что зародышей было много, и были они крайне интенсивными, а отчасти из-за того, что процесс развивался стремительно, и им просто не хватило времени, тем не менее, оставшиеся у них минуты чудом выживший в этом аду капитан "Чиоды" и его поредевшая команда использовали с толком. Изувеченный крейсер успел дать ход и, быстро оседаая носом, уверенно направился к мелководью.

В известной степени можно было считать везением то, что почти все попадания пришлись в носовую оконечность крейсера, оставив неповрежденными рулевое управление и машины. Не меньшей удачей было то, что так и не выбранную якорную цепь оборвало взрывом снаряда, попавшего точно в клюз. Правда, из-за многочисленных пробоин и одна за другой выдавливаемых напором воды переборок крейсер стремительно садился носом, и скоро потерял возможность управляться, так как руль почти полностью оказался над водой, но это было уже непринципиально. Когда волны уже заливали палубу, днище корабля заскрежетало о камни, и "Чиода" остановилась, искалеченная, но не затонувшая. За борт с нее прыгали, стараясь погасить горящую одежду, японские моряки, а в машинном отделении дисциплинированно гасили топки и стравливали в атмосферу пар, чтобы холодная забортная

вода, которая рано или поздно сюда доберется, не вызвала взрыв котлов.

Командир "Чиоды", контуженный и получивший многочисленные ожоги, но все еще, как ни странно, живой и даже всерьез не поцарапанный, стоял на чудом уцелевшем правом крыле мостика. Левый представлял из себя беспорядочное нагромождение скрученных железных листов и балок, боевая рубка, получившая еще после первого залпа русских прямое попадание бронебойного снаряда, была вывернута буквально наизнанку. Однако боги в этом бою пока берегли японского офицера, для того, наверное, чтобы он спас если не корабль, то хотя бы часть экипажа. Пожар, так лихо начавшийся, столь же стремительно и затухал, не найдя себе пищи, да и аварийные партии постарались, активно заливая горящие участки водой из брандспойтов, благо давление в линиях еще было, а рукава, пусть и посеченные осколками, могли обеспечить подачу. Севший на грунт и заметно накренившийся корабль сейчас возвышался над водой менее чем на метр. В принципе, это спасло его и от взрыва — вода затопила погреба, а те снаряды, что были поданы к орудиям (о чудо!), пока не сдетонировали. Вернее, может быть, какие-то из них и взорвались, но на общем фоне, когда в борт крейсера один за другим влетали русские восьмидюймовые "гостинцы", их слабенькие хлопки остались незамеченными. Сейчас оставшиеся на палубе матросы сбрасывали уцелевшие, но все еще горячие снаряды за борт — для полного счастья старому крейсеру не хватало только, чтобы они начали взрываться.

Прислонившись к изуродованному металлу, Муроками с неожиданной ленью думал о том, что для "Чиоды" война, похоже, закончилась. Вряд ли старый, изувеченный почти до неузнаваемости крейсер будут поднимать, хотя кто знает. В любом случае, он сделал все, что мог — спас корабль от практически мгновенного уничтожения, сберег часть экипажа, которая еще пригодится Японии, и даже, под занавес, успел хоть немного отомстить русским — одно из орудий, ведущее огонь до последнего, смогло-таки добиться попадания. Во всяком случае, вспышку пламени и столб дыма он видел ясно, а так как по русским в тот момент никто больше не стрелял, это делало артиллериста "Чиоды" единственным претендентом на авторство этого снаряда. Правда, вряд ли Муроками обрадовался бы, узнай он, что столь красочно взорвавшийся снаряд не смог оставить на броне русского корабля даже сколь либо заметной вмятины, но, тем не менее, заслуг его это ничуть не умаляло — он и впрямь сделал все, что мог. Единственное, что портило сейчас настроение выжившему в этой бойне офицеру, было ясное осознание простого факта: если один русский корабль смог в течение нескольких минут уничтожить два японских крейсера и, скорее всего, не остановится на этом, то бой против всего русского флота может оказаться для Японии самоубийственным. Проклятые западные варвары, похоже, обманули японцев, продав им устаревшее оружие и оставив для себя по-настоящему новые и совершенные корабли, и предельно убедительным доказательством этому факту служит тот монстр, который сейчас спокойно проходит на горизонте.

А между тем бой продолжался, плавно перетекая в новую, еще более опасную для японцев стадию. Более опасную потому, что их эскадра уже лишилась как минимум половины своей огневой мощи, и при этом следующей целью для русских орудий должна была стать "Нанива". Выбить флагмана — азбука любого сражения, как правило, это означает, что эскадра на какое-то время лишится управления. Так уже не раз было, или теперь надо говорить "будет", во время той войны в которую так беспардонно влез "Мурманск". Хотя бы даже во время сражения в Желтом море, когда у русской эскадры был шанс разгромить японский флот. Тогда адмирал Витгефт, которого никто не считал не то

что талантливым флотоводцем, но даже и флотоводцем вообще, почти сумел сделать то, что не удавалось признанным авторитетам ни до него, ни после. Грамотный штабист и грамотный же тактик, он сумел, соответственно, построить бой таким образом, что не дал японцам реализовать ни одного имеющегося у них преимущества. В то же время, обмена ударами японцы не выдерживали, казалось, еще чуть-чуть, и они побегут, но... Случайный снаряд, нелепое везение, которое всю войну сопровождало японцам, и храбрый адмирал, могущий стать новой гордостью русского флота, погиб, управление эскадрой нарушилось. Выигранное уже сражение превратилось в полный разгром и бегство в ставшую ловушкой гавань Порт-Артура. Сейчас картина имела шанс повториться с точностью до наоборот, потому что японский флагман, корабль старый, заслуженный, ветеран многих сражений, имеющий отличную, опытнейшую команду, но притом, в силу своих лет, отвратительно защищенный, неспешно вплывал в русские прицелы, представляя для артиллеристов "Мурманска" соблазнительную и притом крайне уязвимую мишень. Характеристики "Нанивы" были известны, и потому орудия были заряжены фугасами. По прикидкам, двух-трех залпов должно было хватить, чтобы отправить ее на дно.

Однако, как это часто бывает, все опять пошло не по сценарию. Пресловутый человеческий фактор — бич любого процесса, способный как спасти при явно проигрышных раскладах, так и запороть все, что угодно. В данном случае роль этого пресловутого фактора сыграли действия командира крейсера "Нийтака", у которого нервы то ли сдали от вида неспешно накатывающейся на них махины русского крейсера, то ли, напротив, оказались крепче, чем у многих.

Новенький, можно сказать, свежеиспеченный кораблик не имел такой подготовленной команды, как на "Наниве" или покойной "Асаме", да и сам он не блистал — обычный крейсер, не особенно большого водоизмещения, с посредственной артиллерией и защитой. Другое дело, что одним несомненным достоинством он похвастаться мог — его машины не были изношены, да и дно обрести не успело, поэтому разгонялась "Нийтака" стремительно. Виртуозно отработав машинами, крейсер лихо развернулся и устремился в сторону своего многократно превосходящего по всем параметрам противника. Дистанция начала опасно сокращаться, и артиллеристы японского корабля, обнаружив, что могут уверенно дотягиваться до русских, открыли огонь с такой частотой, что на короткий момент превысили считавшуюся технически возможной максимальную скорострельность. Стреляли они, правда, из рук вон плохо, но один снаряд — баллистика, а сто — статистика, и броня "Мурманска" загудела от ударов.

Неизвестно, чего хотел добиться командир "Нийтаки". Возможно, он понял, какая опасность угрожает флагману, и хотел прикрыть его корпусом собственного корабля, а может, просто сообразил, что русские сейчас будут расстреливать их по очереди, и пытался в лучших самурайских традициях хотя бы дотянуться до противника перед смертью, орудиями или тараном — все равно. Достоверно установить это возможным не представлялось — мостик, боевая рубка, а с ними вместе командир японского крейсера, четверо его офицеров, двое рулевых и сигнальщик погибли, когда русские снаряды обрушились на их корабль. Однако программу-минимум они, в любом случае, выполнили — вместо того, чтобы бить по японскому флагману, "Мурманск" вынужден был обрушить всю огневую мощь на "Нийтаку".

В первый момент создалось впечатление, что с палубы корабля попросту смело все надстройки. С дистанции, на которую успел приблизиться лихой японский крейсер, всего-то около тридцати кабельтов, артиллерия "Мурманска" давала процент попаданий, мало

отличимый от ста и, хотя идущая носом на противника "Нийтака" представляла собой не самую лучшую мишень, продольный огонь русского корабля был страшен. После второго залпа утративший всякое подобие управления крейсер, двигаясь по прямой, еще имел какие-то шансы достать русских, но "Мурманск" увеличил ход, и хлебающий воду изувеченным носом и быстро зарывающийся в волны крейсер прошел у него за кормой.

Однако, как ни удивительно, проблемы, доставленные упорным японцем, еще только начинались. И дело тут было не только и даже не столько в том, что за подаренное ему время Уриу успел создать из трех оставшихся у него крейсеров некое подобие строя. Ха! Помог бы японцам этот строй, хотя, конечно, подстегнутые опасностью они маневрировали так, что можно было залюбоваться. Хуже было то, что уже тонущая "Нийтака" успела с дистанции не более десяти кабельтов выпустить из чудом уцелевших аппаратов две торпеды, и шли они очень точно. Почти наверняка это была воля случая, который, как известно, слеп, но от этого было не легче. Маневр уклонения русские провели безукоризненно, вот только при этом курс его неминуемо вел навстречу японцам, опасно сокращая дистанцию. А повернуть от них было попросту невозможно — обладающий немалой массой, русский крейсер неминуемо вынесло бы на камни. Оставалось только дать полный ход и молиться, чтобы выдержала броня и не подвернулась под форштевень непрошенная мель.

Следующие минуты всем, кто был на крейсере, запомнились как один сплошной гром от бьющих по броне снарядов и поток осколков, казалось, даже не летящих, а льющихся вдоль палубы. Отвечать на этот обстрел могла только носовая башня. Она и отвечала в меру сил и скорострельности, разнеся ближайший японский корабль, которым волей случая оказался "Акаси", буквально на куски, и нанеся-таки "Наниве" десяток попаданий, от чего флагманский корабль адмирала Уриу, объятый пламенем, вынужден был искать спасения, приткнувшись к берегу. На прощание, уже уходя, кормовая башня в упор отсалютовала до того не обстреливавшемуся и потому счастливо избежавшему повреждений "Такачихо". Результат был ошеломляющим. Над кормовой частью крейсера вырос огромный столб огня и пара, а когда он опустился, над водой сиротливо торчал только нос того, что совсем недавно называлось боевым кораблем. Очевидно, снаряды, попав в машинное отделение, вызвали взрыв котлов, и старому крейсеру этого хватило. Эскадра контр-адмирала Уриу перестала существовать.

"Мурманск" прорвался сквозь строй вражеских кораблей, хотя и ему при этом изрядно досталось. Плотным огнем была разрушена одна из башен тридцатимиллиметровых орудий, в надстройках было несколько пробоин, к счастью, не угрожающих его мореходности. Корпус выдержал, башни, хотя и получили по несколько попаданий, не повторили той подлости, которую одна из них сделала в начале боя — очевидно, сотрясения от взрывов шестидюймовых фугасов были для них не столь опасны. Главное, не пострадал радар, за него Плотников опасался больше всего. Но — пронесло, японские снаряды счастливо миновали эту наиболее хрупкую на всем корабле конструкцию. Впрочем, столь небольшие повреждения были в немалой степени связаны с тем, что корабль к концу прорыва шел уже на тридцати узлах, а японцы менее всего ожидали, что такой гигант может идти со скоростью миноносца.

Кстати о миноносцах. Вот они, легки на помине. Стремительные узкие тени, как лемеха исполинских плугов разрезающие воду, вырвались из-за острова, пытаясь перехватить уходящий русский корабль. К чести молодых и отчаянных лейтенантов, стоящих на их мостиках, они не ошиблись в определении скорости русского корабля. Хотя, возможно, это

было связано не столько с их профессионализмом, сколько с тем, что молодости свойственно по недостатку опыта не знать, что может быть, а чего не может быть ни в коем случае. Ну, идет корабль на тридцати, хотя нет, уже чуть больше, узлах — так что с того? Однако умение определить скорость противника еще не значит суметь попасть в него торпедой. Вернее, суметь-то они сумели бы, только вот кто же им даст? В ночной атаке, да против того же "Варяга", у них были бы шансы. Днем, против корабля, на много поколений более совершенного... Ну, это не смешно.

Идущий головным миноносец разнесло в клочья восьмидюймовым снарядом, ударившим в палубу прямо перед мостиком. Еще один миноносец увернулся — наверное, под впечатлением от увиденного, рулевой дернулся в сторону, и это спасло его корабль от прямого попадания. Однако снаряд, ударившись о воду в метре от миноносца, разорвался точно под килем, подбросив корабль в воздух и разломив его пополам. Несколько секунд после этого обломки еще держались на воде, потом кормовая часть перевернулась и затонула почти мгновенно, напоследок продемонстрировав всем бешено хлещущий воздух винт. Обломок носовой части продержался на плаву чуть дольше и затонул на ровном киле. Спасся ли с этих двух миноносцев хоть кто-то, осталось для экипажа "Мурманска" тайной.

Третий миноносец, развив рекордную, скорее всего, даже выходящую за рамки проектной, скорость рванулся вперед, но тут одна из тридцатимиллиметровых башен развернулась в его сторону и дала короткую очередь. Со стороны казалось, что по кораблю хлестнула огненная струя, выпущенная из невиданного брандспойта. Миноносец распорол от середины корпуса практически до кормы, наискось. Паря машиной, он резко замедлил ход, а потом и вовсе остановился, медленно погружаясь с заметным креном на правый борт. Судя по суматохе, которая поднялась на его палубе, экипажу было приказано спасаться "по способности". Остальные миноносцы, круто переложив рули, отвернули, стремясь скрыться где-то среди островов. Вслед им не стреляли, а крейсер вновь снизил ход до десяти узлов.

— Ну что, господа офицеры, — усмехнулся Плотников. — Поздравляю всех вас с успешным началом русско-японской войны. По георгиевскому кресту мы все уже заработали.

— Сергей Федорович, это что, действительно...

— А у кого-то есть другие идеи? Можете высказать, я с интересом послушаю. Заодно нашим раненым лекцию прочитаете.

Угрюмое молчание было ему ответом. Плотников пожал плечами:

— Ну, раз иных версий нет, предлагаю высказаться, кто что может сказать по этому поводу. Как говорится, вопросы, просьбы, предложения?

Вновь молчание, но на сей раз не угрюмое, а просто напряженное — собравшиеся были слишком рациональны, чтобы задавать вопросы ради вопросов, поэтому все пытались вначале прояснить для себя ситуацию, а потом уже обсуждать ее.

— Как мы сюда попали?

— Не знаю, — не раздумывая, ответил Плотников. — Есть идея, но вначале ее необходимо проверить, а потом уже... — тут он замялся, — обсуждать.

— Что будем делать?

— Думаю, здесь все ясно. Наша страна ведет войну, неважно, в прошлом или в будущем. У нас — боевой корабль. Будем воевать, а конкретно сейчас устраивать геноцид транспортам.

— Каким транспортам?

— Транспортам с войсками, которые готовятся сейчас к высадке в Чемульпо. Сколько их не помню, но они там под охраной всего одного паршивенького авизо. Топим всех, а потом уходим в море и разбираемся с собственными повреждениями.

Обсуждение продолжалось минут пять, не больше, и с этого момента касалось исключительно практических вопросов, если конкретно, кого и как топить. Командир корабля оставался первым после Бога, а значит, его решение, даже если оно кому-то не понравилось, было априори верным. Да и поквитаться с японцами за ту войну, если честно, хотели многие. Был в процессе обсуждения, пожалуй, единственный инцидент, когда дали по рукам штурману, вздумавшему убрать прикрывавшие их бронеплиты. Конечно, вряд ли было в этом что-то страшное, но авизо все же — военный корабль. Может и залепить сдуру из своей пукалки. Так что дали по рукам, причем в прямом смысле слова, а потом долго смеялись — люди, первый раз в жизни воюя по настоящему, испытали определенный стресс, и сейчас он находил выход именно таким образом.

Командир авизо "Чихайя", охраняющего транспортные корабли, успел только отсемафорить им приказ рассредоточиться. Сам авизо тоже предпочел скрыться в уже начавших сгущаться сумерках — человеком его командир был храбрым, и, если бы на него выскочил, к примеру, чудом прорвавшийся "Варяг", то, скорее всего, попытался бы, вступив с ним в бой, дать своим подопечным время бежать. Однако он был не только храбрым, но и достаточно умным для того, чтобы понять: против броненосца (а именно за броненосец он принял идущий на него атомный крейсер) его авизо с игрушечными пушками и картонной броней не продержится и пары минут. Значительно лучше не играть в легендарного и, надо отметить, давным-давно мертвого героя, а сохранить для Японии свой корабль. Логика в этом, разумеется, была, вот только она, что вполне объяснимо, не учитывала ни радаров "Мурманска", ни возможностей его артиллерии. Результат оказался вполне закономерен — получив шесть снарядов прямой наводкой, авизо плавно лег на борт и спустя несколько минут затонул. Ну а потом настал момент истины для японских транспортов и находящихся на них солдат. С ними разбирались просто — пара-тройка фугасов под ватерлинию, и все. С наполовину вырванным бортом корабль тонул в считанные минуты. Через какие-то полчаса и сами транспорта, и первый эшелон армии вторжения были уничтожены. Выходцы из более цивилизованных времен были хорошо обучены убивать и прекрасно понимали простую истину: если у тебя есть возможность добить упавшего, надо так и сделать, а не ждать, пока тот поднимется на ноги и воткнет тебе нож в спину. Нет, если у кого-то из плавающих сейчас, держась за обломки, японцев достанет сил доплыть до берега — честь ему и хвала, только вот температура воды длительным заплывам отнюдь не способствовала, да и где берег понять было, мягко говоря, сложно. А продержаться в ледяной воде до утра шансов у людей просто не было.

— Ну что, профессор, вас можно поздравить? Игрушка, которую вы там у себя на коленке состряпали, работает отлично.

— На коленке — это вы, знаете ли, немножко преувеличиваете. Месяц два отдела старались, как-никак. Да и насчет отлично — тоже, могло быть и лучше.

— Нам всегда хочется лучшего, но идеал недостижим.

— Да вы философ.

— Нет, я реалист. Вспомните, еще совсем недавно вы даже не были уверены, будет ли она вообще работать, а сейчас вам не нравится, что картинка идет черно-белая.

— Вы неправы. Если изображение должно было идти в цвете, а идет монохромное, значит, что-то сделано неправильно, где-то допущена ошибка. А в такой ситуации, как у нас, сами понимаете, любая ошибка чревата непредсказуемыми последствиями.

— Ну, я думаю, это — маленькая ошибка, которая вряд ли приведет к серьезным проблемам. Тем более велика вероятность, что связана она с каким-нибудь плохо припаянным и отвалившимся от сотрясения контактом — не забудьте, система наблюдения включилась, когда корабль уже был в бою.

— Все может быть, хотя грешить на брак я бы не стал. Это, извините, не ставший уже дурной шуткой конвейер АвтоВАЗа, а штучное производство. В нем у нас проколов всегда был минимум.

— Были проколы, были, и очень много. Просто вы о них не знаете. Ладно, давайте не будем гадать, все равно повлиять на что-либо ни вы, ни я пока не в состоянии. Работает — и ладно, тем более, если все пойдет по плану, не так и долго ему осталось продержаться.

— Вы правы... но вообще, за поздравления спасибо. Большие того, я могу вас обрадовать. Напряженность поля растет быстрее, чем мы рассчитывали, если так пойдет дальше, то барьер выйдет из равновесия раньше, чем предполагалось.

— Не понимаю, чему вы радуетесь. Кто-то совсем недавно доказывал мне о том, как важна любая мелочь, а сейчас радуетесь, что весь процесс пошел нестандартно.

— Не волнуйтесь, за рамки теории ничего не выходит. Просто мы исходили в своих расчетах из предположения, что "Мурманск", оказавшись там, от неожиданности не сможет полноценно использовать свои преимущества и уничтожит на данном этапе не более двух крейсеров. Однако ваши мальчики оказались подготовлены намного лучше, чем предполагалось, и уничтожили не только японскую эскадру, но и практически все транспортные корабли. Исконная русская традиция, раззудись плечо, размахнись рука, я все понимаю, но они у вас что, совсем без тормозов? Учинили резню — и как будто так и надо. Или они это от шока во все подряд стрелять принялись?

— Да какой там шок. У них есть работа, и они ее выполняют. Эта молодежь крови не боится и, в отличие от старшего поколения, не страдает предрассудками вроде того, что можно делать, а что нет. Есть приказ или, как в данном случае, дело, которое нужно сделать, и все силы должны быть брошены на достижение результата, а все остальное остается за скобкой. Помните, что было во время кавказского замирения, когда местные "мирные" жители по чеченскому опыту решили остановить танки, разлегшись на дороге?

— Да помню я, помню. По всем телеканалам потом кадры эти крутили, весь мир выл о русских зверствах. Мясо на траках... ДТП с участием пешеходов вне зоны действия

пешеходного перехода, за которое водители ответственности не несут...

— Именно. Зато больше никто так делать не пробовал, да и вообще все поняли, что мы серьезно настроены, и сдаваться начали массово. Да и соседи повопили, повопили, да и заткнулись, будто так и надо. Так и здесь, они расстреляли все, до чего дотянулись и что сочли достойной целью для своих орудий. Ладно, лирика это все. Лучше скажите мне, к чему готовиться?

— Если темпы изменений пойдут в таком же темпе, то вторую фазу операции можно будет начинать примерно на неделю раньше, чем планировалось.

— Фу... Вы меня успокоили.

— Успокоил?

— Ну разумеется. Неделя — это не критично, а вот пара месяцев — извините. Мы просто не успели бы провести необходимую подготовительную работу. Это ведь дело не на пять минут, сами понимаете.

— Я об этом, признаться, не подумал. Всегда считал, что чем быстрее — тем лучше...

— Ничего страшного, это весьма распространенная среди ученых ошибка. Ладно, благодарю вас. Продолжайте наблюдение и, душевно прошу, сообщайте мне сразу, если у вас опять начнутся какие-либо отклонения от графика.

— Да, я хотел спросить... Ведь к нам перенеслись старинный крейсер и старинная же канлодка, плюс несколько сот кубов воды.

— Да, все в точности, как вы и рассчитывали. Масса на массу.

— А что с ними было потом? Ликвидировали ради сохранения тайны?

— Ну зачем же так грубо? Мы же не людоеды.

— Иногда я в этом сомневаюсь...

— И не надо бубнить себе под нос — я все слышу. Нет, ничего страшного не произошло. Наши люди сработали профессионально — там никто и сообразить ничего не успел — забросали оба корабля с воздуха газовыми шашками, и через пару минут команды в полном составе мирно спали. Потом с тех же вертолетов, пока не сошел туман, высадили десант, перехватили управление и ушли. Выдали происходящее за часть шоу, а туман на месте переноса — за дымзавесу нового образца. Мне, кстати, уже доложили об оживлении резидентуры как наших закадычных врагов, так и заклятых друзей. Пытаются выяснить, что за дымзавеса, ослепляющая радары, у нас появилась. Потом перегнали корабли на одну из наших баз, там уже объяснили людям, что с ними произошло. Нельзя сказать, что они в восторге, но принимают случившееся спокойно, тем более что, как ни крути, многие из них благодаря нам живы остались. Так что не волнуйтесь вы так, тем более что, если все пойдет по плану, мы вполне сможем вернуть их назад.

— Спасибо. Вы знаете, прямо камень с души...

— А чему вы удивляетесь? Люди, тем более, ТАКИЕ люди стране нужны всегда, так что, даже если бы мы и были, как многие все еще любят выражаться, кровавой гэбней, убивать их было бы просто нерационально. Ну, проживут какое-то время, не так и долго, кстати, в изоляции, заодно на диковинки наши полюбуются, да и вернутся домой. Главное, чтобы наши ребятки там не перестарались.

— То есть?

— То есть у них в трюмах лежат, так, на всякий случай, тактические ядерные боеприпасы. Ну, снаряды к орудиям. Ничего страшного, они по восемь килотонн — это меньше, чем Хиросима, да и выпустить их можно километров на восемьдесят, благо таким

снарядом промах в километр не страшен. Вот только как бы наличие в рукаве такого козыря не вскружило молодежи голову.

— Вы с ума сошли? Начинать ядерную войну — это же...

— Это вполне логичный аварийный вариант. Если вы не в курсе, только за последние три десятилетия она могла начаться пять раз, причем здесь. А там и войны-то не будет, сплошное избиение, и никто нам претензий, заметьте, не выкинет. Но, думаю, до этого не дойдет, их командир не особенно талантливый, но здравомыслящий и преданный Родине человек, он постарается сработать чисто. Как меня заверили, наш крейсер способен выполнить задачу и без выжигания Японии до скального основания. Только бы не лопухнулись, а то пойдут ко дну — только пузырьки всплывут, никакая ядреная бомба не поможет. Ладно, профессор, заканчиваем, у меня через пять минут журналисты. Терпеть не могу все эти китайские церемонии, а надо...

Борт крейсера "Мурманск", 1904 год

— Идиоты... — то ли взвыл, то ли простонал Плотников, ознакомившись с содержимым пакета, вначале по диагонали, а потом и внимательно, вдумчиво, так сказать, с чувством, с толком, с расстановкой. — Перестраховщики чертовы! Ну кто, кто им мешал поставить нас в известность заранее... Хотя бы меня...

В самом деле, его не столько поставила в тупик нереальность ситуации, сколько то, как была поставлена задача. С нереальностью-то как раз все было просто. Еще вчера они дрались с эскадрой начала двадцатого века, участвуя в войне, проигранной за сотню лет до того, как большинство из них родилось. После этого говорить о каких-то нереальностях как-то язык не поворачивался. Даже поставленная задача не выглядела ни невероятной, ни невыполнимой, сложной — да, но не более того.

Значительно хуже было то, что детали операции была проработаны крайне плохо, точнее, не проработаны вообще, да и подготовка велась, похоже, в крайней спешке. Больше того, в процессе подготовки явно участвовали классические сухопутчики, ни одного моряка среди них наверняка не наблюдалось. В результате все их красивые выкладки можно было сейчас смело пускать на подтирку. Хотя нет, не получится, бумага качественная, жесткая, как ни мни — задницу все равно расцарапаешь.

По всему выходило, что действовать придется по обстоятельствам, то есть, как Бог на душу положит. Нет, ну это надо же, а! Развели секретность, это понятно, конечно, и вполне логично, но теперь от такого подхода будет страдать дело, а это уже ни в какие рамки не лезет. Все же чувствуется, что там, наверху, не профессионал, а любитель. Талантливый, хитрый, смелый, иначе бы не смог влезть на самый верх, несомненно, преданный своей стране и своему народу, но все равно — любитель. Теперь надо было выкручиваться из того, что этот, в прошлом, перспективный и не в меру романтичный геолог и пришедшая с ним абсолютно безбашенная команда натворили. А главное — время! По времени был цейтнот, хотя те, кто заварил кашу, похоже, этого пока не понимали.

Нет, разумеется, в этом ничего удивительного не найдешь, просто в любом деле нельзя перепрыгивать через ступеньки, как сейчас получилось. Это куда лучше, разумеется, чем Борька-алкаш и его кодла, хотя бы потому, что и впрямь хочет как лучше, а не выпить и закусить. И порядок наводить стал не всегда грамотно, зато железной рукой, а это, как правило, срabатывает, потому что решительность часто перевешивает допущенные ошибки. Да и слова, надо отдать должное, говорит красиво, что в политике тоже немаловажно. Вон, достаточно вспомнить только, как ему на пресс-конференции какой-то прибалт, то ли с Литвы, то ли с Эстонии в очередной раз покаяться за оккупацию предложил. Это у них там идея фикс прямо, вот и развели опять бодягу. Что он борзописцу тому ответил? Вы, говорит, сами нам должны, за то, что мы вас из каменного века хотя бы до уровня папуасии волоком дотащили. Корреспондент вначале потерял дар речи, а потом, наверное, нюх, когда выдал, что, мол, пришли русские — обос...ли все углы, пришли немцы — построили туалеты. Такое сказать, да еще когда пресс-конференция такого уровня — это надо быть или идиотом, или в хлам пьяным. Ну, и получил в ответ, что русские по углам с...ли потому, что в такой отсталой стране туалетов просто не нашли, а немцы туалеты построили, потому как им с чухонцами на одном гектаре с...ть запахло было садиться. Конечно, ушат грязи потом на наших через газеты выплеснули, но это в любом случае бы случилось. Когда хотят

придаться — найдут, к чему. А вот над прибалтами, что характерно, весь мир после этого до сих пор ржет.

Ну да ладно, это все лирика, а как выкручиваться-то? Самое смешное, что идея-то Плотникову нравилась — смелая идея, красивая, многообещающая. А главное, рожденная на основании случайно полученных данных, то есть другим такое и в голову не придет. Хотя, конечно, и риск был соответствующий, ну да кто не рискует — тот не пьет шампанского. Здесь же, в случае удачи, в шампанском можно было бы купаться хоть до конца жизни.

Расклад, если вдуматься, был простейшим. Десятилетиями (а некоторые книговеды считают, что уже как минимум полторы сотни лет) фантастами эксплуатировалась идея о существовании параллельных миров. А тут вдруг раз — и отечественные яйцеголовые мужи открыли, что идея-то не так фантастична, как казалась на первый взгляд. Случайно открыли, когда при испытании очередного неудачного образца термоядерного реактора произошла авария, но вместо взрыва уже попрощавшиеся с жизнью ученые получили пробой в параллельный мир. Смешно даже, парой недель раньше или позже — и не было бы пробоя, взрыв бы получился, а вот тут совпала куча переменных. Вот и получили на выходе то, что получили.

Несмотря на все еще царящий в стране бардак, результаты происшествия засекретили и начали активно копать в этом направлении. То, что удалось выяснить, ошеломяло.

Миров, которые по традиции так и стали называть параллельными, хотя этот термин не подходил абсолютно, оказалось великое множество. Сколько — неизвестно даже приблизительно, может, сотня, может, миллион, а может быть, и еще больше. Главным было не их количество, а тот факт, что все процессы в них шли если не абсолютно одинаково, то очень похоже, практически шаблонно. То есть, скажем, если в одном мире Октябрьская революция произошла двадцать пятого вечером, то в другом она могла произойти, скажем, двадцать шестого, после полуночи. Естественно, такие мелочи сглаживались, с расхождения в истории миров накапливались очень медленно.

Вторым важным фактором было время. Ученые так и не поняли суть процесса, но смогли предположить, что, хотя время идет всюду с одинаковой скоростью, но вот длина его пути отличается. Проще говоря, если представить время в качестве нити, то в одном мире эта нить была прямой, а в другом извивалась, да так причудливо, что змеям и не снилось. Вот так и шли миры в одном направлении, переплетаясь в причудливую нить, иногда сходясь, а когда и расходясь навсегда. И в одних мирах был век двадцатый, в других — двадцать третий, а в третьих еще динозавры бегали.

Когда гипотеза подтвердилась экспериментально, перейдя в разряд теории, и родился план, в результате реализации которого "Мурманск" и оказался в Чемульпо. У кого другого он вызвал бы или здоровый смех, или вращение пальцем у виска, но когда в руководстве страны собираются авантюристы, из которых даже политика не вытравила романтику, возможно и не такое. План был прост и банален — открыть проход в параллельный мир, желательно, отстающий в развитии, но ненамного, лет на двести-триста, и всей толпой, в смысле, всей Россией туда переселиться. Ну а уж там можно было бы начать все с чистого листа, благо преимущества в технологии и, главное, в вооружении позволили бы не тратить время и силы на отстаивание своих прав, а попросту придавить конкурентов. Тем более что, по прогнозам аналитиков, близилась очередная война всех против всех за передел оставшихся на планете ресурсов. В общем, не таким уж и бредом выглядел план в свете невеселых перспектив, если вдуматься. Позже план откорректировался, очень серьезно

перетрясая, уточнилось, кого брать стоит, а кого — ни в коем случае, но все равно выходило, что переселять надо больше ста миллионов. А вдруг они еще и не захотят?

Ну а дальше развернулся длинный процесс экстренной милитаризации общества и подготовке к переносу. Милитаризации потому, что милитаризованным обществом, у которого на уровне рефлексов вбито идти в ногу, проще управлять в кризисной ситуации. Намечались объекты, которые пришлось бы переносить обязательно, строились мобильные электростанции, и создавался задел для быстрого строительства заводов на той стороне, штамповались танки и боевые корабли. И все это — под видом подготовки к обороне от агрессоров. Так как война была не за горами, и секретом это, по большому счету, ни для кого не было, то соседи купились и, более того, сами занялись переводом промышленности на военные рельсы. Впрочем, если бы проект увенчался успехом, это не играло бы уже никакой роли. Передеретесь — ну и флаг вам в руки, хоть поубивайте вы все друг друга.

Вот только было одно "но", маленькое, но крайне неприятное. Линии миров располагались на разных расстояниях, порой, достаточно далеко друг от друга. Разумеется, понятие "далеко" равно как и "расстояние" были абсолютно некорректны, но что делать, если не существует подходящей терминологии, а эти два слова хорошо передают суть процесса? Правильно, их и использовать. Так вот, проблема была в том, что чем дальше миры расходились, тем более прочный между ними оказывался энергетический барьер, и чтобы его пробить, не точечно и на секунды, дабы просто заглянуть, а сделав широкий и долговременный, чтобы перетащить огромные массы груза, проход, причем не один, а как минимум несколько десятков, требовалась колоссальная энергия, которую просто неоткуда было взять. Тупик...

Однако люди — существа изобретательные, и когда ученых перевели на казарменное положение, поставили им задачу, определили сроки и, стукнув кулаком по столу, популярно объяснили, чем для них кончится неудача, те моментально прониклись. В общем, решение было найдено, не сказать, что простое, но довольно изящное. Один из обнаруженных миров, подходящий к переселению, подходил практически идеально — ветвь его в ближайшее время должна была практически соприкоснуться с Землей, чтобы потом разойтись как минимум на пару тысячелетий. Уровень развития — начало двадцатого века, хотелось бы, конечно, век девятнадцатый-восемнадцатый, но и так сойдет. Однако тут выплыли новые проблемы, да такие, что все за голову схватились.

Во-первых, затраты энергии были все же очень велики, а во-вторых, как оказалось, возможен только обоюдный перенос, то есть сто кило туда — сто кило сюда, и никак иначе. Причем конечная перемещаемая масса была относительно невелика, не более нескольких тысяч тонн. Впору было загрузить, но... Но науку двигают те, кто не умеет останавливаться, и они снова нашли выход. Энергетический барьер, разделяющий миры, во время их сближения можно было если не уничтожить, то истончить. Тогда затраты энергии становились приемлемыми, и, вдобавок, исчезали побочные эффекты. То есть взламывая барьер — и вперед, стройными колоннами! А главное, все было просто, как дважды два. Чем большая разница в истории миров — тем тоньше барьер, вот такой вот парадокс. Поэтому и было принято решение в момент начала сближения миров забросить туда группу людей, которые, используя имеющиеся в их распоряжении технику, знания, опыт, да и вообще все, что угодно, смогут изменить историю того мира и расшатать барьер. Момент соприкосновения, согласно расчетам, был весьма удачен — начало русско-японской войны. В этот момент вмешаться и повернуть историю представлялось несложным, да и время для

подготовки еще было, поэтому был срочно достроен "Мурманск", корабль, заложенный уже довольно давно, но строительство которого до того момента велось крайне неспешно из-за спорности концепции. В проект внесли изменения, дали строительству высший приоритет — и получили то, что получили. "Мурманск" отправился геройствовать, "Варяга" с "Корейцем" выбросило на его место.

Самое же интересное было в том, что особого риска для оставшихся дома не было. Не получится — есть еще один мир, сближение которого ожидалось через два года. Не получится и с ним — ну что же, просто страна будет максимально готова к грядущей войне. Самой большой проблемой являлось ограничение по времени, не более полугода на все про все. Ну и, на сладкое, при неудаче "Мурманск" никто не стал бы возвращать, именно поэтому его экипаж и был подобран по семейному критерию. Короче, крутитесь, ребята, как хотите, на вас вся страна смотрит. Хотя страна-то как раз и не смотрела, ее в известность пока никто не поставил, а наблюдало за происходящим всего несколько человек, волею судеб оказавшихся посвященными в тайну.

Вот тут-то Плотников и схватился за голову. Он прекрасно понимал, что влипли они по полной программе, хотя... Хотя, если вдуматься, шанс был, все же здесь его корабль был сильнейшим в мире. Да и в случае неудачи они ничего не теряли — имея под боком такую совершенную боевую машину, как "Мурманск", можно было как минимум не бедствовать до конца своих дней. Да и ядерные боеприпасы в трюме, хоть их и было немного, внушали оптимизм. Правда, применять их было разрешено только в крайнем случае, но какой случай крайний, а какой нет, решать предстояло самому Плотникову. Так что живем, братцы! Хотя, конечно, стоило бы при составлении плана все же хотя бы поставить главного исполнителя в известность.

Был еще один нехороший нюанс, о котором составители плана, ослепленные собственным могуществом, похоже, не подумали. Здесь ведь шла не война России против Японии, а, по сути, война России против всего мира, который, вкачивая в Японию деньги и оружие, стремился ее руками, а еще руками революционеров всех мастей, если не уничтожить, то хотя бы максимально ослабить северного гиганта. Вряд ли они, узнав, что у русских (а как иначе можно оценить действия "Мурманска") есть чудо-корабль, останутся в стороне. Выводы? Выводы получались невеселыми, хотя, конечно, шансы все равно были.

Решив посвятить экипаж в ситуацию утром, Плотников аккуратно убрал бумаги в сейф, выключил лампу и завалился на койку, спать. А что ему было еще делать? Все, кроме вахтенных, отдыхали, приняв, по его распоряжению, кто сто граммов, а кто и больше. Не совсем хорошо, разумеется, но стресс как-то снимать все равно надо, а то могут быть и неприятные последствия. Не будить же их теперь. Он и сам очень устал и, вдобавок, перебрал впечатлений. Голова гудела от избытка информации, пускай и данной в предельно сжатом виде, а также от раздававшегося совсем недавно грохота орудий. Сон пришел мгновенно, и командир "Мурманска", корабля-авантюры, волею судьбы оказавшегося в чужом мире, отключился, наверное, еще до того, как голова его коснулась подушки. И лишь тихо плескалась вода за бортом корабля, уходящего в открытое море, прочь от судоходных путей, туда, где можно будет передохнуть, отремонтироваться и принять решение о том, как жить дальше.

— ...Инертность мышления из них так и прет, — усмехнулся лейтенант Самохвалов, механически, независимо от сознания, раскручивая толстыми пальцами какую-то железяку.

И не поверишь даже, что этими же пальцами, такими грубыми и неловкими на вид, он еще час назад виртуозно отремонтировал поврежденный блок управления носовой башни. Матом при этом он ругался не менее виртуозно, однако Плотников не стал бы в тот момент ставить ему это в вину, особенно учитывая собственные чувства, которые в буквальном смысле вырывались наружу после того, как он узнал, из-за чего в бою корабль лишился трети огневой мощи.

Нет, бывает в жизни всякое, но когда блоки управления огнем, и основной, и резервный, не таким уж и значительным сотрясением срывает с креплений — это уже слишком. А самое паршивое, что происходит это не из-за огрех конструкции, а просто потому, что закреплены-то эти блоки толком и не были. Вот просто не были — и все тут, живой пример отечественного разгильдяйства, там не довернули болт, здесь не проследили, чтобы защелка сработала... Культура производства, похоже, быстро снижалась, впрочем, это был бич многих российских заводов. Главное, какой-нибудь похмельный дядя Вася сэкономил минуту, а что тех, кому на этом корабле воевать, и убить могут — на это ему как-то и плевать. Честное слово, лучше бы после того похода корабль не модернизировали — в прошлый раз, хотя каждое орудие выпустило по сотне снарядов, причем били, испытывая конструкцию на максимальные нагрузки, не последовательно, а залпами, от чего сотрясения были куда значительнее, чем от японского снаряда, никаких проблем не возникало. По всему выходило, что случившееся — наследство последнего ремонта. И во второй башне — тоже, и по сходным причинам. Хорошо еще, там смогли на ходу выправить ситуацию, проведя экстренную калибровку прицелов, но все равно, случившееся говорило о том, что сейчас придется обшарить весь корабль, от киля до клотика, и проверить все, что можно, причем делать это на ходу. В общем, ситуация оказалась далека от идеала и оптимизма не внушала.

Хорошо еще, что японские снаряды для брони корабля и впрямь оказались практически не опасны. Да и торпеды тоже — противоторпедная защита крейсера была вполне на уровне. Правда, это все была теория, проверять которую на практике без крайней нужды Плотников не жаждал. Тем не менее, начиненные шимозой фугасы и впрямь были способны потрепать нервы, однако для того, чтобы уничтожить корабль, их возможностей было маловато. Даже пробоины в надстройках, бронирование которых было, скорее, формальным, тридцать миллиметров — это не смешно, оказались невелики. Скорее, это были внушительные вмятины с разрывами металла по центру, в том месте, куда попадали снаряды. В общем, неприятно, но совершенно не опасно. Единственным серьезным повреждением была искореженная прямым попаданием тридцатимиллиметровая башня, которая не подлежала ремонту. Зато она подлежала замене — несколько запасных комплектов во внушительных трюмах крейсера, корабля-арсенала, имелось. Словом, сутки, от силы двое, и боеспособность корабля будет полностью восстановлена, хотя, как подозревал Плотников, отдельные дефекты сборки будут выплывать еще долго.

После того, как разобрались с железом, в полном составе собрав экипаж на обед (все же автоматизация — великая вещь!), в кают-компанию крейсера до людей были доведены расклады. Не стараясь ни приукрасить ситуацию, ни что-либо скрыть, Плотников сообщил своим товарищам о том, что произошло. Надо сказать, шоком это ни для кого не было — похоже, народ был готов к чему-то подобному. И то сказать, вчерашние события кого угодно убедят в чем угодно. Единственно, комментарии, которые посыпались вслед за этим в адрес тех, кто загнал их сюда, были далеки от вежливых. Хотя, с другой стороны, больше всего молодежь бесило, похоже, не то, что их отправили на такое вот спецзадание, а тот факт, что

никого не предупредили, то есть проявили недоверие. Секретность — это, конечно, здорово, но все равно было немного обидно, и Плотников их прекрасно понимал. Будь он на десяток лет моложе — и сам обиделся бы, осознание того, что есть соображения, которые превыше личных обид, приходит все-таки с возрастом.

Тем не менее, обиды обидами, а сомнений в том, что поставленную задачу нужно выполнять, ни у кого не возникло. Благодаря пониманию этого факта обсуждение почти сразу удалось перевести в конструктивное русло, хотя, конечно, от продолжающихся нелестных высказываний по адресу затеявших все это умников, не спасало ничего. Вот как сейчас например, когда Самохвалов, выдав интересные соображения по поводу того, в каком порядке лучше проверять оборудование, чтобы справиться с задачей максимально быстро и эффективно, все же не удержался от очередной шпильки.

— Что вы имеете в виду, Семен? — переспросил Плотников. Подчиненным, как он считал, надо давать высказаться и спустить пар сразу, а не накапливать напряжение, тем более что они и умную мысль родить могут.

— Да ничего особенного. Просто подумайте сами, они реализуют требуемые изменения путем фиксированного вмешательства, так сказать, классическими средствами. Лично я бы забросил в столицу роту спецназа и произвел государственный переворот. Десантного полка хватило бы для того, чтобы взять власть и...

— ...развязать в России гражданскую войну, — закончил за него Плотников. — Не забудьте, пожалуйста, что здесь живут такие же русские люди, как и мы, не надо рассматривать их, как туземцев. Насколько я понял, стыковка планируется максимально мягкой, аккуратной, чтобы обойтись, по возможности, без жертв. Конечно, если пристрелят с потрохами продавшегося каким-нибудь англичанам чиновника или повесят взяточника ни я, ни все остальные против, думаю, не будут, но в гражданской войне гибнут люди, причем с обеих сторон будут гибнуть НАШИ люди. Нет, это не вариант.

— Ну, тогда ядерную бомбардировку Лондона, Токио и прочих Парижей...

— А вы уверены, что после этого мир не ждет ядерная зима? Одни ученые говорят так, другие — иначе, но я лично не хотел бы жить в постапокалиптическом мире. Там, знаете ли, придется не жить, а выживать, и рисковать зря как-то неохота. Два-три точечных удара еще туда-сюда, но, помимо прочего, неизвестно, чем это отыгнется в будущем. Можно было бы, конечно, реализовать ваше предложение по высадке десанта где-нибудь в Европе или в Америке, но, опять же, неизвестно, хватит ли этого. К тому же, подозреваю, при переносе имеется географическая привязка, хотя это только мои догадки. Но все же, подумайте, не будь этих привязок, не потребовалось бы гнать "Мурманск" в Чемульпо, перенесли бы из любой точки океана. Нет, как я полагаю, вариант с плавным изменением процесса в долгосрочной перспективе куда выгоднее, и как раз его просчитывали отнюдь не дураки. Мы ведь знаем очень немного — то, что нам сочли необходимым сообщить, полсотни страниц машинописного текста, это сами понимаете, мизер.

— И все равно, — упрямо пробурчал лейтенант. — Инертности много. К примеру, зачем им было перебрасывать "Варяг" к нам? Идет ведь обмен масс, не более того, поэтому можно было не выдергивать крейсер, который бы еще пригодился в войне или, хотя бы, нам для налаживания контактов с местными, а перекачать в наш мир, к примеру, равное количество воды.

— Это логично, конечно, хотя не все так однозначно, как кажется. Во-первых, как я понял, совмещение по времени не было абсолютно точным, и мы могли банально с ним

столкнуться. Объяснить, что бы произошло, если бы нам в борт на тринадцать узлах воткнулся таран крейсера, всего в полтора раза уступающего нам в водоизмещении, или сами догадаетесь? Во-вторых, как раз "Варяга" японцы могли успеть изрешетить даже в нашем присутствии, поэтому моряков, можно сказать, спасли от гибели. Ну и, в-третьих, на хрена нам лишние свидетели? Вы уверены, что нас воспримут адекватно, и что русские корабли вместо того, чтобы бороться с японцами, не получают приказ начать охоту на нас? Лично я ни в чем уже не уверен, так что, думаю, нам не стоит ни с кем вступать в контакт. Будем пиратствовать в одиночку, и топить всех, кто попадется под руку, вот и все. Если повезет, отловим поодиночке часть японских кораблей, если же нет — обстреляем, к примеру, Токио. Нам надо, чтобы местная история набрала достаточное количество отклонений, ушла от естественного хода процесса, а не чтобы о нас кто-то знал. Пусть о дипломатии у политиков виски ноют, я в этот гадюшник даже лезть не собираюсь. Кстати, имейте в виду, нейтралов для нас сейчас нет — необходимо выполнить задачу, и для этого все средства хороши.

— Кстати о птичках, — поднял голову до того упорно молчавший и что-то обдумывающий командир БЧ-2. — Сергей Федорович, вы помните, лет тридцать... даже еще лет двадцать назад в литературе был весьма популярен такой жанр, как альтернативная история? Я, конечно, не застал, так, несколько книг случайно попадалось, но вы должны помнить, это как раз ваши детство и молодость...

— Помню, — кивнул Плотников. — Хотя, признаться, у меня были в том возрасте несколько другие интересы. Впрочем, этот жанр и сейчас не умер, так что смысл мне понятен. И что вы хотите сказать?

— Просто мне попадалась одна книга про то, как используя технику этого времени, но знания нашего, переиграть эту войну. В общем-то, там очень многое притянута за уши, но один момент, в самом начале, заслуживает внимания. Полагаю, использовать чужую наработку не зазорно, даже самую фантастическую. Тем более что нас и так сейчас окружает сплошная фантастика.

— Давайте с этого места поподробнее, — вновь одобрительно склонил голову командир "Мурманска". Даже если кап-три выдаст сейчас полный бред, это все равно позволит вернуть совещание от пережевывания соплей и бурчания в адрес тех, кто их сюда послал, в конструктивное русло. Тем более что почему сразу бред? Фантазия у старшего поколения была, конечно, буйной, но и мозги работали иной раз так, как нынешним и не снилось. Все же совершенно разный подход к образованию, раньше готовили творческих людей, а сейчас — исполнителей. С исполнителями часто легче достигнуть результата, зато творческие люди могут найти решение там, где современная молодежь спасует, так что, в любом случае, идею стоило выслушать.

— Если кратко, то в Японию сейчас перегоняют два броненосных крейсера итальянской постройки, на которых практически нет экипажей — только перегонные команды. В той книге автор проводил интересную идею о том, как можно было бы захватить эти корабли и дальше использовать их под нашим флагом. К сожалению, идея о захвате кораблей для нас бесполезна из-за того даже, что у нас просто нет людей для абордажа, не говоря уже о том, чтобы потом сформировать полноценные экипажи. Да и, если честно, эти тихоходы с малой дальностью плавания при любом раскладе стали бы для нас не помощью, а обузой. Сами понимаете, число вымпелов в нашем положении отнюдь не главное. Однако утопить их мы можем вполне — курс, которым они должны идти, известен, да и локатор наш еще никто не

отменял. На крайний случай у нас есть вертолет, а он, напомним, может нести ракеты, которых местным калошам хватит за глаза. И риска никакого я не вижу, эту парочку, правда, конвоировал английский крейсер, но он уже должен был уйти.

Над этим предложением, не таким уж, кстати, и фантастическим, Плотников задумался. Кают-компания же загудела — молодежь нетерпелива, и идея пришлась собравшимся по душе. Командиру крейсера, кстати, тоже, поэтому дальнейший разговор шел уже по деловому, опираясь на выполнение именно этой задачи. Если уж на то пошло, почему бы и нет? Они ничего не теряют, если вдуматься, в этот период и живут, и думают еще достаточно неторопливо, а значит, есть шанс успеть везде. Два часа спустя "Мурманск" уже лег на курс, который должен был вывести его на перехват японских кораблей.

Командир крейсера флота ее величества "Кинг Альфред" пребывал в состоянии крайнего раздражения. Разумеется, истинный джентльмен, британский аристократ не мог позволить себе проявление чувств, которое могли бы видеть его подчиненные. В умении делать рожу кирпичом и никому не показывать, что творится на душе, англичане были подобны японцам и, если честно, сложно даже было сказать, у кого это получалось лучше. Тем не менее, от себя самого чувства не спрячешь, а и попытаешься — только испортишь собственные нервы или, того хуже, привыкнешь обманывать самого себя. Это — удел дураков, а дураком командир английского крейсера не был.

Хотя, надо сказать, повод для раздражения был веский. "Кинг Альфред" конвоировал два броненосных крейсера, купленных Японией у Италии, обеспечивая их защиту от русских, которые вполне могли сразу же после начала войны постараться перехватить и уничтожить столь ценные в перспективе боевые единицы. Так уж получилось, что эти корабли, построенные по заказу одной из стран Латинской Америки, от которых отказался заказчик, были выставлены на продажу. Корабли, надо сказать, были очень неплохие, но политическая ситуация в южной части западного полушария изменилась, и дешевле было выплатить неустойку, чем вначале покупать, а потом содержать ставшие ненужными крейсера. Вот и оказались крейсера не у дел. Вначале к ним присматривались русские, но что-то не срослось, может, откаты не поделили, а может, что еще, и два крейсера перекупили японцы. Вот только перегнать их к себе до начала войны они не успевали, а в то, что русские не будут сидеть сложа руки и допустят, чтобы флот противника вот так вот, запросто пополнился новейшими кораблями, верилось с трудом, тем более что кораблей у них под рукой хватало. Ослабление же своего восточного союзника было Великобритании совершенно невыгодно, вот и был выделен крейсер, который должен был остудить горячие головы, если им придет на ум выйти на перехват. Конфликтовать же с Империей, над которой никогда не заходит солнце, имеющей самый большой в мире флот и способной даже не начиная войны в два счета устроить массу проблем русские, как и предполагалось, не рискнули.

Рутинная, в общем-то, операция прошла успешно, да и сложно было ожидать чего-то другого. Разумеется, надо было соблюдать приличия, поэтому английский корабль не стал заходить в район предполагаемых боевых действий, однако это было непринципиально — русских кораблей здесь не было и быть не могло. Команда английского крейсера во главе с его командиром была уже в предвкушении возвращения на базу и отдыха с прилагающимися к нему приятными мелочами вроде свежих фруктов, доступного женского пола и прочих недоступных в море радостей жизни. Однако, как говорят русские, человек предполагает, а начальство располагает. Не успели еще дымы японских кораблей растаять на горизонте, как

вдруг с высланного "Кинг Альфреду" навстречу посыльного судна был передан приказ возвращаться, догнать японцев и продолжить их конвоирование вплоть до порта Йокосука. Сообщалась так же и причина этого странного решения — по некоторым сведениям, русские применили недавно сверхсекретный боевой корабль. Настолько секретный, что лучшей в мире британской разведке так и не удалось ничего про него узнать. Тем не менее, этот корабль, хотя его существование и отрицалось русскими на всех уровнях, был вполне материален и недавно устроил побоище эскадре японских крейсеров, прорвался в открытое море, а теперь, очевидно, рыщет где-то в районе Японии. Конечно, вероятность его встречи с подконвойной парочкой была убегающе мала, но все же она существовала, и потому адмирал недвусмысленно требовал обеспечить их безопасность. Иногда командование Ройял Нэви бывало чрезвычайно оперативным, что, впрочем, было одной из причин успехов Британии на морях, но вот отдуваться за такую оперативность приходилось тем, кто был в море, а не сидел в теплых кабинетах. Разумеется, приказы не обсуждаются, но хорошего настроения это командиру "Кинг Альфреда", да и всему его экипажу, не добавляло. Ничего, скоро все это кончится. Максимум к обеду корабли войдут в гавань Йокосуки, и тогда можно будет спокойно лечь на обратный курс.

Сон не шел, поэтому британец, поворочавшись на койке, встал и, одевшись. Вышел из каюты. Поднявшись на мостик и небрежно ответив на приветствие вахтенного офицера, он закурил сигару и, облокотившись на поручни, начал смотреть в море. Конечно, в темноте ничего не увидишь, но все же это нехитрое действие обычно действовало на него успокаивающе. Увы, сейчас ни мерный плеск воды, ни ровный, почти неслышный гул работающих в экономичном режиме машин, ни запах отличной гаванской сигары не могли ему помочь. Как истинный материалист, он не верил в предчувствия, но как каждый моряк был немного суеверен, и списывать тревогу только на усталость и расшатанные нервы не стал. Впрочем, додумать эту мысль ему не дали. Показалось, или темнота в одном месте вдруг стала более плотной и осязаемой? Это, конечно, нервы, но все же он приказал навести на странное место луч прожектора.

Дальнейшее произошло почти мгновенно. Прожектор еще только начал поворачиваться, как темнота вдруг осветилась цепочкой ярких вспышек, и громовой удар потряс корабль, как будто он был игрушечным. Грохот выстрелов донесся чуть позже, но его командир "Кинг Альфреда" уже не услышал — сотрясением его отшвырнуло и ударило о стенку боевой рубки с такой силой, что сознание решило отделиться от тела и переждать происходящее где-нибудь в более спокойном месте. В результате принять хоть какое-то участие в судьбе своего корабля его командир уже не смог, хотя, останься он в сознании, это ничего бы не изменило — приговор крейсера был подписан мгновенно.

Про англичан можно сказать многое, и не всегда сказанное будет хорошим, скорее, наоборот. Однако того, что они хорошие моряки и смелые люди, у них не отнять. Вот только корабли у них, как это ни странно для морской нации, всегда были не самыми лучшими. Ни особой прочностью, ни огромными запасами плавучести они никогда не отличались. Возможно, это и правильно — зачем вбухивать деньги в дорогие проекты индивидуально сильных и невероятно дорогих кораблей, если можно построить более дешевые, но зато и значительно более многочисленные, причем затратив как бы не меньше средств, и просто реализовать преимущество в численности? Это тем, у кого флот меньше, вроде России, Франции, Германии или тех же САСШ надо придумывать нестандартные ходы, чтобы хоть как-то компенсировать свою количественную слабость, а тем временем мощнейшая в мире

индустриальная держава, понаблюдав за их метаниями, периодически находила в чужих идеях рациональные зерна, которые потом органично вписывала в собственные разработки. Грамотный и взвешенный подход, но сейчас он вышел боком. Крейсера типа "Дрейк", к которым относился "Кинг Альфред", в плане боевой устойчивости ничем не выделялись из общего ряда, и не были рассчитаны на то, что по ним прямой наводкой отработают девять восьмидюймовых орудий с чрезвычайно мощными снарядами, ударившими точно под ватерлинию. В единый миг у крейсера была вырвана половина борта, он почти мгновенно лег на борт и затонул прежде, чем кто-либо успел предпринять меры к спасению экипажа.

Как ни странно, после этой катастрофы остались выжившие. Несколько матросов, находившиеся в момент атаки на верхней палубе, и сам командир крейсера, которого вначале затянуло в образовавшуюся на месте гибели корабля воронку, но потом вытолкнуло на поверхность вырвавшимся из отсеков воздушным пузырем. К чести матросов, командира своего, все еще пребывающего без сознания, они не бросили, а смогли привязать его к одному из многочисленных деревянных обломков, плавающих вокруг. Все вместе они продержались до утра, когда были подобраны привлеченными грохотом орудий рыбаками, которые рискнули все же удовлетворить свое любопытство и вышли в море. "Кинг Альфред" стал первым кораблем британского флота, погибшим в той странной и абсолютно не нужной англичанам войне. Первым, но отнюдь не последним.

Бросок до Йокосуки вышел довольно простым. Плотников, посоветовавшись со штурманами, решил провести крейсер в обход японских островов — так было меньше шансов наткнуться на кого-нибудь, а значит, случайно выдать и свое присутствие, и свой интерес. Причем даже быстрое и качественное уничтожение всех встречных-поперечных, пусть они и не успеют ничего сообщить, проблемы не решало. Грамотный штабист, совместив координаты исчезновения судов, сумел бы, пусть и в общих чертах, вычислить курс русского крейсера и определить, что задумал его капитан. Начать топить всех подряд можно было и позже, а упускать столь жирную добычу, как два потенциально очень мощных, но сейчас абсолютно беззащитных корабля, явно не стоило.

Проложенный курс пролегал в стороне от морских дорог, и это, вкупе с огромной по нынешним временам скоростью "Мурманска" и наличием у него радара, позволило ему незамеченным обогнуть Японские острова и выйти к месту предполагаемого перехвата раньше, чем японцы с итальянскими корнями. Была, правда, опасность, что в свете изменившейся ситуации они форсируют машины и, пускай даже ценой их износа, опередят русских. В этом случае пришлось бы топить их прямо в порту, что могло быть чревато мелкими, но от того не менее неприятными осложнениями. Однако поднятый беспилотник подтвердил — бухта пуста, крейсеров здесь еще не было.

Оставалось отойти мористее, чтобы, опять же, снизить вероятность обнаружения, выдвинуться навстречу предполагаемому движению японцев и ждать. Дождались быстро — не прошло и двенадцати часов, как локатор засек группу из трех кораблей. Это, конечно, было странно, ожидали-то двоих, но ведь японцы могли придать ценному каравану какой-нибудь корабль для охраны, поэтому вновь был поднят беспилотник, который подтвердил: да, это те, кого они ждут, и да, с ними крейсер охраны. Только крейсер был, к сожалению, не японский, а английский, что подтверждали и его силуэт, и Юнион Джек, огромное полотнище которого гордо реяло на ветру.

Посвященное изменению ситуации общее собрание, которое уже незаметно

превратилось в традицию, постановило: англичанина топить. Никакого пиетета к нации "просвещенных мореплавателей" на "Мурманске" не испытывали и испытывать не собирались. Англичане — враги, это было известно всегда, даже когда звучали громогласные уверения во взаимной дружбе. Не было еще ни одной войны против России, в которой бы англичане не принимали участия, иногда явно, но чаще тайно. Иной раз даже выступая единым фронтом с французами, с которыми, несмотря на взаимную антипатию, против России дружили традиционно. И даже когда Россия и Великобритания были союзниками, как в обе Мировые войны, все равно от британцев ждали и периодически получали нож в спину. Правда, и отомстили им потом — со статуса великой державы Британия скатилась до статуса обычной, не самой влиятельной и не самой богатой страны отнюдь не без помощи СССР, фактически, той же России, но это было потом и в другой истории. Сейчас же было ясно, что рано или поздно британцев все равно придется давить, так почему же не начать сие богоугодное дело немедленно?

В принципе, начинать работать можно было немедленно, однако решили все же дожидаться ночи. Просто для того, чтобы подойти поближе и, не тратя зря боеприпасы, уничтожить их быстро и качественно. Несколько часов все равно ничего не решали — никуда теперь японские крейсера не денутся, а вот снаряды стоило беречь. Их запас был хоть и большим, но отнюдь не бесконечным. Конечно, хвала унификации, можно было использовать и снаряды местного производства, но все же они были заметно хуже родных, да и неизвестно, как на них отреагируют лейнеры. Поэтому "Мурманск" пристроился в полутора десятках миль от конвоя, благо дым его не демаскировал, а радар позволял не потерять противника, и неспешно двинулся параллельным курсом.

На сближение они пошли, когда тьма сгустилась настолько, что вытяни руку — не увидишь пальцев. Ночи в этих местах вообще были темными, а светомаскировку ни японцы, ни англичане соблюдать, похоже, не собирались. В общем-то именно этого от них и ожидали — ну, не дошла еще местная военная мысль до решений, простых и очевидных любому выходцу из двадцать первого века. Оставалось только неспешно приблизиться, непрерывно держа английский крейсер, единственный боеспособный корабль конвоя, под прицелом своих орудий.

И все же англичане оказались опытными и грамотными моряками. Кто уж там оказался такой умный, что смог не увидеть, нет, увидеть их было просто невозможно, но почувствовать приближение чужого корабля, для Плотникова так и осталось тайной. Тем не менее, когда русский крейсер уже занимал позицию в двух милях от противника, на "Кинг Альфреде" загорелся и целенаправленно начал разворачиваться в их сторону прожектор. К счастью, это ничего не решало — орудия рывкнули, и море моментально осветилось полным бортовым залпом.

Английский крейсер затонул мгновенно. Разумеется, невооруженным взглядом этого было не видно, однако на экранах мониторов его гибель можно было рассмотреть во всех подробностях. Правда, там и смотреть-то было практически не на что — снаряды "Мурманска", рассчитанные на борьбу с куда более серьезными противниками, попросту размолотили борт англичанина, не оставив ему ни единого шанса. Плотников еще подумал, что если все корабли английской постройки будут разваливаться столь же легко, то задача и впрямь не так сложна, как казалось вначале, и не такие уж дилетанты, возможно, формулировали задачу. Жаль, но эту здравую мысль ему пришлось отложить "на потом" — дело было еще не закончено, и у него оставалось целых две мишени, которые было очень

желательно срочно отправить в гости к Нептуну.

Пробуждение перегонной команды броненосного крейсера "Кассуга" было далеким от приятного. Все они были профессионалами и хорошо знали, как звучат выстрелы из орудий. Так вот, сейчас их разбудила именно канонада, причем стреляли совсем рядом, и огонь велся из орудий большого калибра. Реакция у большинства оказалась вполне предсказуемой — в чем были, они выбирались на палубу и до рези в глазах всматривались в темноту, пытаясь понять, что происходит, а палуба начала ощутимо подрагивать — вахтенный уже перебросил ручку машинного телеграфа на "полный вперед". Кто бы ни стрелял, крейсеру, у которого на борту было так мало народу, что стрелять было попросту некому, следовало быть как можно дальше от центра событий. К тому же, в отличие от тех, кого гром орудий выдернул из объятий Морфея, вахтенный начальник имел чуть больше информации. Если конкретно, он наблюдал гибель "Кинг Альфреда" и, хотя видел немного, то, что крейсер потоплен, причем сделано это артиллерией, понять смог. Кто бы ни сотворил это, он был настроен ОЧЕНЬ решительно, и связываться с неизвестным противником было как минимум неразумно, а разумным было, напротив, оказаться как можно дальше отсюда. Одновременно на ум вбежавшему на мостик и сумевшему с похвальной расторопностью оценить ситуацию капитану пришла великолепная идея, и несколько секунд спустя корабль погрузился во тьму. Отсутствие огней, разумеется, увеличивало вероятность столкновения, но зато неплохо маскировало японца. Теперь у него был шанс раствориться в ночи, укрывшись спасительным мраком и пользуясь тем, что внимание русских (а кто еще это мог быть?) наверняка будет отвлечено вторым крейсером все еще ярко освещенным и представляющим из себя великолепную мишень. Вернее, этот шанс был бы, если бы им противостоял равный противник.

К несчастью для экипажей японских кораблей, те, кто их атаковал, придерживались иного мнения о будущем вообще и о судьбе этих крейсеров в частности. К тому же у русских были не только первоклассные орудия, но и отличные радары, позволяющие найти тех, кто попытается сыграть с ними в прятки. То, что это вроде как бы не совсем честно, никого на русском корабле не волновало — на войне честно все, что позволит победить и сохранить при этом жизни своих людей, а что по этому поводу думают побежденные никого, как правило не волнует, хотя бы потому уже, что покойники не имеют обыкновения жаловаться. Над морем вновь разнесся торжествующий рев русских восьмидюймовок, и где-то недалеко, в крошечной тьме, все увидели яркий высверк. А потом там, где отчаянно шарил вокруг прожекторами систершип "Кассуги", броненосный крейсер "Ниссин", проснулся средних размеров вулкан.

Разумеется, никто из тех, кто находился на борту "Кассуги" не мог знать о том, что снаряд с "Мурманска" ударил в борт "Ниссина" прямо напротив кормовой башни. Обычно фугасы взрываются мгновенно, и их бронепробиваемость невелика. Даже в случае, когда снаряды почти на полтора столетия совершеннее корабля и броня не может их остановить в принципе, все равно взрывом будет сделана пробоина в борту, а все, что укрыто в глубине корпуса, останется если и не целым, то, во всяком случае, хотя бы подлежащим опознанию. Однако когда один снаряд попросту выворачивает кусок борта, а второй, почти сразу же влетев в уже проделанную собратом пробоину, поражает незащищенные потроха, вопрос о выживаемости корабля становится чисто академическим. В данном конкретном случае такое вот совпадение означало для "Ниссина" мгновенный взрыв погребов и неминуемую

гибель пораженного корабля.

Будь на "Ниссине" полноценный экипаж, который готов был до конца бороться за его живучесть, крейсер, скорее всего, все равно затонул бы, но произойти это могло чуть позже, и кто-нибудь, возможно, успел бы спастись. Однако перегонная команда — не полноценный экипаж и потому, что она абсолютно не заинтересована в том, чтобы рисковать собственными шкурами в чужой войне, и потому еще, что она попросту малочисленна. В результате первоклассный броненосный крейсер уже через пять минут встал почти вертикально, задрав в темное небо увенчанный тараном форштевень, а потом так же вертикально ушел вниз, измерять глубину моря.

А "Мурманск" уже шел за "Кассугой". Вряд ли на борту последнего из японских крейсеров многие успели понять, кто пришел их убивать, и уж подавно никто из них не мог угадать имя корабля, названного в честь города, который будет построен еще не скоро. Однако то, что им, скорее всего, не уйти, они сообразили — обстрел велся с ничтожной дистанции, а значит, бежать они просто не успеют, отсутствие огня давало фору, но не более того. В этой ситуации находящиеся на борту "Кассуги" люди повели себя по-разному, хотя и вполне предсказуемо.

Проще всего с выбором оказалось тем, кто в тот момент нес вахту в машинном отделении. Они даже не знали, что происходит наверху, и продолжали выполнять последний отданный им приказ, так что выбора у них, собственно, и не было. Они так и погибли на своих постах, когда русские снаряды начали разносить их крейсер на запчасти, превращая дорогой корабль в дешевый металлолом.

Из тех, кто был наверху и имел представление о том, что происходит, разброд и шатания продолжались недолго. Часть команды, в основном, итальянцы и часть англичан, бросились к шлюпкам, расположенным с противоположного от того, где ожидался удар, борта. Другая часть, состоящая, в основном, из японцев, устремилась к кормовой башне, рассчитывая если не победить, так хотя бы погибнуть с честью. Третья группа, самая малочисленная, в которую входили командир корабля, вахтенный офицер и рулевой, остались на месте. Правда, вахтенный рискнул все же задать своему непосредственному начальству вопрос:

— Сэр, что нам делать?

— А ничего, — командир крейсера, опытный моряк, прошедший в море большую и, надо сказать, лучшую часть своей жизни, оставался совершенно спокоен. В конце-концов, он давно уже свыкся с мыслью, что и умереть ему предстоит не в теплой постели, так почему не здесь и не сейчас? Мостик боевого корабля, право же, не худшее место. Достав из кармана флягу с коньяком и складной стаканчик, он аккуратно налил себе, выпил, налил снова и протянул вахтенному. — На, выпей, это лучшее, что можно сейчас сделать. И налей рулевому, сейчас чины уже не важны.

Так они и встретили смерть, когда ночь снова рассекло вспышкой залпа, и "Кассуга" пополнила собой статистику потерь Императорского флота. И это, надо признать, было не худшим вариантом, потому что остальные погибли практически одновременно с ними, одни — не успев спустить шлюпки, другие — не успев развернуть башню. На этом участие кораблей итальянской постройки в русско-японской войне, собственно, было завершено.

— Вынужден признать, начало и впрямь впечатляющее.

— Полностью с вами согласен. Если так пойдет дальше, то они выбьют весь японский флот.

— К сожалению, это может пойти только во вред.

— И почему, позвольте узнать?

— Мы тут посчитали, опираясь на данные об изменении напряженность барьера... В общем, опуская подробности. История — штука чрезвычайно инертная. Если ваши мальчики и впрямь сумеют уничтожить японский флот, это может привести к обратному эффекту. Вероятнее всего, Россия, чувствуя себя победительницей, будет почивать на лаврах и, в результате, войдет в Первую Мировую войну как бы не в худшем состоянии, чем это случилось в нашей истории. Будет ряд жестоких поражений и, в результате, активизация революционных сил, заинтересованных в смене власти и поддержанных иностранными спецслужбами. Результатом, с большой долей вероятности, будет революция с приблизительно таким же исходом, как в нашем мире. Историческая линия начнет сглаживаться и, несмотря на отклонения, барьер до требуемой величины не истончится. Это, разумеется, лишь один из вариантов, но, как считают наши аналитики, возможность реализации именно его достигает статистически опасной величины.

— Не могу сказать, что вы меня обрадовали, но, честно говоря, не вполне разделяю ваши опасения. В данной ситуации намного более вероятным мне кажется досрочное начало мировой войны, вероятнее всего, в ближайшее время, когда никто к ней всерьез не готов, никаких серьезных геополитических союзов еще не существует, и никаких серьезных тактических наработок, равно как и модернизации армий под требования нового века, нет в принципе.

— Простите, на чем основано ваше мнение?

— Да на том, дорогой вы мой профессор, что эти, как вы выражаетесь, мальчики не ограничивают себя какими-либо рамками. Молодежный экипаж, достаточно подготовленный, чтобы уметь хорошо стрелять и уверенно справляться с кораблем, и притом недостаточно опытный для того, чтобы понимать, что еще можно, а что уже нельзя, выбран для этой миссии совершенно не случайно. Они уже сейчас угробили английский крейсер только потому, что тот попался им на дороге, им, можете поверить, собственное могущество кружит голову. Как вы считаете, Британия спустит кому-либо гибель своего корабля? Одного, может, и спустит, тем более что обвинять вроде как и некого, ну а когда они расстреляют второй, третий, десятый? Когда Япония, их союзник, потерпит поражение, а значит, пропадут вложенные в нее деньги? Нет, думаю, если ребята будут продолжать в том же духе, то они или спровоцируют большую войну, или, напротив, заставят кое-кого поумерить амбиции, что тоже даст необходимый нам толчок. Помните, этот вариант вы мне специально просчитывали? Хотя не думаю, что это реализуемо на практике — не тот народ англичане, чтобы уступать, да и немцы с французами, признаться, ничуть не лучше, но чем черт не шутит.

— Все это красиво звучит, но вам не кажется, что их капитан окажется сдерживающим фактором, который не позволит реализовать эту задумку?

— Это еще почему?

— Да потому, что он — отнюдь не тинэйджер, а человек с определенным жизненным опытом и, насколько я могу понять, вполне способен просчитывать и свои шаги, и их последствия. Хотя бы, как у них, военных, принято выражаться, на тактическом уровне.

— Он? Не смешите меня, профессор. Уж кто-кто, а он останавливать никого не станет.

— Вы уверены?

— Ну разумеется. Он ведь ксенофоб.

— В смысле?

— Да в самом прямом. Открою вам небольшую государственную тайну. Вы в курсе, что сейчас создается кадровый резерв? Как раз на случай переселения или, на худой конец, на случай войны. Так вот, одним из условий для успешного продвижения по карьерной лестнице является умеренная ксенофобия. У нашего капитана, как вы выразились, уровень ксенофобии при этом заметно выше, чем в среднем по группе. Отчасти, именно поэтому его туда и направили.

— Но почему...

— Да потому, что мы не можем позволить себе проиграть только потому, что будем проявлять великодушие. Доброта и милосердие к побежденным врагам слишком плохо кончаются, вспомните, сколько раз мы это уже проходили в своей истории. Нет уж. Военный должен быть немного ксенофобом, просто для того, чтобы его не тянуло развязать войну, но при этом и палец не дрогнул на курке, если придется стрелять, а перед ним окажутся, скажем, "мирные" жители. Грядет война на уничтожение, и если наш план не сработает, то, к сожалению, чтобы выжить в ней, нам многим придется поступиться. В том числе, извините уж за цинизм и откровенность, общечеловеческими ценностями вообще и русским великодушием в частности.

— И вы так спокойно об этом говорите?

— А что же я, плакать должен? Нет, дорогой вы мой профессор, это вам колбы да реторты, а мне — страну готовить к бойне. Помните, как там у Джексона Лондона? Ешь, или съедят тебя самого.

— Вы страшный человек...

— Да и вы не лучше, профессор. Не забудьте, мы вместе с вами разрабатывали операцию, в ходе которой уже погибли и наверняка погибнут еще люди, которые ни мне, ни, что характерно, вам ничего не сделали. Так что давайте прекратим бесполезные рефлексии, они отдают цинизмом, и будем думать о том, как нам добиться успеха и спасти свой народ. Победить в войне, сами понимаете, мы сможем, только устроив глобальный апокалипсис, а лично меня перспектива жить в мире после ядерной войны не прельщает.

Командующий японским Императорским флотом адмирал Того был мрачен, и для этого, увы, были все основания. Война шла не так, как планировалось, и совершенно не так, как хотелось бы. Впрочем, что этим кончится, можно было предположить. В конце-концов, русские — это не китайцы, которых японский флот не так давно разгромил. Надо сказать, это было совсем не так просто, как казалось на первый взгляд, и лишь неверная стратегия, избранная китайским командованием, помноженная на общую слабую подготовку китайских моряков, позволила добиться столь впечатляющего успеха. Положа руку на сердце, в большей степени та победа была следствием не силы японского флота, а безграмотности тех, кто связывал руки китайским адмиралам своими нелепыми приказами, и вороватости китайских чиновников, с детской непосредственностью растащивших огромные суммы, предназначенные на перевооружение флота и подготовку моряков. На этом фоне отдельные образцы профессионализма, порой, даже таланта отдельных китайских командиров кораблей не играли роли, как бы храбро китайцы не сражались. Впрочем, с храбростью у них тоже были проблемы. Отдельные солдаты и матросы, даже экипажи кораблей дрались неожиданно мужественно, но в общей массе их храбрость оставалась ярким пятном на фоне общей серости. Нет, положительно китайцы — не те противники, победа над которыми могла бы служить показателем мощи Императорского флота.

Сейчас же ситуация была в корне иной. Русские — не китайцы, их так просто не возьмешь, это ясно было с самого начала. Да, они никогда не были морской нацией, но при этом по морям ходили давно, и периодически ухитрялись серьезно потрепать нервы любому, кто бросал им вызов. Достаточно сказать, что в открытом бою, когда силы были если не равны, то хотя бы сравнимы, русские пока что не потерпели ни одного серьезного поражения, при этом ухитряясь порой громить противников, количественно превосходящих их в разы. Да и вообще, русские были храбрыми солдатами. Адмирал когда-то слышал шутку о том, что русский солдат больше боится гнева своего командира, чем смерти в бою. Судя по тому, как развивалась война, так и было, причем это в равной степени относилось и к солдатам, и к матросам.

Именно поэтому Того и не хотел генерального сражения со всей русской эскадрой. Конечно, его новые корабли индивидуально превосходили большинство русских броненосцев, но при этом нельзя было забывать и то, что старья в японском флоте тоже хватало. Русским надо было даже не победить в сражении — достаточно им было разменять свою эскадру на три-четыре японских броненосца, и это стало бы для Японии равносильно подписанию смертного приговора. Огромная страна, Россия и флот имела соответствующий. Здесь, на Дальнем востоке, была лишь малая и далеко не самая современная его часть. Того прекрасно понимал, что, случись нужда, русские перебросят с Балтики еще десяток броненосцев, и чем тогда прикажете их встречать? Это еще при условии, что англичане выполнят данное обещание и сумеют не допустить выхода в море кораблей с Черного моря. В свете последних событий Того вполне резонно сомневался, что они смогут или, во всяком случае, захотят выполнить данное слово. А ведь могло получиться и так, что русские сражение выиграют. Во всяком случае, шансы на это они имели неплохие и могли позволить себе рисковать, в то время как Япония имела сил на одно большое сражение, не более.

Тем не менее, японцы все же решились испытать прочность самурайского меча на

русском оселке. Отчасти это было связано с тем, что русские сами упорно нарывались на драку. Нельзя бесконечно демонстрировать гордому и воинственному народу, что его считают если не обезьянами, то чем-то очень близким к ним, а русский император с достойным лучшего применения упорством занимался именно этим. Его, конечно, можно понять — после того, как его, еще цесаревича, во время визита в Японию едва не зарубил японский полицейский, нелюбовь к японцам для него стала вполне естественной, но любовь любовью, а государственный деятель должен мыслить рационально, хотя бы не распространяя мнение об одном человеке на весь народ. Тем не менее, Николай продолжал упорно провоцировать войну, делая все, чтобы она стала неизбежной. Да и то, что русские наложили лапу на абсолютно ненужную им, но крайне необходимую Японии Корею, а потом еще и натурально выжили японцев из Китая, вдобавок, ухитрившись из-под носа у японцев увести по праву принадлежащий им Порт-Артур, любви к русским в Стране Восходящего Солнца тоже не добавляло.

Однако даже не будь русский император столь недалёковиден, война разразилась бы в любом случае. Для Того не было секретом, что Япония живет в долг, и платой за огромные займы должна быть война с Россией. Поэтому японский флот практически с момента его создания был ориентирован на эту войну. Однако адмирал, понимая всю неизбежность грядущей войны, хорошо понимал также и то, что легкой она в любом случае не будет. Он не боялся, ибо не пристало истинному самураю бояться противника, однако его состояние можно было описать, как опасение. Разумеется, он предпочел бы иметь под рукой более мощный флот, но он также понимал и то, что новых кораблей не будет — на них просто нет денег. Ну что же, самураю не пристало жаловаться на остроту своего меча. Однако и рисковать зря всем флотом, а с ним и будущим Японии Того решительно не хотелось, и генерального сражения с тем соотношением сил, которое имелось на начало войны, ему тоже хотелось бы избежать.

Именно поэтому был разработан план внезапной ночной атаки русских кораблей на рейде Порт-Артура. Увы, блестяще разработанный план, как это часто бывает, оказался весьма посредственным по исполнению. Ни одного русского броненосца потопить не удалось, хотя два из них, да еще и крейсер впридачу, были повреждены японскими самодвижущимися минами. Тем не менее, основную свою задачу миноносцы выполнили, позволив японскому флоту захватить инициативу, а последовавшая вскоре гибель на собственных минах еще двух русских кораблей опосредственно закрепила этот успех.

Однако дальше ситуация начала стремительно выходить из-под контроля. Вначале попала в засаду эскадра контр-адмирала Уриу, посланная для того, чтобы захватить или уничтожить стоящий в Чемульпо "Варяг". Все, и командиры иностранных стационаров, базирующиеся в Чемульпо, и агенты японской разведки в один голос утверждали, что в порту стоял именно "Варяг", и что он вышел навстречу японской эскадре. Однако почему-то эскадра встретила с кораблем неизвестной конструкции и неизвестной же огневой мощи. Впрочем, хотя возможностей его до конца установить не удалось, они в любом случае оказались более чем солидными, как минимум не уступающими возможностям первоклассного броненосца. Во всяком случае, японская эскадра была уничтожена, а сам Уриу тяжело ранен. Даже удивительно, что он вообще остался в живых, с такими ранениями не живут, однако Уриу выкарабкался, очевидно, просто из чувства долга, чтобы сообщить, что же произошло. Правда, сделав это, он тут же испросил разрешения сделать сепукку, но Того строжайше запретил ему даже думать об этом. Традиции хороши, когда речь идет о

цементировании нации и сплочения ее вокруг единого центра, но никак не на войне, когда страна попросту не может позволить себе терять лучших адмиралов.

Надо сказать, доклад Уриу мало что прояснял, но теперь однозначно можно было сделать вывод: в районе боевых действий появился мощный корабль, вероятно, океанский рейдер наподобие русских "пересветов", только несомненно более мощный и быстроходный. Его скорость, определенную командирами миноносцев как тридцать, а возможно, и более узлов, Того считал явно завышенной. Тем не менее, это явно был корабль, значительно превосходящий японские броненосные крейсера в скорости, и теперь любую операцию приходилось планировать с оглядкой на то, что на коммуникациях притаилась неведомая опасность. Причем время и место удара в этой ситуации будут определять сами русские. У них для этого есть все — и скорость, и огневая мощь, такой корабль уничтожит любого, кто будет слабее его, и легко оторвется от сильнейшего противника. Учитывая же то, что ни во Владивостоке, ни в Порт-Артуре этот корабль все еще не появлялся, получалось, что где-то у него должна быть база, как минимум, угольная, позволяющая длительное время действовать автономно. Все вместе же даже не говорило — кричало о том, что русские решили провести здесь на Дальнем востоке, испытание боевого корабля нового типа, а японская разведка крупно лопухнулась, не только не сумев вовремя обнаружить сам факт появления столь мощной боевой единицы, но и не обратив внимания на строительство базы где-то неподалеку, может быть, даже на каком-то из островов, формально принадлежавших Японии.

А ведь уничтожив эскадру Уриу, русские не остановились на этом, и тут же, не теряя даром времени, перетопили все находящиеся в районе Чемульпо транспортные корабли с готовыми к высадке войсками. Все, и ночь им помехой не стала! Потери в живой силе были колоссальны. Фактически, авангард армии вторжения перестал существовать. Того больно было даже представить себе, какими словами его сейчас проклинают армейцы, вечные соперники и за влияние в стране и, главное, за финансирование. Вдобавок, потеря такого количества транспортных кораблей заставляла задумываться еще о том, на чем, собственно, будут переправляться на континент следующие армейские соединения. Кроме того, неизвестный корабль ушел, но почти сразу после этого зашевелились основные силы русских. Владивосток пока заперт льдами, и эскадра крейсеров не пытается из него выйти, однако после сообщения из Кореи резко активизировалась эскадра, базирующаяся в Порт-Артуре. Того докладывали, что туда выехал сам адмирал Макаров, который, несомненно, был грозным противником, но и без этого наместник Алексеев, очевидно, воодушевленный событиями в Чемульпо, заставил русских адмиралов, которых в Порт-Артуре собралась целая куча, отложить до лучших времен свои любимые молебны и начать действовать. На внешнем рейде каждую ночь идет мясорубка, и русские медленно, но неуклонно переламявают ситуацию в свою пользу, выбивая японские миноносцы. Судя по докладам их командиров, они, пользуясь близостью своего порта, взяли за правило держать ночью на внешнем рейде как минимум один корабль рангом не ниже крейсера второго ранга и еще кучу всякой мелочи. Разумеется, Алексеева сложно назвать великим флотоводцем, но он первоклассный моряк, намотавший не менее пяти кругосветок, и решительный человек. Именно решительности недоставало остальным адмиралам, но, получив внушительный пинок под зад, они задвигались с приличной скоростью. В общем, ситуация не внушала оптимизма.

А ведь где-то на коммуникациях наверняка притаился все тот же "Варяг". Его после

того боя никто не видел, но не мог же испариться крейсер в шесть тысяч тонн водоизмещением. Как русские сумели вытащить его в море и где прятали во время боя, оставалось лишь гадать, но, очевидно, что-нибудь придумали, в изобретательности им не откажешь. Правда, как раз этот крейсер пока что себя никак не проявил, но кто знает, как дальше будут развиваться события. Сейчас уже тот факт, что он Дамокловым мечом нависал над коммуникациями, действовал на нервы и заставлял в очередной раз перетряхивать графики перевозок.

И, как будто этого мало, пришедшее на днях сообщение об исчезновении "Ниссина" и "Кассуги". Хотя какое там исчезновение! Будем называть вещи своими именами — эти корабли погибли. Разумеется, выживших, которые могли бы прояснить ситуацию, не было, но утром моряки подобрали семерых выживших с английского крейсера, конвоировавшего закупленные в Италии корабли, шесть матросов и офицера. Они сообщили, что ночью их крейсер был внезапно атакован и потоплен одним залпом в упор. Наверняка после его гибели тот, кто с легкостью разделался с не самым слабым кораблем английского флота, так же быстро уничтожил и его подопечных, тем более что они физически не могли оказать ему сопротивления.

С этим происшествием очень хорошо (хотя чего уж тут хорошего) сочетались внезапные многочисленные исчезновения транспортных кораблей, происшедшие в том районе. Исчезали не только японские, но и американские, и английские и вообще все суда. Не стоило сомневаться, проклятый рейдер открыл на них охоту, топя всех, кто не успел убраться с его дороги. А ведь для большинства грузовых кораблей парадный ход не более пятнадцати узлов и для боевого корабля они легкая добыча. Другое дело, что тот, кто стоял на мостике этого рейдера попирали своими действиями все международные законы, но свидетелей при этом он благоразумно не оставлял, а если Россия победит, то о том, чтобы предать его международному суду, не будет и речи. Как бы то ни было, Ллойд уже поднял страховые суммы для тех, кто собирался отправляться в Японию, и это нанесло по экономике страны еще один чувствительный удар и, к тому же, резко уменьшило идущий в нее поток грузов, что во время войны было как минимум неприятно.

Однако даже не наглость русского рейдера и не дуэли миноносцев у Порт-Артура беспокоили сейчас японского адмирала. Того был умным и храбрым человеком. Когда-то, не так еще и давно, он не боялся стоять на мостике идущего в бой корабля, да и сейчас готов был повести в атаку свой флот, круша боевые порядки врага и неизменно получая в ответ снаряд за снарядом. Флагман — самая заманчивая мишень, и ему достается в бою сильнее всех, а боевая рубка, вознесенная выше остальных настроек, не самое безопасное место, и даже ее толстая броня далеко не всегда является достойной защитой от тяжелых снарядов. Того не боялся быть в эпицентре боя, не боялся он также и смотреть правде в глаза, что порой требует еще большего мужества.

То, что он сейчас видел, наводило на грустные и от этого страшные мысли. У адмирала не было ни одной прямой улики, но многочисленные косвенные даже не говорили — прямо-таки кричали о том, что их предали. Да, Россия — большая и развитая страна, но ее место в мире не первое и даже не второе. И уж тем более она не лидер в области морских вооружений, достаточно вспомнить, что значительную часть своих кораблей русские строят не сами, а покупают за рубежом и, вдобавок, даже те, что строят, часто создают на основе иностранных, чаще всего французских, проектов. Да, конечно, и у них, как и у любой страны, всерьезозабоченной собственной обороной, случаются технологические прорывы,

но все же законодателями мод на море русские никогда не были. А стало быть, вряд ли от них можно ожидать, что они создадут корабль, аналогов которого уже нет, скажем, в той же Великобритании. И выходило так, что русские, а кроме них, как минимум, англичане уже имеют корабли, на голову превосходящие все, что было продано Японии. Какие из этого следуют выводы?

А выводы были простые и неприятные. Получалось, что японцам изначально продавали морально устаревшие корабли, скрывая от них свои новейшие образцы, чтобы потом, даже в случае победы, Япония осталась такой же технически отсталой по отношению к сильнейшим европейским державам, да еще и нищей — кредиты-то все равно рано или поздно пришлось бы выплачивать. Притворяясь союзниками, англичане, как обычно, блюли свои и только свои интересы, пользуясь кстат подввернувшейся, а точнее, грамотно и вовремя спровоцированной войной для того, чтобы посмотреть со стороны на испытание новых типов вооружения и новой тактики. Ну а их крейсер... Возможно, он был одной из незначительных для британского флота и неизбежных в большой игре накладок, а возможно, что им сознательно пожертвовали, чтобы отвести от себя подозрения, а заодно получить формальный повод для давления на русских. Что такое для лордов британского Адмиралтейства пара сотен погибших моряков? Тьфу, мелочь, не заслуживающая внимания... Они могут себе позволить и не такое. Это для Японии с ее относительно небольшим флотом и ограниченными человеческими ресурсами, заставляющими флот непрерывно ощущать кадровый голод, потеря даже одного крейсера — серьезный удар, а англичане могут использовать в качестве разменной монеты целые эскадры.

В дверь адмиральской каюты даже не постучались — поскреблись. Ну что же, было от чего — прочитав только что переданную по беспроводному телеграфу депешу, адмирал Того с трудом подавил желание вот прямо сейчас испросить у императора разрешение на ритуальное самоубийство. Как ему сообщали, только что русскими был обстрелян и сожжен Нагасаки. Только что, с учетом связи, понятие растяжимое, но все равно от этого было не легче.

Вряд ли у адмирала Того улучшилось бы настроение, знай он, что нарушитель спокойствия находится совсем рядом, всего-то в двух десятках миль от места стоянки японского флота, в небе уже парит практически неразличимый с земли беспилотник, и командир русского корабля сейчас раздумывает над тем, начинать обстрел немедленно или немного погодить.

Уничтожив "Ниссин" в компании с "Кассугой", "Мурманск" лег на курс, который должен был привести его на торные морские дороги, прямо-таки кишящие грузовыми кораблями. Там можно было пиратствовать напропалую, не особенно заморачиваясь над тем, кого топить. Доктрина крейсерской войны, разработанная во Франции и очень популярная сейчас в России, в кои-то веки имела шанс на реализацию.

Вообще, довольно примечательный и крайне неприятный с точки зрения исторического развития для России момент — в ней со времен Петра Первого всегда было крайне популярно все французское. Все же лягушатники, надо отдать им должное, знали толк в пропаганде и, хотя русские с французами периодически воевали, а извечный враг — Турция — натравливалась хитрыми потомками галлов на Россию постоянно, тем не менее, французы постоянно имели серьезное влияние в верхних эшелонах российской власти. В известной степени, в том мире, откуда сюда, не вытерев сапог, ввалились Плотников со

товарищи, это было одной из причин неудач России в абсолютно ненужной ей Первой Мировой войне, где она вынуждена была сражаться, платя кровью русских солдат за чужие, в первую очередь, французские интересы, и вполне закономерного краха Российской империи в финале.

К сожалению, генерируемые французами идеи воспринимались в России крайне некритично, и если в отношении виноделия, кухни и прочих мелочей, в которых французы и впрямь знали толк, это было, в общем-то, отчасти оправдано, то в других областях результаты прививания чужих идей на русскую почву смотрелись не лучшим образом. Это можно было сказать, в частности, и о морских делах — французская идея крейсерской войны нашла в России массу поклонников. При этом как-то забывалось о том, что французы на море, в общем-то, никогда не блистали и вряд ли могли служить примером для подражания. То же, кстати, относилось и к строящимся в России по французским проектам броненосцам, блестяще переворачивавшимся впоследствии в Цусимском сражении.

Однако сейчас сложилась ситуация, когда мертворожденная идея могла оказаться на коне. На вражеских коммуникациях действовал корабль, значительно превосходящий любого потенциального противника по всем показателям — и по скорости, и по защите, и по вооружению, да вдобавок имеющий неограниченную дальность плавания. Результат вполне мог оказаться соответствующим — просто сокращая тоннаж японского грузового флота до опасно малых величин, можно было как минимум поставить под вопрос снабжение вражеской армии, а заодно уж помножить на ноль экономику Японии. Плотников отлично знал, насколько эффективными оказались в той, прошлой истории действия крейсеров Владивостокского отряда, которые хотя и не смогли переломить ход войны, но все же очень сильно испортили нервы японским адмиралам и нанесли жестокий удар по все той же многострадальной экономике. Сейчас результат мог быть как минимум не хуже, в особенности, если получится оставаться необнаруженными достаточно продолжительное время. Ну а уж обеспечивать секретность выходцы из более развитого и притом более циничного мира умели неплохо.

В этом мире, особенно на море, еще сохранялись рыцарские правила ведения войны или, хотя бы, какое-то их подобие. Плотников и его офицеры не то чтобы считали это смешным или ненужным, но и соблюдать установленные неведь кем и неведь зачем, абсолютно чужие им нормы не собирались. В том мире, откуда они прибыли, мире, где тотальная война была нормой еще до их рождения, остановить идущий в зоне боевых действий транспорт и проверить его на наличие контрабанды считалось, скорее, глупостью. Куда проще всадить ему торпеду из под воды, "не заметив" нейтрального флага, ила же просто утопить артиллерией. Сейчас реализовывался именно второй вариант.

Разумеется, зверствовать и глушить всех подряд никто не собирался, все же отправлять на дно пассажирские лайнеры с ничего не подозревающими пассажирами на борту было не комильфо. Однако, положив руку на сердце, если такой корабль все же случайно потопят, никто из-за этого горевать не собирался. Особенно если это окажется японский лайнер, японцы — враги, а значит, любое действие, наносящее им урон, можно было считать оправданным. Логика прямая, как гвоздь, и совершенно безжалостная в своей простоте. Другое дело, что этого можно было не допустить.

Сейчас крейсер уверенно шел, обшаривая все вокруг локатором. При обнаружении какого-либо корабля, с него поднимался беспилотник, быстро облетавший находку. Установить, пассажирский лайнер это (таковой, впрочем, попался один-единственный раз)

или грузовое судно было совсем несложно. Ну а дальше... Дальше был короткий бросок, а потом, не давая никому опомниться, один, от силы два снаряда под ватерлинии. Этого хватало — суда гражданской постройки, далеко не столь прочные, как военные корабли, тонули очень быстро. Команду, естественно, никто не добивал, но и давать им время на то, чтобы спустить шлюпки или, тем более, озабочиваться выловом плавающих никто не собирался. В этом просто не видели смысла — если кто-то от великого ума решил прогуляться в опасных водах, то это его право и, соответственно, его же проблемы.

Самое интересное, что не попало ни одного не то чтобы боевого, но даже и просто вооруженного корабля. Создавалось впечатление, что японцы, а вслед за ними и все остальные, абсолютно уверены в собственной безопасности и не ожидают нарваться в этих водах ни на кого опаснее дельфина. Хотя, конечно, иностранцы могли считать, что их защищает факт принадлежности к другому, формально не участвующему в войне государству. А зря, кстати, очень зря, что им сейчас и доказывали с невероятным упорством, и наличие над кораблем, к примеру, британского, американского или немецкого флагов при этом участии их не облегчало.

В этот момент, кстати, Плотников и пожалел, что на его корабле нет более легкого вооружения. Честно говоря, хотя восьмидюймовых снарядов и было пока в избытке, но когда-нибудь такое изобилие могло и закончиться. С другой стороны, для того, чтобы топить транспортные калоши, хватило бы и стотридцатимиллиметровых орудий, которые на флоте были весьма распространены. А что — мощность снаряда очень приличная, особенно по сравнению с теми, что были в ходу здесь и сейчас, а места занимают меньше. Ну, пусть не сто тридцать, пусть сто двадцать миллиметров или, к примеру, незабвенные шесть дюймов. К таким орудиям при необходимости можно найти боезапас и здесь, что повышало их универсальность. Сделать такие орудия на базе все тех же сторицаток — не проблема.

На голову приходило только два объяснения — или над конструкторами довлел постулат о едином калибре, или, что вероятнее, просто все делалось в спешке, и многие нюансы просто упустили из виду. В пользу последнего говорил и тот факт, что по первоначальному проекту "Мурманск" должен был вооружаться как раз стотридцатками в четырехорудийных башнях, которые получилось, раздув до безобразия, использовать для установки облегченных восьмидюймовых орудий нового образца.

К тому же те, кто проектировал "Мурманск" вряд ли знали, для чего предназначен корабль, так что с этой точки зрения даже явные проколы выглядели логично и оправдано, только сейчас от этого было не легче. Артиллеристы, правда, заявили как-то с предложением исправить ситуацию — уж больно жалко им было тратить на какие-то там транспорты драгоценные восьмидюймовые снаряды. Идея выглядела просто и логично — установить на корабле дополнительно пару шестидюймовок. Большого для того, чтобы пускать на дно небронированных "купцов" и не требовалось, а в схватке с боевыми кораблями участие этих пукалок все равно не планировалось. Кроме того, как сильно подозревал Плотников, артиллеристам просто хотелось пострелять. Не сидя в комфортных креслах и просто задавая автоматике цели, которые она и сама, без дальнейшего вмешательства человека, сможет поразить быстро и качественно, а чувствуя руками металл орудия, ощущая в них вес снаряда и глядя на врага пускай через прицел, но своими глазами. Желание понятное и логичное, хотя, разумеется, Плотников оставил свои догадки при себе. Спросил только, где они собираются найти подходящие орудия, на что получил синхронное пожатие плечами — мол, ты командир, тебе и решать. Разговор кончился вроде бы и ничем,

но идея продолжала витать в воздухе, что рано или поздно должно было привести к ее реализации.

В принципе, раздобыть орудия можно было несколькими способами. Можно было вступить в контакт с русским командованием — это, наверное, было бы наиболее безопасным вариантом, но раньше времени рассекречивать свое появление Плотникову не хотелось. Да и то сказать, в Порт-Артур прорываться не хотелось категорически, а идти во Владивосток было далековато. К тому же лед там еще не сошел и, хотя "Мурманск", первоначально спроектированный для Северного флота, и имел ледакольный нос и усиленную ледовую защиту, но лезть туда... Да еще ведь и свои же, не разобравшись, могут открыть огонь, а в способности брони выдерживать попадания русских бронебойных снарядов уверенности не было. Борта, конечно, выдержат, но надстройки могут и разворотить.

Можно было захватить какой-нибудь японский корабль и снять орудия с него. Однако тут возникал логичный вопрос: а захотят ли японцы сдаваться? Насколько Плотникову было известно, в начале двадцатого века этот народ еще не был склонен искать компромиссы и смерти не боялся, так что захват военного корабля невеликими силами, которые были у него под рукой, выглядел крайне проблематично. Более вероятным предполагалось, что и цели не добьются, и людей положат. Ну а с невоенного корабля и снимать было, честно говоря, нечего.

В свете этого куда интереснее выглядел вариант с разгромом какого-нибудь прибрежного города и небольшой ревизией его складов. Кстати, и провизией тоже стоило запастись — конечно, запасы еще были, но все же их стоило по возможности беречь, переходя на подножный корм, то есть на трофейные продукты. Конечно, японцы хрен захотят делиться, только вот кто же их будет спрашивать? Спалить город — и вся недолга. Подобная акция все равно была в планах, так почему бы и не сейчас? Месяцем раньше все разнесем, или месяцем позже — разницы нет, так единодушно решило офицерское собрание. Вот и выдвинулись они к городу Нагасаки, рассудив, помимо прочего, что раз уж город все равно невезучий, так не стоит нарушать традицию. По большому счету, его жителям будет все равно, спалят их город атомной бомбой или испытают на нем боеприпасы объемного взрыва. Правда, некоторые горячие головы предлагали идти сразу на Токио, однако как раз там пришлось бы лупить спецбоеприпасами — город и защищен был лучше, чем Нагасаки, и оборонять его японцы станут до последнего. Какая-никакая, а столица, император где-то поблизости, опять же, обитает. По всему выходило, что туда идти пока рановато.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Правда, и с Нагасаки не все было так просто, как хотелось бы. Нет, технически проблем как раз и не было — подойти, занять позицию за пределами досягаемости не такой, кстати, и многочисленной японской береговой артиллерии, после чего начать бомбардировку. Вот только делать это решительно не хотелось — расход снарядов оказывался неоправданно велик, а ведь, по сути, вся операция проводилась для того, чтобы его снизить. Можно было, конечно, подойти поближе. Да хоть в сам порт можно было зайти — минные поля, даже если они тут и были, особой угрозы не представляли, обнаружить якорные мины сонар мог без особых проблем, подавить батареи тоже сложностей не представляло. Другое дело, что зайдешь в порт — и что дальше? Для орудий "Мурманска", в принципе, что миля, что десять — все едино, особенно по такой габаритной цели, как город. Просто именно в силу ее

размеров расход боеприпасов все равно оказывался большим. Это дома можно было отстреляться и подойти к транспорту снабжения, а здесь его на горизонте почему-то не наблюдалось.

Проблему, тем не менее, решили просто — зря, что ли, на борту корабля была морская пехота? Высадиться на фактически не охраняемое побережье было совсем несложно — о разведывательно-диверсионных подразделениях местные, похоже, и не подозревали, да и попробуй контролировать огромный участок побережья, которое, вот ведь незадача, не по линейке вычерчено, а представляет собой природой созданный хаос. К тому же, Нагасаки — это не линия фронта, а, можно сказать, глубокий тыл. Ну и, вдобавок местным наверняка добавляли спокойствия три старых крейсера, находящиеся сейчас в порту. Интересные такие крейсера, с орудиями мощнее, чем у броненосцев. Правда, всего по одному, но все равно, выглядели эти монстрики внушительно, хотя, как показывал исторический опыт, в реальном бою проку от медленно стреляющих и имеющих устаревшие системы наведения орудий толку было немного. Тем не менее, топить их все равно стоило, раз уж подвернулись под горячую руку, и вот как раз на это снарядов Плотникову было уже совершенно не жалко.

Немного правда настораживал тот факт, что Япония считается родиной всяких шустриков вроде ниндзя, которые, как известно, лопухами не были и сами знали толк в скрытном проникновении на охраняемые объекты, умея тихонько прийти, всех зарезать и так же тихонько, никем не замеченными, уйти. Вот только, во-первых, убийство и масштабная диверсия вещи все же немножко разные, а во-вторых, уверенность в превосходстве японских лазутчиков над всеми остальными действовала на японцев расслабляюще. Так или иначе, но высадка прошла без проблем.

Для морских пехотинцев эта ночь выдалась тяжелой, хотя они и не особенно распространялись на эту тему. Однако те, кто их готовил, могли гордиться своими учениками — под утро Нагасаки, город мирный и красивый, превратился в огненный ад. Ну а крейсер внес в это свою лепту, добавив огоньку и положив снаряды в точно рассчитанные точки. Результат оказался более чем впечатляющим — огонь взметнулся высоко к облакам, втягивая в себя все новые и новые порции кислорода и испепеляя хлипкие японские домики. Примерно то же самое произошло в том мире, из которого пришел сюда "Мурманск", при ударе американской авиации по Токио, только там для этого потребовался массированный налет и сотни, а может, и тысячи тонн авиабомб. Здесь тот же эффект достигался грамотно выбранным рисунком удара, но местным жителям от этого было не легче.

На фоне творившегося в городе безобразия практически незамеченной осталась гибель в порту всех трех крейсеров, двух старых канонерок и трех таких же старых миноносцев. Последние, правда, были уничтожены не огнем русского крейсера, а теми же диверсантами, рассудившими, что тратить на них снаряды крейсер вряд ли будет, а оставлять их вроде как и жалко. Кроме того, снаряды с крейсера отправили на дно четыре крупных транспорта, на свою беду не вовремя зашедшие в Нагасаки. Справедливости ради стоило отметить, что крейсера и транспортные корабли затонули не полностью — здесь было мелко, и они просто сели на грунт, но поднять их и ввести в строй было сейчас как минимум затруднительно. На сих несомненных достижениях диверсанты не остановились, ими еще были подорваны склады, а японские боеприпасы рвались просто шикарно — с грохотом, яркими вспышками, в общем, фейерверк, да и только. На фоне всего этого безобразия сделавший несколько рейсов вертолет остался незамеченным. В результате инфраструктура порта была полностью разрушена и восстановлению в разумные сроки не подлежала, половина города оказалась

сожжена дотла, а потери населения превысили пять тысяч человек. На Мурманск же были доставлены два орудия и к ним около двухсот снарядов на ствол, а также солидные запасы продовольствия, правда, в основном рыбы и риса, плюс немалое количество sake. Не удержались, чего уж там, и Плотников не собирался обвинять подчиненных в том, что они притащили на борт выпивку. К тому же он сомневался, что эту дрянь народ будет с удовольствием пить, а если уж кому-то и впрямь захочется принять на грудь, он и без этого сможет устроить налет на неплохо укомплектованный корабельный бар. Просто не смогли люди пройти мимо такого трофея, чего уж там. Экзотика...

Правда, разграблением японских складов занимались сами моряки — морпехи как раз минировали все вокруг, корабли, опять же, подрывали... Однако жаловаться и отлынивать никто не стал — понимали, что профессионалов наземной войны среди них слишком мало, и они попросту не справятся. В общем, успех операции был полным, и при этом обошлись без потерь, двое легкораненых и двое, получивших незначительные ожоги. Надо сказать, после этого крейсер почти сутки был ограничено боеспособен из-за того, что практически все участники рейда, за исключением вахтенных, отсыпались, однако и в море им никто не попался — очевидно, вся мелочь, напуганная происходящим, предпочла спешно разбежаться. Решение, несомненно, мудрое и дальновидное — когда сражаются гиганты, карликам лучше сидеть тихонечко и присутствие свое не афишировать. А то ведь зашибут — и не заметят.

Ну а дальше было решено пощупать за теплый волосатый сосок основные силы японского флота, благо где он базируется было известно. Возможно, это стоило сделать даже раньше, до налета на Нагасаки или сразу после этого, пока до вражеского командующего не дошли сведения об учиненном городу разгроме, но тут минусом оказалась высокий уровень автоматизации и, соответственно, малая численность экипажа "Мурманска". Разумеется, человек, при всей кажущейся хрупкости, очень совершенный и устойчивый к внешним воздействиям биологический механизм, и при нужде участники рейда могли бы держаться на ногах столько, сколько надо, но Плотников предпочел дать экипажу отдых. Он вообще старался не перегружать людей, считая, что задачей командира является выполнение задачи с минимальными, по возможности, затратами сил подчиненных. Это не очень приветствовалось командованием, любящим, чтобы все делалось по команде бегом, но Плотников с годами научился неплохо изображать бурную деятельность. Нельзя сказать, что подобное очковтирательство доставляло ему удовольствие, но, с другой стороны, те, кто служил под его началом, знали, что если командир требует вывернуться из кожи, но сделать, значит, другого выхода и впрямь нет.

К базе японского флота "Мурманск" вышел почти на двое суток позже, чем мог бы. Во-первых, из-за отдыха, а во-вторых, потому, что потратили сутки на то, чтобы установить трофейные орудия, а это уже само по себе было не самой легкой задачей. Хорошо еще, что никто не собирался заморачиваться установкой тяжелых, громоздких и сейчас практически бесполезных щитов, а вот подкреплять палубы пришлось всерьез. Справились, конечно, но попотеть пришлось всем. Тем не менее, русские моряки в очередной раз доказали, что с помощью лома, кувалды и чьей-то матери можно добиться всего, чего угодно, и вскоре "Мурманск" уже щеголял двумя новыми, совершенно не вписывающимися в его дизайн украшениями.

К вечеру их и испытали — на горизонте мелькнул дым, и вскоре "Мурманск" уже настигал небольшой японский транспорт, водоизмещением, навскидку, около четырех тысяч

тонн. Знатоков японского языка на крейсере не нашлось ("еще одно упущение, — мысленно выругался Плотников, — случись что — даже пленных не допросить"), а подписи, к примеру, на английском, тоже не наблюдалось, поэтому смысл украшающих нос судна иероглифов было не установить. Разумеется, можно было без особых проблем прогнать изображение через компьютер и получить расшифровку, но это, честно говоря, никому не было интересно. Ну, транспорт и транспорт, за последние дни на такие уже насмотрелись, и единственный интерес был в том, что конкретно этот оказался первым, который предполагалось топить выстрелами в упор, испытывая на нем свежее установленное вооружение.

Увы, иметь на борту орудия и вести с их помощью бой оказалось отнюдь не тождественными понятиями. Для начала оказалось, что никто на борту крейсера попросту не умеет стрелять. Вернее нет, не так, стрелять-то они умели, и даже очень неплохо, вот только не из того антиквариата, что сейчас гордо возвышался над палубой. Современные системы — это совсем другая баллистика, совсем другие прицелы, да и стабилизация орудий тоже чего-то стоит, поэтому, несмотря на то, что все необходимые для ведения огня таблицы в базах данных крейсера имелись, а лазерные дальномеры выдавали дистанцию с недостижимой для местных артиллеристов точностью, толку от этого было чуть. В общем, с тридцати кабельтов, на которые попросили подойти артиллеристы, они промахнулись в десяти случаях из десяти.

Усмехающийся про себя Плотников, который, в общем-то, и не ждал иного результата, распорядился подойти ближе и уравнивать скорости на дистанции двадцати кабельтовых. К тому времени японец, отчаянно дымя, уже шел на пятнадцати узлах — скорее всего, его капитан, в тщетной попытке уйти, приказал заклепать клапана. Разумеется, это было бесполезно, но и сдаваться просто так даже перед лицом имеющего подавляющее превосходство крейсера японцы не собирались. Правда, возможно, на этот эпический героизм их вдохновила явная криворукость и прогрессирующая косоглазость его артиллеристов, но факт оставался фактом — японский корабль останавливаться категорически не желал.

С двадцати кабельтовых, при полностью уравненных скоростях, дела у артиллеристов пошли несколько лучше. Во всяком случае, пятый снаряд угодил в борт транспорта, проделав в нем дыру и вызвав небольшой пожар, а восьмой скovyрнул единственную трубу. Скорость транспорта начала резко падать и, когда приноровившиеся наконец артиллеристы всадили в него еще пару снарядов, он окончательно лег в дрейф. Судя по мельтешению на его палубе, с противоположного от крейсера борта команда торопливо спускала шлюпки. Ну, флаг им в руки. Сблизившись на совсем уж смешные пятнадцать кабельтовых, крейсер вновь открыл огонь. Сейчас попадания шли одно за другим — в неподвижную мишень с такой дистанции промахнуться было сложно. Получив несколько снарядов под ватерлинию, пароход внезапно лег на борт и поразительно быстро затонул.

Несмотря на то, что никакого разбора полетов не последовало, артиллеристы крейсера и так прекрасно понимали, насколько сильно опрофанились. По большому счету, роли это не играло — в случае боя с мощными артиллерийскими кораблями противника должны были использоваться штатные восьмидюймовки, способные уничтожить любой из существующих в этом мире кораблей с запредельной даже для двенадцатидюймовых орудий дистанции и притом с впечатляющей точностью огня. Ну а транспорты топить... Да и пес с ними, можно и подойти поближе, все равно никакого реального сопротивления ожидать не

приходилось. Единственно, чего жаль — это топлива для вертолета, ну да ничего страшного, его пока хватало, а вот достойных целей для винтокрылой машины пока что не наблюдалось.

Следующий транспорт так и потопили — легко догнали и с полутора миль открыли беглый огонь. Идущий под британским флагом в сторону Японии корабль был пущен на дно моментально, шимоза против небронированных целей была хороша, однако это была последняя удача — больше транспортных, да и любых других кораблей на пути не встречалось до того самого момента, как беспилотный разведчик не передал картинку безмятежно стоящих на якорях кораблей японского флота.

Английский аристократ всегда называет кошку кошкой, даже споткнувшись о нее в темноте. Это русским с их богатым, экспрессивным, образным, но притом совершенно нелогичным языком можно высказать все, что они думают, но настоящий лорд будет сдержан и спокоен в любой обстановке. Возможно, именно поэтому английские, да и не только английские аристократы, разговаривая со своими русскими коллегами, никогда не считают их равными себе. Могут, в зависимости от ситуации, оставаться бесстрастными, улыбаться, вежливо кивать, выражать всяческое расположение... Да что угодно они могут, но все это будет маской, почти всегда скрывающей презрение. За Ламаншем людей нет, это относилось ко всем, а к русским — в особенности.

Однако сейчас обладателю породистого лица и не менее породистого взгляда на жизнь было над чем задуматься. В очередной, далеко не первый раз перед ним стояла загадка, но впервые он не знал, с какой стороны ее надо решать. И виной всему были, как ни странно, все те же русские, которых в просвещенной Европе принято было считать простоватыми и недотепистыми. Однако принято или не принято — роли это сейчас не играло ни малейшей. Грозилась повториться ситуация вековой давности — похоже, русские вновь нацеливались на доминирование среди цивилизованных стран. В Англии хорошо помнили, что не так и давно еще ни одна пушка не могла выстрелить без разрешения из Петербурга, и вовсе не жаждали повторения той эпохи. Мало кто помнит, но Нельсон, великий Нельсон во время средиземноморского похода вынужден был умерить свои амбиции, не рискуя связываться с Ушаковым, и ничего не рисковал предпринять, не согласовав с ним. Ну и, кроме того, англичане прекрасно понимали — русские помнят, кто стоит за убийством Павла Первого и десятками других, не таких громких, но не менее неприятных для России пакостей. Классическое "они знают, что мы знаем, что они знают...", и так до бесконечности. Но русские — варвары, они не умеют забывать прошлое в угоду интересам настоящего, и, если представится случай, наверняка отомстят. Именно поэтому нельзя было допустить, чтобы история повторилась.

Ситуация была сколь простой, столь и обидной. Будучи сильнейшей мировой державой, Великобритания не имела серьезной армии, да и то, что имелось, было разбросано по всему миру, наводя и поддерживая порядок в ее многочисленных колониях — силе и гордости империи, но при этом ее проклятии, исправно поставляющих ресурсы, но берущие за них плату жизнями английских солдат. Да, солдаты эти были храбрыми, отлично обученными и вооруженными, иной раз небольшими отрядами заставляющие отступить, а то и разбежаться туземные армии, но их было слишком мало. Небольшой остров просто не имел таких колоссальных людских ресурсов, как та же Россия или совсем недавно сформировавшаяся из десятков разрозненных княжеств Германия, и потому надежных солдат из метрополии всегда не хватало, а войска, набираемые из туземцев, все равно были классом ниже их. Даже

такие элитные части, как гурки, все равно в массе своей уступали королевским гвардейцам. И это при том, что солдаты Германии или России были равны английским, да и французские мало им уступали. Страшно представить себе русскую армию, сумевшую высадиться на Британских островах — ее просто нечем было бы остановить. Именно осознание этого неприятного факта и заставляло Британию постоянно жить на осадном положении, вкладывая деньги во флот, который железной стеной отделял метрополию от соседей, и постоянно интригуя, чтобы ослабить их, стравить между собой и тем самым обезопасить свой жалкий остров. Страх, постоянный, привычный, ставший уже неосознанным страх — вот что двигало англичанами, и приросшая к лицам маска бесстрастности обманывала не только других, но и их самих. Разумеется, это относилось, в основном, к элите, тем, кто был посвящен в хитросплетения политики и закулисных игр. Простые солдаты, матросы, рабочие мало отличались от таких же во всех остальных странах, но решения принимали не они, а именно те, кто сидел наверху и дергал за ниточки. Те, кто боялся.

Сейчас лорду было о чем задуматься. Ситуация, которую они создавали, медленно, но верно выходила из-под контроля, и это было чревато непредсказуемыми, но, при любых раскладах, негативными последствиями. Еще недавно все выглядело очень многообещающе — закачать деньги в отсталую страну на другом конце мира, с которой интересы Великобритании в обозримом будущем не пересекутся, опутать ее сетью кредитов, натравить на Россию и посмотреть, как две варварские империи уничтожают друг друга. Заодно и поучиться, найти сильные и слабые места своих кораблей, массово строящихся по всему миру, но ни разу пока что не опробованных в серьезном деле. Словом, избавиться от конкурента или хотя бы ослабить его чужими руками, да еще и денег и знаний с этого поиметь. Нормальная, грамотная и надежная тактика, никогда не подводившая ранее. Далеко и ходить не надо. Схватился Петр Первый со Швецией, и две сильнейшие континентальные державы оказались надолго выключены из большой политики, а одна в конечном итоге и статус державы утратила. Или Турция, периодически устраивающая конфликты с Россией — ее действия честно оплачивались когда английским, а когда и французским золотом. Или окраины самой России, сепаратизм в которых не без помощью Туманного Альбиона цвел махровым цветом. Все это отвлекало русских от Европы, которую они в противном случае могли бы проглотить и не поморщиться. Так должно было быть и сейчас, но — не срослось, и теперь надо было понять, почему это происходит.

Вообще, создавалось впечатление, что в дело вмешался какой-то новый фактор. Внешне все было вполне благопристойно — на тихом океане у русских оказалось на один корабль больше, чем предполагалось. Что же, такое могло быть — разведка не безупречна, и ее возможности небезграничны. Тактико-технические характеристики корабля явно превосходят аналоги — почему бы и нет? Смешно предполагать, что прогресс во всех флотах мира исходит из Англии. Кто-нибудь вполне мог напрячься и родить достойный прототип. Строительство этого корабля отследить не смогли — и это возможно. Например, заказали где-нибудь в Соединенных Штатах, или еще где-то. Разумеется, британские агенты держат под наблюдением все крупные верфи, но ошибки и просчеты возможны. К примеру, какого-нибудь из агентов перекупили — бывало в истории и похлеще, так что почему бы и нет... Кстати, в общую картину подобное вписывается отлично — создал кто-то удачный проект, русские его оплатили и выкупили готовый корабль. Что интересно, они упорно отрицают, что корабль принадлежит им, но их слова неважны — у лорда не было сомнений, чей флаг будет, случись нужда, поднят на мачте этого монстра. Это все не катастрофично, куда хуже

другое — сейчас русские вели себя не так, как предполагалось, и эта нетипичность делала их опасными, даже более опасными, чем их корабль, более опасными, чем эскадра таких кораблей. Лорд прекрасно понимал одну простую, но страшную истину: если так пойдет дальше, если Англию перестанут бояться, то очень скоро железный заслон из ее броненосцев прогнется и рухнет, потому что немалую часть мощи королевского флота составляла его легендарная репутация, а как раз она-то начинала сейчас медленно, но неуклонно покрываться трещинами.

Что такое один потерянный корабль в масштабах самого большого в мире флота? Да практически ничего. Ерунда, мелочь, не заслуживающая особого внимания. Бывает, в хороший шторм можно потерять больше. Но одно дело потерять корабль, два или пускай даже три в силу естественных причин или от неудачных действий экипажа, как это было с приснопамятной "Викторией", и совсем другое, когда его кто-то топит. Это ведь не просто потеря корабля — это удар по престижу, показатель того, что на Великобританию можно плевать, что Ройял Нэви можно не бояться, и вообще, англичане не так страшны, как кажется. Русские (а это наверняка были они) ударили подло, из-за угла, и заслужили наказание, но... это надо было как-то оправдать перед всем миром и перед соотечественниками, не всеми, конечно, но занимающими равное с ним положение. И если на мнение всего мира лорду было, в общем-то, плевать, то с возможной реакцией своих приходилось считаться.

А самое паршивое, что не осталось свидетелей. Вернее, они остались, но... Лучше бы их и впрямь не было. Выжившие, включая чудом спасшегося, точнее, спасенного своими матросами капитана, не видели ничего. Атака из темноты — и крейсер потоплен вместе со всем экипажем, погибшим во сне. Кстати, интересно, как они смогли в темноте, без прожекторов так легко найти конвой? Впрочем, это уже технические тонкости, ничего не меняющие в общей картине. Так или иначе, но матросам, разумеется, награды и повышения в чинах за спасение командира, и, когда они вернутся в Англию, всех, включая офицера, заслать куда подальше хотя бы на несколько лет. Чтобы не проболтались. А можно, кстати, и навсегда — ведь есть же места, где от тропической лихорадки люди мрут, как мухи. Жаль, что они выжили. Не было бы свидетелей, японцы не узнали бы о происшедшем, во всяком случае, о его деталях. Хотя и в Англии бы тоже не узнали, так что здесь есть и положительные, и отрицательные стороны. Но вот то, что японцы теперь знают, как русские плюют и на Великобританию, и на ее флот, очень печально, и с этим надо что-то срочно решать. Великая держава не может спускать с рук такие оскорбления никому, поэтому при любом исходе дела наверняка будет принято решение о том, чтобы послать туда полнокровную броненосную эскадру.

И действовать надо максимально быстро, если начнется серьезная война, то флот, раскиданный по базам и потому размазанный по всему миру, окажется уязвим и может быть разбит по частям. Потеря флота — это потеря империи. Слишком велики коммуникации, слишком зависит метрополия от подвоза извне, в первую очередь, сырья, и как только исчезнет страх, дороги перекроют, в море выйдут рейдеры противника, и полноводные реки поставок моментально превратятся в тоненькие, грозящие в любой момент пересохнуть ручейки. Этого допустить нельзя, поэтому угрозу надо задавить в зародыше, наверняка с этим согласятся если не все, то большинство. Ну а согласие царствующей особы — это уже формальность.

Картинка, передаваемая беспилотником, радовала четкостью. Весь вражеский флот как на ладони. Вернее, весь броненосный флот — несколько крейсеров бродят неподалеку, усердно патрулируя подходы к базе, но они, если верить локатору, далеко и пока что не могут засечь "Мурманск". Впрочем, эти корабли не меняют общей картины — их в любой момент можно послать на дно. А можно и не посылать — как только будут уничтожены броненосцы, войну русскими можно считать выигранной. А уничтожить японский флот артиллерия "Мурманска" способна в любой момент — корабли противника в пределах досягаемости и уверенного поражения орудиями главного калибра, а беспилотник при необходимости всегда может сыграть роль корректировщика.

Сейчас на мостике собрались почти все свободные от вахты офицеры крейсера. Честно говоря, их присутствие не было вызвано какой-либо особой необходимостью, скорее, они даже мешали, однако Плотников не пытался их отправить по местам, вполне резонно указав на то, что там экраны дают картинку ничуть не хуже. Честно говоря, ему вообще сейчас не было дела до того, что творится на мостике — он думал...

— Сергей Федорович! — шепотом закричал кто-то из артиллеристов. Именно шепотом и именно закричал, потому как пытался соответствовать моменту и, в то же время не был уверен, что стоит тревожить склонившегося над своим экраном командира. — Пора начинать! Мы их тут перетопим, как кутят.

Плотников обернулся, нашел глазами возмутителя спокойствия и добродушно улыбнулся:

— Что, лейтенант, пострелять не терпится? А попадете?

Артиллерист моментально сообразил, что это — намек на их недавний конфуз с шестидюймовками, но не смутился:

— С такой дистанции — ни за что! Это мы в упор стрелять не обучены, а издали — так хоть музе в глаз!

— Угу. Главным калибром мы отстрелим комару хоть правое яйцо, хоть левое, все равно наши пушки на большее не способны... Шучу, не краснейте вы так, Андрей, чай, не красна девица. Только вот вопрос, а стоит ли нам стрелять?

Недоуменное молчание было ему ответом, однако вопросов никто не задавал — понимали, что сам пояснит мысль, и Плотников не обманул их ожиданий. Правда, вначале он, ехидно усмехаясь про себя, налил себе в маленькую чашечку кофе и аккуратно, мелкими глотками выпил его, а потом достал трубку и так же неспешно ее раскурил. Трубку, как он считал, делала его похожим на классического морского волка. Так это или не так на самом деле, сказать было сложно, но к маленьким слабостям командира команда относилась спокойно. Так же спокойно собравшиеся отнеслись и к паузе — знали, что когда у Плотникова есть желание чуточку поиграть на нервах, любое действие с их стороны может эту паузу только растянуть. В результате чуточку разочарованный каперанг мысленно вздохнул и продолжил:

— Начнем с того, что перед нами поставлена задача обеспечения максимального отличия в ходе исторического процесса этого мира от нашего. Так? — дождавшись согласных кивков, Плотников усмехнулся и продолжил дискуссию. — Так вот, сильно подозреваю, что если мы сейчас нейтрализуем японский флот, то мы этого не добьемся.

Вы подумайте сами, что здесь и сейчас происходит? По сути, это локальный конфликт, мы таких и дома насмотрелись, всей разницы-то в том, что ведется он классическими методами, и уровень технического развития у сторон почти одинаковый. И еще в

неожиданном результате. В принципе, войну в нашей истории натурально "слили", иначе и не назовешь, причем, в основном, из-за некомпетентности верховного командования наших армии и флота. Но вот сейчас мы можем отработать по вражеской базе... Скажите, что вы видите? — ткнул пальцем в экран Плотников.

— Ну... Японский флот практически в полном составе. Шесть эскадренных броненосцев, четыре броненосных крейсера. Не хватает одного броненосного крейсера и какого-то старья из китайских трофеев, вот, вроде бы, и все...

— Отлично, Андрей. Хотя силуэты наших противников я, на вашем месте, изучил бы получше, чтобы знать хотя бы, что это за корабли конкретно. А то "какое-то" не звучит. Впрочем, непринципиально, в случае нужды у нас хватает технических возможностей для точной идентификации тех, кого мы собрались топить. Теперь подумайте, что мы можем сделать. Вражеские корабли стоят на своей базе, уверенные в собственной безопасности. Все двери и люки нараспашку, экипажи расслаблены. Один ночной артиллерийский удар — и дело сделано, Как минимум, броненосные крейсера мы потопим без проблем, да и броненосцы, по идее, тоже. Теоретически их броня не должна держать наши снаряды, хотя проверить это можно будет, лишь добившись пары попаданий. Думаю, это будет не особенно сложно, все же огонь вы будете вести из привычных вам орудий, с корректировкой, да и поближе мы подойдем. А не пробьем броню — и пес с ней, боеприпасы объемного взрыва в два счета вызовут у них детонацию боекомплекта. В общем, японский флот мы или уничтожим, или нейтрализуем. А дальше-то что?

— Трупы заколебемся убирать, — пошутил один из штурманов.

— Очень смешно... Хотя, конечно, народу мы нашинкуем столько, что и впрямь интересно, где же мы их всех хоронить-то будем. Впрочем, акул в этих водах хватает, помогут если что. Но я спрашиваю в глобальном плане. Итак, что произойдет, если японский флот будет полностью нейтрализован, и у Тихоокеанской эскадры вдруг не окажется противника?

— Конец войне?

— Возможно. Хотя и не факт. Однако, на мой взгляд, все проще и неприятнее. Не секрет, что джапы не сами влезли в эту разборку — их умело и аккуратно к ней подтолкнули. Тут и англичане постарались, и янкесы лапку приложили, да и, подозреваю, вообще много кто отметил. А самое-то главное, у них не может не быть запасного варианта. То, что мы о нем не знаем, ни о чем не говорит. Наверняка если будет выбита из войны Япония, сразу же найдется кто-нибудь еще, кто захочет принять участие в этой веселухе. И что дальше? Мы ведь на роль пожарной команды не годимся, просто не успеем везде, особенно если следующая война будет сухопутной. Тем более что израсходовав боезапас, мы сразу же скатимся к уровню обычного местного крейсера. Ну, может, очень мощного крейсера, но все равно, на том, что мы можем раздобыть здесь, далеко не уедешь. Плюс время... Сколько мы сможем поддерживать боеспособность корабля в местных условиях? Нам даже профилактику механизмов толком не провести, а насколько они надежны, если вы помните, показал первый же бой.

— Так что же, получается, что все, что мы делаем, напрасно?

— Нет, разумеется, но в глобальном плане недостаточно. Россия все равно потерпит поражение, не сейчас, так позже, и результат окажется тем же самым — против половины мира ей не выстоять. А нам, если вы помните, необходимо обеспечить максимальный отход от исторической линии, то есть глобальные изменения. Как ни цинично это звучит, я

считаю, что нужна мировая война. Сейчас, когда Россия еще сильна, а остальные к войне не готовы. А как вы думаете, что для этого надо?

— Утопить японцев, чтобы спровоцировать англичан?

— Опять двадцать пять... Утопить японцев я хоть сейчас могу. У нас, если вы не забыли, по три снаряда на орудие с особой начинкой лежат, а всему их флоту одного хватит. И еще потом всей Японии лет на двадцать геморрою будет — эти боеприпасы "грязные" до упора, такое чувство, что к нам специально эту гадость сбагрили. Только вот в этом случае мировой войны точно не будет, в открытую воевать никто не рискнет, а вот гадости делать начнут с удвоенным рвением. Нет, нам надо. Чтобы Япония была на грани и колебалась между тем, чтобы воевать и заключить мир, при этом, теоретически, оставаясь достаточно сильной в военном отношении. Вот тогда британцы обязательно вмешаются, не смогут они не вмешаться. Проведут демонстрацию силы, надавят, как в последнюю войну с турками, и добьются своего. Не забудьте, у России в верхах сейчас собралась на редкость неудачная команда, причем сверху донизу. Когда же мы начнем демонстративно, под Андреевским флагом, топить уже их, они или отступят и навсегда потеряют лицо, а с ним вместе и статус мирового лидера, или же, наоборот полезут в драку. Нас устраивают оба варианта, хотя второй предпочтительнее. Поэтому вот что мы сделаем. Конечно, атакуем, но топить будем крейсера. Те четыре броненосных крейсера. В пару броненосцев всадите по несколько снарядов для остротки, но не добивайте. Хотя, впрочем, если затонут от детонации погребов, скажем, то и пес с ними. Главное, чтобы Япония была побита, но некоторое подобие флота при этом сохранила. Всем все ясно? Ну и ладушки. Эй, снайперы вы наши, хе-хе, доморощенные, рассчитайте, где нам лучше всего занять позицию. И по местам, по местам, работаем...

Ну, не объяснять же всем, что он долго обо всем этом думал? Смешно, еще недавно русско-японская война очень мало интересовала Плотникова, и сейчас приходилось в бешеном темпе наверстывать упущенное. И привели размышления к очень неприятным выводам.

Чем, в первую очередь, обернулась война для России? Потерей всего флота? Очень логично, хотя и несколько преувеличено. Не весь флот пошел на дно, совсем не весь, хотя, конечно, значительная его часть. Однако эти корабли буквально через пару лет, сразу же после ввода в строй сколь легендарного, столь и бесполезного "Дредноута", безнадежно устареют морально. В грядущей большой войне толку от них будет чуть, разве что в качестве мониторов использовать. Довольно посредственные мониторы, кстати, получатся, со слабой защитой, большой осадкой и посредственным вооружением. В эскадренном же бою толку от них в любом случае не будет. Возможны, конечно, эпизодические успехи, вроде сражения у мыса Сарыч, когда старые броненосцы слегка побили "Гебен", или когда при Моонзунде "Слава" смогла на какое-то время задержать немецкий флот, но, в любом случае, это были эпизоды. В бою с эскадрой дредноутов нынешние броненосцы обречены, так что с точки зрения утраты материальной части потери в той войне вовсе не были критичны.

Утрата престижа... Это, конечно, уже серьезнее, многие после той войны перестали считаться с Россией. Однако престиж — дело наживное, да и вообще величина несколько эфемерная. Вон, после Крымской войны он тоже упал ниже плинтуса, а потом так же и восстановился. Неприятно, в общем, но не смертельно. К тому же, Россия наверняка рассчитывала впоследствии взять реванш — зря, что ли, строились "Измаил" и его систершипсы? Такими кораблями в два счета можно было помножить японскую торговлю на

ноль — слабого они догоняли и топили бы не напрягаясь, а сильным было их не догнать, да и в бою один на один такие корабли были индивидуально сильнее японских аналогов. Против других противников эти корабли были бы не слишком полезны, а вот для войны с японцами — в самый раз.

Финансы — это да, это конечно, потери тут были серьезными. А с другой стороны, Россия была и без того в долгах, как в шелках, что и позволило затем странам Антанты втянуть ее в Первую Мировую войну. Плотников с удовольствием бы повесил тех финансистов, что были сейчас у руля российской экономики. Пару-тройку... сотен. В общем, все неприятно, но ничего смертельного. А вот революция пятого года и прочие радости — это уже хуже. По сути, на России обкатали то самое идеологическое оружие, которое, впоследствии, убило и империю в семнадцатом году, и приснопамятный СССР в девяносто первом, а военные поражения создали оптимальные условия для его применения. Следовательно, по мнению не очень искушенного в политике офицера, для того, чтобы это предотвратить, нужно было не так и много — создать образ внешнего врага, который хочет украсть результаты уже состоявшейся победы. Англичане для этой цели подходили идеально. Ну а революционеров можно будет и того... по законам военного времени, не привлекая такую пошлость, как адвокаты. Конечно, если будет на то политическая воля. Но если рухнет барьер, и сюда полезут brave парни из его родного мира, то все это будет уже их проблемой. Если же нет — ну, тогда хотя бы России будет дан шанс.

— Не понимаю... Что-то ваши морячки не торопятся, а между тем отклонения идут, и довольно быстро. Чуть медленнее, конечно, чем вначале, но все равно остаются в графике. Как такое может быть?

— Профессор, уж от вас-то я этого не ожидал. Хотя, конечно, ничего удивительного — вы, все же, не политолог. Понимаете, то, что уже сделано, вызывает резонанс и отражается не только на России и Японии, но и на всем мире. Этого вы не учли, хотя ничего удивительного нет — слишком уж многофакторный эффект вызвало наше вмешательство.

— Однако сейчас они, такое впечатление, сопли жуют...

— Не сопли жуют, а наверняка выбирают оптимальную стратегию действий для получения максимального эффекта.

— И теряют темп.

— А вы куда-то торопитесь? Все пока идет по графику, вы сами сказали. И потом, мы никак не можем повлиять на их действия — только наблюдать и готовиться к следующей попытке. Если не удастся здесь, вторая группа пойдет уже с учетом допущенных первой ошибок.

— Надо было эту как следует проинструктировать.

— Да уж, заигрались мы с секретностью... Ладно, ничего страшного.

— Ничего страшного, ничего страшного... Их могли потопить в первом же бою. Я тут показывал кадры кое-кому из морских офицеров, правда, выдавая их за компьютерную игру. Так те в один голос заявляли, что более непрофессиональные действия себе трудно представить.

— Ничего удивительного — полная неожиданность, плюс шок от переноса в другой мир.

— Спасибо, я и сам это понял. Получается, вы подставили мальчишек.

— Зато они сразу въехали в ситуацию и поняли, что это не игры, а реальная жизнь. Да и потом, угробить их не так-то просто, все же учили их на совесть. Вы лучше скажите, кому вы кадры-то показывали?

— Зачищать будете?

— Фу, как грубо... Нет, мы просто установим за ними негласное наблюдение. Вс избегание, так сказать... Стоп! Вы взгляните, что происходит!

— А что тут особенного? Похоже, ребята начали действовать, только и всего. Но эффектно, эффектно, ничего не скажешь.

— Да уж, я вначале решил, что они все же решились...

— Не волнуйтесь, это самый обычный взрыв погребов. Очень красиво, очень. Ну все, процесс пошел, теперь я спокоен.

Порт Артур, 1904 год

Да уж! Там, где появился адмирал Макаров, легкой жизни никому ждать не приходилось. Этот немолодой уже человек, опытный моряк, герой войны, известный ученый и полярный исследователь прямо излучал неумемную энергию, воодушевляя окружающих и, в то же время, требуя от других полной самоотдачи. Это не всем нравилось, но и против сказать никто ничего не смел. Разве что Зиновий Рожественский, старый друг и столь же старый противник во всем, что касалось тактики ведения боя и организации флота. Тем не менее, Рожественский остался на Балтике, собирать эскадру, а Степан Осипович отправился прямо в Порт-Артур, чтобы на месте разобраться в ситуации и, чем черт не шутит, навалить японцам.

А еще у него было секретное задание лично от императора. Тот, конечно, Макарова не жаловал, но при этом хорошо понимал его полезность. Именно поэтому пусть и со скрипом, значительной части идей адмирала, от колпачков на бронебойных снарядах до не имеющего равных в мире ледокола, давали ход. Мало кто знает, но в истории того мира, откуда прибыли Плотников со своим бравым экипажем, построенный по чертежам Макарова ледокол "Ермак" прослужил около полувека, возраст для любого корабля очень серьезный. Правда, наряду с действительно удачными идеями Макаров допускал и не самые безобидные промахи, которые, бывало, выходили боком. Взять те же облегченно-бронебойные снаряды или идея безбронного корабля, частично реализованная впоследствии англичанами в линейных крейсерах и доказавшая свою полную несостоятельность... Однако это — нормальный процесс, особенно когда развитие идет методом проб и ошибок, от которых никто не застрахован.

Так вот, в приватной беседе император даже не приказал — попросил адмирала разобраться с таинственным, кораблем, который, попирая все писаные и неписаные законы, ведет рейдерство на Тихом океане. Не уничтожить, нет, но разобраться, что это за корабль и откуда он взялся, а также узнать, кто им командует и, по возможности, ввести его деятельность в требуемое для Российской империи русло. То, что корабль действовал или, во всяком случае, пытался действовать в российских интересах, сомнений не вызывало, но при этом его лихие эскапады вызывали столько проблем на дипломатическом уровне, что страшно даже представить.

Нет, разумеется, уничтожение одним-единственным кораблем целой эскадры японских крейсеров вызвало по всей стране ликование и патриотический подъем. Дипломаты, естественно, с полным на то основанием утверждали, что к России корабль не имеет никакого отношения, но общественное мнение формируют не скучные бумажки, известные лишь узкому кругу посвященных, а пресса, которая может врать, но которую читают все грамотные люди, потом, в меру собственной фантазии привирая, пересказывая прочитанное неграмотным. А уж пресса старалась вовсю, и из того, что писали газеты, становилось ясно — речь однозначно идет о русском корабле. Разумеется, вера людей в то, что любой русский стоит в бою дюжины азиатов, дорогого стоила, и в свете этого даже революционная агитация приобрела намного меньший размах, чем могло бы быть. Когда страна терпит поражение за поражением, к тем, кто говорит, что в этом виновато правительство, прислушиваются охотно. Когда же видно, что враг может бить только по подлому, из-за угла, а в открытом бою его гоняют пинками, то и агитаторам веры меньше. Нормальная, можно

сказать, жизненная ситуация.

То, что этот же (а кому же еще там быть) корабль перехватил и уничтожил два японских броненосных крейсера и конвоирующий их английский корабль, тоже, в принципе, на пользу делу. Конечно, англичане вначале тщательно скрывали этот факт, но русская разведка тоже не зря ела свой хлеб. Вот только здесь возникали уже некоторые нюансы, которые приходилось решать на более высоком уровне. Ноты протеста от Великобритании, к примеру. Их, разумеется, с полным правом отфутболили, но никого ответ в стиле "знать не знаем, ведать не ведаем", к сожалению, не убедил. Ситуация начала складываться пренеприятная — все же для Европы англичане были "свои", а вот русские вроде как бы и не совсем, и реакция оказалось соответствующей. Последовавшее быстрое охлаждение отношений с Францией и Германией русским тоже было не нужно. А когда в том районе стали пропадать корабли, экипажи которых, те, что добирались до берега, рассказывали страшные истории о том, как их пускали на дно без предупреждения, без досмотра, не дав даже спустить шлюпки, короче, абсолютно по-пиратски, на русских начали смотреть косо все подряд. Теперь надо было как-то исправлять положение, и в список задач адмирала Макарова входила теперь еще и эта. Будто у него других забот нет, в самом-то деле, как искать неуловимый крейсер в океане. Иголку в стогу сена найти и то проще.

В Артуре, к счастью, дела были не так уж и плохи. Точнее, они могли быть и лучше, но могли быть и хуже. Главное, не случилось того, чего опасался Макаров — моряки не впали в ступор после внезапной атаки врага и абсолютно незапланированных потерь, а наместник Алексеев, которого Макаров отнюдь не считал ни светочем военной мысли, ни блестящим администратором, тем не менее, сумел построить своих людей и заставить их действовать, а не сидеть в ожидании того, что все как-нибудь наладится само собой. Во всяком случае, японцы к Порт-Артуру приближаться опасались не только днем, но и ночью, внешний рейд русские миноносцы контролировали уверенно, и работы по поднятию броненосцев, поврежденных во время первой ночной атаки, хоть и без особого рвения, но шли. Более того, "Ретвизан" уже отогнали в гавань, где можно было заняться ремонтом не опасаясь, что какой-нибудь лихой японский миноносец, проскочив сквозь огонь, сумеет всадить в броненосец еще пару мин и отправить на грунт и его, и занимающихся ремонтом рабочих. К сожалению, в док он не помещался, но зато к бесхитростно-прямому борту корабля американской постройки без особых проблем подвели кессон, что позволило наложить на пробойину пластырь и откачать воду из затопленных отсеков. А вот с "Цесаревичем" было сложнее — этот броненосец, построенный во Франции, имел французские же обводы — изящные, но абсолютно непрактичные. В результате вокруг не так уж и серьезно поврежденного броненосца все еще ходили, что называется, кругами, не зная, как к нему подступить.

Приезд Макарова был воспринят по-разному. С воодушевлением — матросами и офицерами, сдержанно — частью адмиралов, с облегчением — наместником Алексеевым. У каждой эмоции при этом были свои, достаточно веские причины. И матросы, и офицеры, особенно те, что помоложе, были свято убеждены: сидение в Артуре кончилось, Осипыч быстро наведет порядок, и япошкам достанется по самое не балуйся. Адмиралы прекрасно понимали, что, во-первых, Макаров готов сыграть роль стимула, той самой палки, которой гнали овец, и им теперь придется вкалывать в разы больше, а во-вторых, спокойно пересидеть в Порт-Артуре заваруху не получится. Да-да, бывают и такие адмиралы. Что же касается Алексеева, то он прекрасно понимал, что один все не потянет, и был доволен

появлению кого-то, на кого можно скинуть хотя бы часть дел.

В общем-то, ожидания всех присутствующих в какой-то мере оправдались. Правда, немедленно флот в море не вышел, но процесс пошел значительно быстрее. Уже к концу первой недели "Цесаревич" присоединился к "Ретвизану", а царящий на эскадре хаос сменился таки чем-то более-менее упорядоченным. Надо сказать, сейчас Макаров мог позволить себе не торопиться — японский флот, и без того не рисковавший входить в зону поражения береговых батарей, теперь и вовсе куда-то делся. Однако отсутствие противника в зоне прямой видимости отнюдь не заставляло лучшего из русских адмиралов расслабляться — он чуть ли не пинками подгонял своих людей, насколько можно ускоряя процесс. Привычка действовать быстро осталась у него еще со времен лихих эскапад на Черном море, когда он на единственном пароходе держал в страхе мощный по тем временам турецкий флот. Минные катера, которые нес корабль "Великий князь Константин" так никого и не утопили, но смогли нанести повреждения нескольким кораблям, включая броненосец, и в результате настолько затерроризировали турок, что те попросту не рисковали выходить из портов.

Вообще, смелость и решительность — это были как раз те качества, которыми Макаров, в отличие от большинства коллег, обладал в полной мере. Дело в том, что достигнув определенных чинов, практически любой военный становится осторожен, по принципу "как бы хуже не было". Это закономерно — ему есть, что терять. Однако Макаров сохранил почти юношеский задор, что и делало его столь опасным противником для любого, кто рискнул бы стать на пути его флота. Другое дело, что при этом он, зачастую, допускал проколы посерьезнее облегченных снарядов. Это, кстати, было неудивительно — да, Макаров храбро и умело воевал в прошлую войну, но как-то забывалось при этом, что эскадру в бой он пока не водил. Впрочем, это было характерно для всех русских адмиралов — Россия давно не воевала всерьез, с равным противником, тем более на море. К тому же Макаров был, наверное, единственным адмиралом того времени, который не окончил Морской корпус, и отсутствие базового образования частенько придавало его действиям налет дилетантизма. С одной стороны, это давало плюс в виде "незашоренного" взгляда и большего полета мысли, с другой — мешало. В мире, где родился Плотников, все это, в совокупности, и стало причиной его гибели — импульсивный адмирал так и не смог наладить нормальную работу штаба, который бы любое его указание выполнял по команде "Бегом!" и занимался бы планированием операций. В результате — выход в море с четырьмя кораблями, поспешное, больше похожее на бегство отступление при появлении главных сил Того, шаблонное маневрирование, ну и, как финал, попадание на непротраченное вовремя минное поле. Но здесь у Макарова было время, чтобы освоиться, неспешно, без лишней торопливости организовать работу, а главное, хорошо и грамотно налаженная оборона подступов к гавани.

А потом случилось то, чего адмирал ожидал меньше всего — запыхавшийся вестовой принес только что полученную радиограмму, в которой была всего одна фраза: "У противника осталось шесть кораблей. Действуйте".

Адмирал Того стоял на мостике своего флагманского броненосца "Микаса" и со смертной тоской наблюдал за тем, как шлюпки все еще обшаривают обломки, пытаясь найти хоть кого-то. Он сам отдал такой приказ, хотя и понимал умом, что все это бесполезно, кто выжил — те уже выбрались на берег, а кто нет... Однако надо было делать хоть что-то — просто сидеть и разглядывать жалкие останки того, что осталось от совсем еще недавно

грозного Императорского флота было выше его сил.

"Адзума" попала под удар первой. Этот крейсер, как и многие другие корабли французской постройки, был не самым удачным приобретением для любого флота. Сейчас это блистательно подтвердилось — корабль обладал слишком слабым бронированием, хотя, разумеется, от тех снарядов, которые обрушились на японский флот, не спасла бы никакая броня. Ну не умели ее здесь пока что производить, и никуда от этого было не деться.

Эффект от попаданий был сокрушительным. Входя под большим углом в палубу, бронебойные снаряды протыкали корабль практически насквозь и рвались у самого днища, внутренними взрывами вырывая из него целые куски. Какие-то пробойны оказывались над уровнем ватерлинии, но большинство оказались куда ниже. В принципе, этого было достаточно, чтобы отправить корабль на дно в рекордные сроки, однако точку в этом поставил один особенно удачливый снаряд, взрыв которого просто-напросто перебил киль "Адзумы". Сразу же после этого броненосный крейсер переломился пополам и стремительно затонул, унеся с собой большую часть экипажа.

Вторым под удар попал легкий крейсер "Акицусима". Если честно, попал по ошибке — в горячке боя и не такое случается. Однако от того, что это была ошибка, тем, кто находился в тот момент на крейсере, легче не стало. Восемь попаданий буквально разметали этот практически небронированный крейсер на куски, и он скрылся под водой не только еще до того, как его команда спустила шлюпки, но и до того, как вообще поняла, что, собственно, происходит. Это, конечно, если к моменту гибели на корабле вообще остался кто-то живой, хотя, разумеется, возможно всякое.

А вот "Якумо", следующая жертва трагедии, как ни удивительно, уцелел. Хотя чему тут удивляться? Немцы всегда строили добротно, можно сказать, на века. Правда то, что корабль остался на плаву, сейчас мало что значило — уже после того, как медленно погружающийся корабль приткнулся к берегу, в корму ему угодил снаряд, и Того, будучи профессионалом, не обольщался — левый винт наверняка оторван, вал перебит, корма, несмотря на усилия помп, медленно, но неуклонно затапливается водой. На фоне этого свернутый в трубочку руль с пером, изогнутым под немыслимым углом, выглядел минимально возможной неприятностью. Повезло еще, что крейсер готовился к выходу в море, и машины его были под парами. Именно поэтому, когда на "Якумо" обрушились русские снаряды, поражая своей мощностью знающих толк в боеприпасах японцев, разрушили ему надстройки и оторвали оба орудия носовой башни, заодно сделав еще и несколько подводных пробоин, командиру корабля удалось сразу же дать ход. Даже выход из строя шести котлов не помешал искалеченному крейсеру доползти до мелководья. Однако, хотя он и не затонул, в нынешнем состоянии "Якумо" был абсолютно бесполезен и перестал существовать, как боевая единица.

Флагман Камимуры, "Идзумо", исчез в одной мгновенной вспышке. Сразу два снаряда проткнули одновременно палубу возле носовой и кормовой башен и поразили погреба главного калибра. Это почти невероятно, но погреба взорвались одновременно. Ну, или почти одновременно, кто будет считать миллисекунды... Над водой выросло грибовидное облако, принятое в первый момент кое-кем, уютно устроившимся невероятно далеко от этих мест, за результат применения спецбоеприпасов. Впрочем, сила взрыва и без того впечатляла. Достаточно сказать, что одна из вырванных им броневых плит долетела до стоящего в двух кабельтовых "Микасы" и, проломив его броню, намертво застряла в надстройке чуть ниже и впереди кормового мостика. Несколько матросов на палубе японского флагмана и еще нескольких кораблей, на свою беду оказавшихся поблизости от

"Идзумо", получили ранения от разлетевшихся во все стороны осколков, а некоторых эти осколки отправили на встречу с предками. Самому Того, как раз в тот момент выбежавшему из каюты, чтобы посмотреть, что творится, тяжелый зазубренный кусок металла ударил в плечо, к счастью, вскользь и, просто вырвав походя клок мяса, с практически неслышимым на фоне всеобщей огненной вакханалии звоном ударился о переборку, сбив краску. На большее, правда, его ярости не хватило, но и этого было немало. Сейчас рука адмирала висела на перевязи и чувствительно ныла при любом неловком движении.

"Идзумо" погиб быстро, со всем экипажем. Разделил судьбу своего флагмана и адмирал Камимура, один из наиболее грамотных флотоводцев Японии. Ну что же, скорее всего, ни он, ни его люди даже не почувствовали боли и не поняли, что произошло — настолько быстро оказался уничтожен корабль.

На фоне этого безобразия броненосный крейсер "Токива" выглядел даже как-то скромно. Просто лег на борт и почти мгновенно перевернулся кверху килем, после чего неторопливо скрылся под водой. Страшно даже представить, что чувствовали его моряки в последние минуты, а может, и часы жизни, оставшись запертыми в отсеках, которые не были залиты водой, где остался воздух... Спасти их не было никакой возможности, да они и сами, скорее всего, прекрасно это понимали. Из экипажа крейсера спаслось меньше десятка человек, которых внезапный артиллерийский налет застал на верхней палубе, и которые успели не только сигануть в воду, но и догадались отплыть подальше от гибнущего корабля.

Как ни странно, жестоко разделившись с крейсерами, русские не стали избивать японские броненосцы, хотя, как полагал Того, они могли перетопить их с той же легкостью. Доказательством правоты его подозрений служил броненосец "Сикисима", один из лучших в мире броненосных кораблей в мире. Был... Сейчас на том месте, где он стоял до того, как русские обратили на него свое "благоклонное" внимание, видны были лишь небольшие водовороты над верхушками мачт.

Разумеется, броненосец оказался крепким орешком — и потому, что, по сравнению с крейсерами, пусть и броненосными, он был не в пример лучше защищен, и потому, что просто был почти в полтора раза больше. Однако два десятка снарядов нанесли ему повреждения очень похожие на те, что перед этим получила "Адзума", разве что до киля ни один из снарядов не достал. Однако и того, что русские снаряды сделали с броненосцем, было вполне достаточно — он стремительно принимал воду через многочисленные подводные пробоины и, несмотря на отчаянные усилия аварийных партий самого корабля и спешно переброшенных групп с находящихся по соседству броненосцев и легких крейсеров, исправить положение было невозможно. К тому моменту обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Это и позволило вначале организовать полноценную спасательную операцию, а когда стало ясно, что толку от нее не будет и броненосец уже не спасти, спокойно и организованно снять с корабля команду. "Сикисима" затонул через полчаса, спокойно, на ровном киле, с развевающимся на мачте флагом. Он уходил, как и положено самураю, бестрепетно принимая свою судьбу, будто говоря: "Я сделал все, что мог, кто может — пусть сделает лучше".

Еще несколько снарядов попали в "Фудзи", но ограничились развороченными надстройками. По "Микасе" они вообще не стреляли, хотя наверняка знали, что это за корабль и насколько он заманчивая цель. Это было странно. А потом очередной снаряд, не дав Того проанализировать ситуацию, ударил в склад боеприпасов, расположенных на берегу, и воспламенил картузы с порохом. Они не взорвались, нет, порох вообще не

взрывается, он просто сгорает, давая огромную температуру, и в результате столб огня поднялся на полмили в небо. Чудо, что не взорвались снаряды, но на сей раз боги хоть в чем-то оказались благосклонны к японцам. Тем не менее, флот сократился до пяти броненосцев и одного броненосного крейсера, имеющие боеприпасов по одному комплекту. Вдобавок, под конец русские ухитрились поджечь угольные склады, а потушить успевший разгореться уголь — задачка не из простых. По всему выходило, что японский флот остался не только без запаса снарядов, но и практически без топлива.

А еще адмирала поразило то, с какой немислимой точностью эти северные варвары ухитрялись поражать его корабли. Разумеется, когда на головы сыплется железный град, это не слишком располагает к подсчету процента попаданий, но Того все же был профессионалом, и мог с уверенностью сказать — промахи были единичные. Всплеск там, всплеск здесь... Несомненно, большая часть русских снарядов нашла свою цель, и Того даже подозревал, что они попадали точно в ту часть корабля, в которую были нацелены. Вряд ли он обрадовался бы, узнав, что имеет честь быть первым военачальником, который испытал на себе действие управляемых снарядов. Устаревшей, правда, серии, практически отлежавшие свои сроки на складах, но, как считали те, кто снаряжал корабль "для тамошних макак и этого хватит", тем более что снарядов этих было в арсеналах флота в избытке. Они оказались правы, хотя неизбежные промахи были, в основном, связаны как раз с тем, что начинка снарядов была уже не первой свежести. До этого "Мурманск" их не применял — снарядов таких было ограниченное количество, и на дистанциях, с которых этот корабль пока что вел бой, проще и дешевле было применять самые обычные боеприпасы, которые были, к тому же, самыми дешевыми и, закономерно, составляли большую часть боекомплекта крейсера. Однако Того даже не догадывался о том, что снаряды могут управляться, и поэтому ему оставалось лишь гадать, каким образом русские тренируют артиллеристов и что у них за прицелы, а заодно завидовать баллистике орудий.

Пришедшие к вечеру миноносцы охраны доставили новые сведения. Вообще, они патрулировали море вчетвером, но, когда в двадцати милях от берега обнаружили чужой корабль и попытались его атаковать, остались всего лишь вдвоем. По словам командиров миноносцев, они даже не успели выйти на дистанцию, с которой могли бы дотянуться до цели — идущих головными русские потопили с трех миль, использовав что-то вроде пулемета. Пулемет, разрубающий миноносец с трех миль — это уже из области человеческих фантазий, однако Того помнил доклады о сражении при Чемульпо. Описания русского оружия совпадали с абсолютной точностью, равно как и описания корабля — большой, с броненосец размером, артиллерия в трех башнях... Или это был тот самый монстр, или его брат-близнец. Последнее было наихудшим вариантом, потому что тогда всякие разговоры о продолжении войны превращались в утопию. Впрочем, адмирала больше волновало сейчас, что делать дальше. Имея всего шесть кораблей линии, выходить против Порт-Артурской эскадры было безумием.

— Ну что, господа, с победой нас!

Кают-компания ответила Плотникову нестройным гулом. Разумеется, это была для них уже не первая победа над японцами, но все же, пожалуй, самая внушительная. Раньше самым результативным в мире считался минный транспорт "Амур", кстати, добившийся внушающих уважение результатов именно в этой войне. Только не здесь, разумеется, а там, дома — сейчас той паршивой ситуацией, которая была в родном мире, и не пахло. Даст Бог,

и не запахнет. Сейчас они переплюнули мастеров тихой войны, а вот их самих кому-то переплюнуть уже вряд ли удастся. Не совсем честно, разумеется, но все, кто был на борту "Мурманска", считал, что честным в войне может быть одно — убить врага до того, как он убьет тебя и доберется до твоих близких. А как уж ты это сделаешь — дело, что называется, десятое.

А пока, отойдя подальше в море, чтобы оградить себя от возможных мелких неприятностей, "Мурманск" лег в дрейф. Экипаж отдыхал и праздновал — такой повод бывает не каждый день, а Плотников начинал уже прикидывать, что ему делать дальше.

Так как переход координирующей группы из родного мира еще не начался, следовательно, барьер еще не разрушен и, несмотря на приложенные усилия, уже сделанного было недостаточно. По всему выходило, что все же придется провоцировать мир на глобальные потрясения. Честно говоря, командир крейсера, вынужденный диверсант с билетом, возможно, в один конец, надеялся, что достаточно будет победы России в этой войне (а ее, как ни крути, можно было считать свершившимся фактом), чтобы обеспечить тот самый исторический разрыв. Получалось, что этого было мало...

Ну что же, корабль, если не считать заплат, украсивших его надстройки еще после первого боя, был в идеальном состоянии. Боекомплект был израсходован менее чем на десять процентов, а значит, наворотить можно было еще многое. Оставалось выбрать цель, по которой следовало наносить удар с тем, чтобы или и впрямь спровоцировать войну, или чтобы заставить всех, включая британцев, немцев, французов и прочих янки сидеть тихонечко, как мыши под веником, и держать ротик на замке. Будучи человеком трезвомыслящим, Плотников хорошо осознавал, что силами одного корабля, даже если он на всю катушку использует ядерные снаряды, второго добиться ему, скорее всего, не удастся. Стало быть, все же провокация...

Вообще, если честно, он предпочел бы не втягивать Россию в большую войну, а сравнить между собой, к примеру, Британию и Францию. Если бы он участвовал в операции не поставленным перед фактом, с момента переброски, а заранее, на стадии планирования, он так бы и поступил. Однако, увы, его корабль успел засветиться еще в Чемульпо, и под кого бы он ни замаскировался, сейчас никто на такую уловку уже не купится. Его крейсер четко ассоциируется с Россией (данные радиоперехвата об этом свидетельствовали однозначно), а стало быть, что бы он не сделал, крайней окажется именно она. При этом характерный силуэт и специфические характеристики не позволят замаскировать корабль достаточно достоверно, чтобы сделать его неузнаваемым — те, кто будет им противостоять, конечно, как лошади три раза необразованные, но ни в коем случае не лохи. Считать иначе было чревато неприятностями, и могло оказаться вредно для здоровья. Наметившиеся противники дураками не могли быть в любом случае — дураки, вот незадача, не выживают в таком гадючнике. Просто за ними нет того опыта поколений, который стоял за спиной Плотникова, и базовое образование на переломе веков, когда в течение жизни одного поколения произошел скачок из эпохи парусов к броненосным монстрам, не могло идти в сравнение с тем, что было у человека, которого готовила ДЕРЖАВА. В чем-то это делало их уязвимее, а в чем-то и опаснее — когда имеешь дело с такими вот полудилетантами, никогда не знаешь, что они выкинут в следующий миг. К тому же, Плотников понимал: да, как офицер он лучше них, но как политики его противники сильнее его в разы. Опыт, что называется, не пропьешь, и потому действовать надо было как можно быстрее, пока не очухались. А то ведь, вдобавок ко всему, их еще и до хрена — и политиков, и военных.

Хорошо еще, что здесь привыкли жить и действовать неторопливо, поэтому человеку, воспитанному в век, когда все процессы шли намного быстрее, было не особенно сложно поддерживать темп, недоступный для большинства местных. Ну и еще несомненным бонусом было то, что он-то про них знал многое — характеристики их кораблей, места дислокации, численность... Черт возьми, он знал, где их всех можно накрыть одним ударом, если очень уж прижмет. Не флоты, конечно, а хотя бы политиков. Лондон и Париж с Берлином не передвинешь, а о ядерном терроризме здесь имели примерно такое же понятие, как неандертальцы о компьютере. Ядерные боеприпасы — это, конечно, крайний случай, но и списывать их со счетов не стоило.

Ну, раз уж Россию нельзя было оставить над схваткой, ее стоило сделать победителем — иного варианта Плотников, военный, а не политик, не видел. В случае успеха — хорошо, в случае провала — тоже неплохо. Во всяком случае, будет, где осесть. Теперь оставалось выбрать того, с кем стоило задираться, а с кем не имело смысла. Ну, Британия — это само собой. Больше вреда, чем они России, наверное, не причинил никто, а если учесть, вдобавок, что теоретики нацизма появились именно в Англии... Соответственно, Англия должна была стать мишенью номер один, и душевного неприятия у Плотникова эта идея не вызывала.

Цель номер два — французы. Катализатором для принятия именно такого решения была для Плотникова личная неприязнь. Так уж получилось, что пришлось ему в свое время, еще до того, как он стал офицером, да что там, совсем еще мальчишкой контактировать с потомками галлов — приезжала в их интернат зачем-то целая европейская делегация, то ли по правам ребенка, то ли еще по чему-то, и французов в ней было, наверное, человек десять. Их неприкрытое хамство он запомнил на всю жизнь. Может быть, кто другой и не обратил бы на это внимания, но когда пацан, начитавшийся Дюма, ожидает увидеть сплошных д'Артаньянов, а видит исключительно быдло — это, извините, травма на всю жизнь. Можно сказать, сейчас он расплачивался с ними за утраченные детские иллюзии, хотя, разумеется, не только за них — на его восприятие наложилась полученная позже информация о том, как французы втянули Россию в большую войну, и как они же давили на Николая Второго, заставляя его устраивать бесполезные наступления и гробить людей, русских людей ради того, чтобы оттянуть силы немцев от Франции. А еще была информация о том, как относились французы к эмигрировавшим во Францию после Гражданской войны русским, как их не считали за людей... И он очень хорошо помнил рассказ выступавшего как-то в училище старика, одного из последних оставшихся в живых ветерана Великой Отечественной войны. Занятные вещи рассказывал отставной подполковник. К примеру, о том, что воевали-то с немцами, а в плен, бывало, попадали эсэсовцы совсем иного происхождения. И бельгийцы, и прибалты (последних вообще было до хрена), и французы... Правда, как рассказывал тот же старик, если немцев (не эсэсовцев, конечно, а пехотинцев, танкистов и прочую серую скотинку) отправляли в лагеря военнопленных, то остальных после допроса отводили в ближайший овражек, где и пристреливали без лишних церемоний, однако дела это не меняло. Так что, можно сказать, Плотников сейчас давал выход накопившимся эмоциям. Да и потом, французы на данном этапе какие-никакие, а союзники России, а значит, могут стать тормозом большой войны, сдерживающим фактором, который придется постоянно учитывать. А зачем, спрашивается, учитывать, если можно его убрать?

Правда, у французов было перед англичанами одно существенное преимущество. Столица Великобритании, Лондон, красивый и уютный город, вовсе не тот мегаполис, в котором приходилось бывать Плотникову... Город, расположенный в приятной близости от

моря, проще говоря, в пределах досягаемости артиллерии крейсера. Один пшик ядерного снаряда — и от него останутся руины. А Париж, к сожалению, не обладает таким достоинством — он далеко, до него не достать... вот только французы об этом не знают.

Третий номер — немцы. Честное слово, даже как-то неловко, ведь конкретно в этот период немцы России если не союзники, то, как минимум, партнеры и уж точно ничего плохого пока России не сделали. Однако их, наверное, все же придется бить, причем подло, исподтишка, и так, чтобы как минимум рассорить с русскими. Почему? Да потому, что иначе ни Англия, ни Франция воевать не рискнут — Германия в два счета впишется за Россию. Не из большой и братской любви, а потому, что вдвоем можно без особых проблем отделать и бриттов, и галлов, наложив потом лапу на их обширные колонии. А то, что у Германии и России вместе окажется сильнейшая в мире армия, ни для кого не секрет. Хотя, с другой стороны, на пару пунктов сбив немцев с позиции сейчас, можно будет избежать многих проблем в будущем...

Поймав себя на мысли о том, что уже строит планы на случай неудачи, Плотников невесело усмехнулся про себя. Не так уж он, если честно, верил, что все у них получится. Ну а если все же получится... Что же, от него после этого уже ничего не будет зависеть. Ни от него, ни от кого другого в этом мире, потому что переселенцы явятся не с пустыми руками. Ну а противостоять танковым армиям, ударным ракетноносцам и реактивным самолетам новых хозяев мира у местных не хватит сил в любом случае.

Итак, по Европе понятно. Три сильные страны, остальные — Австро-Венгрия, Италия, Турция и прочая мелочь для России не противники. Да и то сказать, драться сейчас никто не хочет. А в остальном мире, пожалуй, сколь либо значительную угрозу представляют, после фактически разгрома Японии, только США. Но здесь они еще не в силе — поразительно, но страна, являющаяся, теоретически, мировым лидером там, откуда прибыл Плотников, в начале двадцатого века была всего лишь державой регионального уровня. Схватки с любым сильным государством Европы ей пока что было не выдержать. Набирать обороты США начнут лет через десять-пятнадцать, приподнявшись на военных поставках, а пока что они — так, одни из многих. Ну а остальных, включая нищий Китай, можно и вовсе не принимать в расчет.

Плотников усмехнулся про себя еще раз, теперь почти весело. Интересно, что сказали бы остальные, узнав о наполеоновских планах, глобальных размышлениях и "гениальных" выводах командира? Кстати, пес его знает, что бы сказали — может статься, что и одобрили бы, здесь чистоплюев не было, все были готовы воевать до смерти, желательно, до смерти врага, разумеется. А так как врагом сейчас, фактически, был весь мир, да и здешняя Россия ощущалась "своей" только потому, что в ней жили люди, говорящие на одном языке с экипажем "Мурманска", то и ожидать розовых соплей от молодежи не приходилось.

А вообще, Плотникову было уже даже интересно, как все повернется и чем закончится. Придется ему пойти на экстренные меры и неспортивно топить торговые корабли, а потом бить ядерными снарядами по мирным городам, или все будет проще. Вдруг да Британия, не побоявшись перспективы большой войны, вступится за своего боевого хомячка... Когда-то в молодости Плотников слышал это определение, и оно ему понравилось, да и истине в этот период соответствовало вполне. Итак, вступится или нет? Все же, с одной стороны, вроде бы как должны — британцы, как ни крути, отнюдь не трусы. Да и статус мирового лидера вроде как бы обязывает. А с другой — могут и не захотеть, зрелище наполовину уничтоженного японского флота впечатлит кого угодно. Красиво все же получилось — заняли позицию и

обстреляли японцев издали. Можно было отработать и с ближней дистанции, но тогда не факт, что удалось бы причинить серьезные повреждения броненосцам. Все же броня у них приличная, и восьмидюймовок, которыми можно было легко выводить из строя и пускать на дно броненосные крейсера, против вполне полноценных линейных кораблей могло не хватить. Вернее, теоретически их хватало с избытком, но вот как они поведут себя на практике — вопрос интересный, особенно учитывая, что японские броненосцы были одними из самых защищенных кораблей своего времени. Зато издали летящие по навесной траектории снаряды били броненосцы в слабо защищенные палубы, и эффект был потрясающим. Он ведь потому и приказал утопить один броненосец, чтобы проверить на нем возможности своих орудий. Оказалось — вполне годны для того, чтобы уничтожить любой корабль этого мира, что радует. Правда, был огромный соблазн расстрелять "Микасу", что с большой вероятностью приводило к гибели командующего японским флотом, но у этого был все же огромный минус — непонятно было, кто придет ему на замену. Того, насколько знал Плотников, был умным человеком. Не зря же он сумел в той войне переиграть Макарова, быстро определив его слабые стороны и подловив на них с первой же попытки, а потом был воспитателем будущего императора Японии. Ну а раз не дурак, и человек адекватный, то с ним можно договориться. Умные враги между собой всегда договорятся, но вот если назначат вместо него какого-нибудь неадеквата, славного, в основном, древностью рода, то это станет проблемой. Списка возможных кандидатур Плотников в глаза не видел, об иерархии среди японских военных представление имел самое поверхностное, и рисковать не хотел. Так что на этот раз Того выпало "жизнь", и только будущее могло показать, прав ли был русский офицер, принимая такое спорное решение.

— Да, эффектно получилось.

— Ожидаемый результат. Разве что несколько быстрее, чем мы думали, ну да вы сами сказали, что послали профессионалов.

— Кстати о птичках. Может, объясните мне, как профессионал, принцип работы вашей аппаратуры слежения? Я-то думал, вы что-то вроде камеры на самом крейсере смонтировали да ретранслятор воткнули, а получается, все видно со стороны, и не только корабль...

— Нет, если честно, там вообще никакой следящей аппаратуры нет. Просто своими действиями ваши люди вызывают возмущения в структуре того мира, ослабляя барьер, и делают возможным нечто вроде локального пробоя. Забросить туда, к сожалению, мы пока ничего не можем, а вот наблюдать — запросто, сами видели. Не буду утомлять вас математикой, все равно ничего не поймете, но в общих чертах все так и есть. Только вот цвет почему-то так и не передается...

— Ну и ладно, будем считать, что смотрим документальные кадры... Это что же получается, мы теперь хоть в спальню императора заглянуть можем?

— Экий вы любопытный... Нет, могу вас огорчить, свои сексуальные интересы вы так удовлетворить не можете. Работает аппаратура не дальше сотни километров от корабля — очевидно, с увеличением расстояния возмущения сглаживаются, и барьер частично восстанавливается. И ближе полусотни, примерно, метров окно открыть не получается, не знаю пока, почему. Хотя это, кстати, не особенно и мешает.

— А вы смелый человек — честно признались, что чего-то не знаете. Большинство ученых на такой подвиг неспособны.

— Знаете, сейчас вы повторяете ошибку очень многих, казалось бы, неглупых людей.

— И какую?

— Вы судите обо всех ученых на основании опыта, полученного при общении с конкретными представителями. Поймите меня правильно, я никого не пытаюсь защищать, но есть ученые, а есть болтуны, которые знают о многом понемногу и ни о чем конкретно, зато умеют надуть щеки и внушить окружающим, да и себе самим, если честно, что они — истина в последней инстанции. На самом деле они — не ученые, а так... звезды.

— Ну-у, профессор, я даже не знал, что вы такие слова знаете.

— Дорогой мой, а вам не кажется, что я не всегда был профессором? Вы по молодости, я знаю, по тайге ползали, медь да золото стране искали, а я, к вашему сведению, грузчиком подрабатывал. Аспирантам, знаете ли, платят мало, а кушать почему-то хочется каждый день, и, желательно, хотя бы по два раза. И не говорите, что не знали — в жизни не поверю, что служба безопасности у нас так плохо работает. Так что я знаю очень много слов, интересных и разных. Как и вы, кстати. Да-да, не делайте невинное лицо, слышал недавно, как вы одного хмыря строили, даже я пару новых сочетаний узнал.

— М-дя... Как у нас, оказывается, все запущено.

— Прошу прощения... Если честно, меня они тоже достали, а те, кто потом по ним обо всех подряд судят — еще больше.

— Бывает... А нервишки-то у вас ни к черту.

— Устал. Сами понимаете, не в бирюльки играем.

— Забейте — все равно ничего изменить не можем. Тем более что все пока идет вроде как неплохо. Держите...

— Что это?

— Фляжка. А в ней — коньяк. Настоящий, а не та дрянь, которая продается в магазинах под видом элитного. Рюмки найдете?

— Да, разумеется.

— Смотрю, запасливый вы народ, ученые... Ну что, вздрогнули?

— Давайте... Ух, хорош!

— А то! Дерьма не держим. Ладно, профессор, фляжку потом заберу, а сейчас я побежал — мне еще с нашими "всенародно избранными" общаться.

— Да уж... Хорошо еще, что депутатский корпус останется здесь в полном составе.

— Насчет полного вы, конечно, загнули, но все же большая часть их нам там и впрямь будет не нужна. Да и потом, зачем в Империи депутаты?

— Империя? Вот даже как...

— А что вы хотели, друг мой? Думаете, я из породы идеалистов, которые только и умеют, что лозунги кричать? Нет, я хочу блага для страны, но и о себе забывать не желаю. Двойной стимул, знаете ли.

— Логично...

— Профессор, давайте уж начистоту — вы ведь тоже не ангел, и вас точно так же интересует не только возможность подтвердить и опровергнуть свои теории. Поэтому, уж извините, душевные метания здесь неуместны. Давайте-ка вот что сделайте, оставьте пока что наблюдение, все равно в ближайшие несколько часов там в принципе ничего не произойдет, и отправляйтесь отдохнуть да выспаться. И, кстати, я заметил, одна из ваших девушек, что в лаборатории крутится, на вас так смотрит... И не делайте большие глаза. Может, и не я заметил — как вы сами уже сказали, служба безопасности работает неплохо, но это сейчас непринципиально. Рекомендую воспользоваться моментом и снять стресс, а то так ведь и проблемы со здоровьем можно получить. В общем, отдохните хоть немного...

— Но...

— Считайте это приказом. Лучшие уж вы сейчас отдохнете, чем потом, в действительно важный момент, когда от вас будет многое зависеть, с вами случится инсульт или еще что-нибудь.

— Возможно, вы и правы... Но прежде... Разрешите вопрос?

— Разумеется, профессор, спрашивайте.

— Вы говорите, Империя... Но ведь там уже есть одна такая. Что с ней-то делать будем?

— А ничего. У нас в принципе не будет спорных вопросов, которые нельзя будет разрешить путем переговоров. Территориально, сами понимаете, мы ни на что претендовать не будем, благо земли, годной к заселению, там в избытке...

— Стоп. Как в избытке? Планета уже поделена, и...

— Профессор, да что вы ерунду говорите? Кем поделена? И что они смогут противопоставить нашим танкам? Поселимся, где захотим, а если кто будет против — выслем к чертовой матери. Не та ситуация, чтобы миндальничать.

— Ясно. Жестоко это...

— Ой, ну не заводите вы старую песню, вопросы суровой целесообразности мы с вами

уже обсуждали. Давайте вернемся к нашим баранам. Так вот, с Российской империей мы, я думаю, договоримся. Возможно, поможем им немного. Ну а дальше — видно будет. Смогут мирно сосуществовать две Империи — замечательно, нет — постараемся привести к объединению, но мирным путем.

— Странно...

— Что именно?

— Про мирный путь. Я, знаете ли, всегда считал вас немного милитаристом.

— А так и есть. Просто видите ли, профессор, в чем дело. По нашей стране уже каких только войн не прокатывалось, и мои предки во всех участвовали. Ваши, подозреваю, тоже, но не суть. В общем, в Гражданскую один мой прадед был белым офицером, другой — комиссаром Красной армии. Я подобного допустить больше не хочу, русские не должны воевать с русскими. К тому же, если нация стремится к звездам... А мы ведь все еще к ним стремимся... Короче говоря, в этом случае гражданские войны ставят на всех этих стремлениях жирный крест. Профессор, думайте, что хотите, но я издевательств над Россией больше не допущу. А теперь все, я пошел, и вы идите уже наконец, отдыхайте.

В чем, в чем, а в оперативности британскому флоту отказать было нельзя. Жизнь, что называется, заставила научиться реагировать на любую угрозу быстро и решительно. Вот и сейчас, как только решение было принято, английская эскадра вышла в море незамедлительно. Она была относительно невелика, та же Тихоокеанская эскадра была куда как больше по числу кораблей, да и классом они были повыше — броненосцы, базирующиеся на Вейхавей, нельзя было назвать чудом инженерной мысли. Их даже просто новыми назвать ни у кого бы рука не поднялась, барахло — оно и в Африке барахло. На страже своих дальних рубежей Великобритания держала отнюдь не лучшие свои корабли, оставляя лучшее для защиты метрополии. Это было, надо сказать, оправданным решением. Гонять туземцев и старички могли неплохо, а серьезной войны там ожидать было не с кем, по сути, британские броненосцы всем демонстрировал, что "если что — то сразу". Флот, действующий самым фактом своего существования — вот, что это было.

Сейчас задача тоже сверхсложной не казалась — прийти в район боевых действий и "продемонстрировать флаг", заставив Россию отказаться от добивания японского флота и подписать мир на выгодных для Великобритании условиях. Желания Японии в расчет не принимались, да и не было ни для кого секретом, что азиаты, такие же папуасы, как негры в Африке, не более чем вассалы могущественной Британской империи. Правда, если желания Японии будут совпадать с желаниями Британии — то почему нет? Напрягаться же из-за них специально лишний раз никто не собирался, они уже продемонстрировали свою неспособность вести войну с европейской державой и интереса больше не представляли. Вот ослабить русских — это да, это было нужно, а то что-то в последние десятилетия они начали уж больно независимо себя вести. Пора было показать, кто хозяин в доме. Ну а в том, что русские не рискнут воевать с Британией, никто не сомневался. Не дураки ведь, наверняка помнят, какой им урок был преподан в прошлый раз.

Информация о разгроме японского флота поступила в Британию практически одновременно со сведениями об уничтожении Нагасаки. Хотя между этими двумя событиями была разница в несколько дней, но все же их важность была разной, соответственно, разной оказалась и срочность передачи. В Нагасаки была довольно большая европейская колония, и многие пострадали во время огневого налета русских, кое-кто и вовсе погиб, однако с точки зрения войны или большой политики это была мелочь, если и заслуживающая внимания, то лишь потому, что при желании ее можно было использовать в качестве "казуса Белли". Да и казус при этом какой-то сомнительный выходил — все же русских никто не видел. Во всех остальных смыслах ценность такого рода информации и вовсе была равна нулю. Да и действительно, что можно из этого извлечь, какую выгоду? Что русские имеют корабль (Или корабли? Некоторые эксперты считали, что их может быть несколько), способный быстро перемещаться и обладающий солидной огневой мощью, было известно и без того. Что японские порты не особенно хорошо защищены тоже секретом не являлось, а уж в том, что их города должны отлично гореть, ясно было с самого начала. Разве что этот налет говорил о том, что церемониться русские не собираются, но даже это было ожидаемо. С кем церемониться? С японцами? Это с цивилизованными людьми можно соблюдать видимость джентльменских правил игры. Азиатов же цивилизованными людьми, но и людьми вообще, во всяком случае, полноценными никто не считал изначально.

Разумеется, с военной точки зрения потеря Нагасаки с его судоремонтными мощностями и складами была ощутимым ударом, но на катастрофу походило мало.

Удар же по базе японского флота и уничтожение половины тяжелых кораблей — это серьезно и опасно. Фактически это развязывало руки и Порт-Артурской эскадре, которая даже в неполном составе оказывалась как минимум не слабее японского флота, и, главное, Владивостокскому отряду крейсеров. Сейчас, когда у Японии оставался, один-единственный броненосный крейсер, ей было, по сути, нечем перехватывать русские корабли. Три броненосных крейсера, пускай и несколько устаревшие, не самой удачной конструкции, практически гарантировано делали его не слишком напрягаясь, а попытка усилить эскадру, идущую на перехват, бронепалубниками, могла привести лишь к тому, что погибнут еще и они. Все же русские корабли были предназначены для дальних рейдов, то есть, по идее, были просто обязаны иметь возможность легко топить всех, кто их может догнать. Японские же легкие крейсера, изначально не самые мощные, стали бы для них не более чем мишенями. Правда, в японском флоте имелись еще пара быстроходных броненосцев, которыми, теоретически, тоже можно было перехватить русских. Но ни Того, ни британцы, да и вообще никто не сомневался, что, как только отправит эти броненосцы против русских крейсеров, Макаров тут же выведет свою эскадру. И будет иметь при этом подавляющий перевес в силах — три броненосца, оставшиеся у Того в этом случае, вряд ли можно будет считать адекватным ответом, и остановить русских они вряд ли способны даже при большой удаче. А что русские будут оповещены о разделении эскадр, все были уверены изначально — если они знали даже, где какой корабль стоит, то уж обо всем остальном узнать и вовсе дело техники. Видимо, русская разведка была серьезнее, чем все думали — во всяком случае, именно так англичане интерпретировали их успехи. О существовании такого чуда техники, как БПЛА, они, разумеется, не подозревали. Кстати, и в достоверности сведений о точности русского огня они были не уверены — все же такой процент попаданий никак не вязался со здравым смыслом.

Командующий эскадрой, вице-адмирал сэр Джерард Ноэл, был недоволен. Удивительного в этом, правда, ничего не было — адмирал был недоволен постоянно, во всяком случае, с того момента, как получил назначение в эту дыру. Хотя, с другой стороны, могло быть и хуже, просто в характере адмирала присутствовала изрядная толика здорового карьеризма, нашептывающая ему, что есть места и получше.

А вообще, не нравилось ему это задание. За его спиной было пять броненосцев, шедевром кораблестроения не являющихся. К примеру, тот же "Центурион" нес всего-то десятидюймовые орудия и имел ослабленное бронирование, что в бою с полноценными броненосцами совершенно несерьезно. Конечно, у русских сейчас кораблей не больше, но все же адмирал был здравомыслящим человеком и понимал: на русских давить можно и нужно, только вот палку перегибать с ними опасно — могут встать на дыбы. Если бы у него эскадра была хотя бы вдвое больше, то проблемы бы не было, как таковой, право сильного еще никто не отменял, однако сейчас его эскадра, откровенно говоря, не смотрелась. Как бы не вышло проблем...

К тому же в эскадре были не одни броненосцы. Правда, крейсера — это еще куда ни шло, но загруженные до отказа, тяжело осевшие в воду угольщики тормозили эскадру, и в результате им всем приходилось тащиться к цели на жалких девяти узлах. И ведь не бросишь — достоверно было известно, что у Того сейчас угля на один выход в море, после чего его база, тактически крайне удобно расположенная, становилась бесполезной. А что русские не

дадут японцам подвезти уголь — так это, как они говорят, к бабке не ходи, сил и средств у них для этого в избытке. Вот и приходилось тащить за собой эти гробы, в надежде, что британский флаг и, в большей степени, британские орудия защитят их от хамства русских. Правда, адмиралу достоверно было известно, что недавно русский рейдер уже угробил британский крейсер, но сделано это было так, что не подкопаешься. Сейчас же русским, если они захотят повторить свой дерзкий налет, будет противостоять целая эскадра, а уж она-то разделает любой рейдер под орех прежде, чем тот выйдет на дистанцию залпа... Даже если рейдеров и впрямь несколько — все равно утопят. Только вот при всем при этом адмирала глодала мысль, что все же что-то они упустили, не учли, и это тоже не прибавляло ему настроения.

Адмирал Макаров был человеком быстрым в решениях и, как и почти все миноносники, стремительно и напористо воплощал их в жизнь. Кто-то отделал японский флот? Замечательно! Надо добить, пока не очухались. И вот уже шесть броненосцев стальной змеей выползли из гавани Порт-Артура на просторы Тихого океана. Фактически, на базе сейчас оставался только "Цесаревич", пробоину которого не успели заделать. "Ретвизан", правда, отремонтирован был наспех, но на один поход заплатки должно было хватить, уж это-то инженеры, занимавшиеся его ремонтом, гарантировали.

Начало похода, по правде сказать, было не самым удачным. Крейсер "Диана" наскочил на мину почти сразу после выхода из гавани, и пришлось срочно протралить фарватер. Нашли еще пяток мин — видать, в одну из ночей японские миноносцы все же просочились незамеченными, однако, к счастью, незначительным повреждением одного из самых неудачных крейсеров эскадры дело и ограничилось. "Диана" вернулась в Артур, а эскадра двинулась вперед в чуть усеченном составе.

На этот раз Макаров продемонстрировал, что его не зря считают лучшим флотоводцем России. Во всяком случае, он не стал и пытаться навязать Того генеральное сражение — прекрасно понимал, что японцы его не примут. Невыгодно оно им было, потому что даже если каким-то чудом удастся победить в нем или, что уже ближе к реальности, свести вничью, то Россия все равно в любой момент способна отправить с Балтики еще одну эскадру, и встречать ее будет уже нечем. Макаров это прекрасно понимал и действовал соответственно.

Вот уж с чем, а со снабжением в этом варианте развития истории в Порт-Артуре дело обстояло совсем неплохо. После разгрома у Чемульпо японцы даже не пытались высадить десант, чтобы отрезать крепость от России, и по железной дороге неторопливо, но беспрерывно тек ручеек поставок, включавших в себя, помимо прочего, снаряды всех калибров и мины заграждения. В результате снарядного голода не предвиделось в принципе, а этих самых мин на складах скопилось просто невероятное количество, и, в отличие от генеральной исторической линии, Макаров распорядился ими с умом. Минный транспорт "Амур" был загружен ими под завязку, миноносцы тоже постарались, взяв, сколько могли, и в результате, подойдя в район операции ночью, незамеченными, уже к утру русские сумели буквально завалить минами подходы к японской базе. Шах и мат!

Утром японцы, естественно, обнаружили русскую эскадру, которая, совершенно не скрываясь, дымила в десятке миль от берега. Реакция их была вполне естественной — из порта выскочил крейсер-разведчик. Увы, "Суме" удалось пройти не более полмили. Султан воды, поднявшийся выше мостика и гигантской соленой кляксой обрушившийся на палубу

крейсера, ясно показал, что в море сейчас лучше не соваться. С развороченным взрывом мины носом, крейсер тут же сбросил ход, а потом задним ходом двинулся на базу — его командир не без основания решил, что если он будет двигаться, как положено, то напор воды попросту впрессует переборки внутрь корпуса, и тогда обширные затопления и, скорее всего, гибель корабля станут неизбежны. Сейчас экипаж, не потерявший, кстати, ни одного человека (десяток контуженных не в счет) спешно пыталась подкрепить переборки всем, что было под рукой — нос крейсера изрядно осел, и даже когда он шел задним ходом, они прогибались внутрь, как паруса.

Того оставалось лишь бессильно скрипнуть зубами — ясно было, что русские заперли его флот, и чтобы вырваться из ловушки надо было, как минимум, протралить проход в минном поле. Делать же это под огнем броненосцев было попросту бесполезно — они просто раздавят смельчаков главным калибром. А на то, что они будут беречь снаряды, надеяться было глупо — Макаров не дурак и прекрасно понимает, что для получения результата зачастую стоит пожертвовать малым.

В общем, ситуация практически зеркально повторяла ту, что произошла в начале войны. Японский флот сидел на базе, а русский бодро маневрировал за пределами досягаемости береговых батарей, фактически нейтрализуя противника. А еще в море вышли наконец крейсера Владивостокского отряда, неторопливо топя и захватывая все японские корабли, встречавшиеся им на пути, а заодно досматривая корабли других государств. Если на них оказывалась военная контрабанда — то не обессудьте, господа, добро пожаловать во Владивосток. Или на дно, но это уже реже — сейчас, господствуя на море, русские могли себе позволить отправлять трофеи к себе, не заботясь о том, что их могут перехватить, поэтому топились или слишком малоценные суда, или же те, которые невозможно было довести до Владика, к примеру, из-за нехватки угля. Это можно было считать началом конца, поскольку не такая уж и большая пока что японская армия на континенте сразу же оказалась без снабжения — капитаны грузовых судов и так-то не стремились выходить в море, помня, что русские отнюдь не обязательно досматривают корабли, чаще попросту топя их из орудий вместе с командами. Сейчас же, когда на просторы океана вырвалась целая эскадра крейсеров, опережая их, над волнами мчалась паника! Действия "Мурманска" оказали влияние не нестойкие умы, так что теперь при одном виде русских кораблей английские, американские и прочие "нейтральные" экипажи предпочитали застопорить ход и начать спускать шлюпки. С японскими кораблями было чуть сложнее, но и они проблемы не представляли — русские снаряды легко сбивали ход любому храбрецу. В результате, отрезанная от метрополии, армия мгновенно оказалась на краю пропасти — русским даже не надо было с ней воевать, достаточно заблокировать и потихоньку, в меру возможностей Транссиба, подтягивая подкрепления вытеснять японцев куда-нибудь к морю. Куропаткин, грамотный штабист, сражений не хотел, а может, и побаивался, что и привело в прошлый раз к катастрофе. Однако сейчас ситуация была в корне иной, и это повлияло на решительность командующего и, по совместительству, военного министра. При имеющемся соотношении сил можно было побеждать, что он и пытался в меру способностей делать, не навязывая генерального сражения, а неспешно загоняя японцев к морю. В бесплодных корейских скалах, куда он небезуспешно пытался их оттеснить, у агрессора оставалось бы два пути — сдаться или сдохнуть с голоду. Русских устраивали сейчас оба варианта.

Возможно, Того зубами бы даже не скрипел, а крошил их в порошок, узнай он, что все это — еще не конец. Сейчас он, теоретически, еще имел шансы вырваться из гавани, но

через трое суток Амур, отправившийся под охраной "Аскольда" в Порт-Артур, привез вторую партию мин. Более того, их погрузили и на крейсер — скоростной пятитрубный красавец-рейдер не слишком подходил для перевозки грузов, но мины забивали во все мало-мальски свободные места, и в результате их удалось доставить на удивление много. В следующие несколько ночей русские, отгоняя периодически выскакивающие им наперехват вражеские миноносцы, окончательно заблокировали японскую базу, буквально завалив все подходы минами. Теперь оставалось спокойно ждать, пока японцы сами не поднимут руки. И именно в этот момент в абсолютно вроде бы не касающуюся их схватку влезли англичане.

Макаров бледнел от злости, глядя на то, как британские корабли неторопливо вклиниваются между его флотом и берегом, а их транспорты направляются в бухту. Все! Теперь любой выстрел по японцам прилетит в английский корабль, а это означает войну. Взбешенный адмирал хватанул биноклем об переборку с такой силой, что только осколки брызнули, засыпав мостик слабо поблескивающим крошечком. Великолепная цейсовская оптика была абсолютно не приспособлена к столь грубому обращению...

Англичане рассчитали все — и то, что русские не хотят большой войны, и свое влияние на русского царя, учли они даже, что теперь, совместно с японцами, у них кораблей больше, чем у Макарова. Не учли они всего двух факторов — психологии русского адмирала и минного поля, по которому шли сейчас так непринужденно, что знающие об этом русские тихо охреневали. Впрочем, их извинял простейший факт — не знали они о минах, полезли в своей британской спеси нагло и уверенно, будто никто в мире не мог остановить британский флот. Зря они так думали, и очень скоро морякам пришлось в очередной раз платить за ошибки политиков.

Однако если с минами все было просто, то с психологией расклады не были столь однозначны. Дело в том, что адмирал Макаров, что вполне естественно, не всегда был адмиралом. Начиная свою карьеру, он был известен, как герой войны, то есть храбр был если не до безумия, то, во всяком случае, близко к этому. А главное, победы, одержанные в молодости, подсознательно уверили его в собственной неуязвимости, наложив на характер адмирала толику нездоровой наглости. Проще говоря, он не боялся даже начальства — чего уж тут говорить о враге...

И еще один факт. Макаров помнил, как они победили в войне и как у России, а значит, и у него украли победу. Причем сделали это не силой оружия, а дипломатией, которую Макаров, как и многие военные, втайне презирал. И главную роль во всем этом сыграли как раз англичане... Макаров это все помнил, а сейчас видел, как у него крадут победу вторично!

Для Ноэла то, что русские пошли на сближение, стало неожиданностью, равно как и башни их кораблей — в бинокль ему хорошо видно, что их разворачивают в сторону английской эскадры. Еще одна неожиданность — русских броненосцев было все же шесть, а не пять. Однако он до конца надеялся, что русские просто собираются взять его "на пушку". Возможно, так и было бы — Макаров все же не решил еще до конца, что делать и стоит ли рисковать, однако дальнейшее развитие событий на оставило ему выбора.

Идущий головным "Оушн" нашел-таки свою мину. Этого и следовало ожидать, все же удача не может сопутствовать бесконечно никому, даже англичанам. Эскадра практически миновала минное поле, когда мощный взрыв буквально вытолкнул броненосец из воды. Мина взорвалась под килем, практически оторвав кораблю таран. Этот реликт ушедшей эпохи, все еще считающийся неременным атрибутом любого крупного боевого корабля, был сколь внушителен, столь и бесполезен — в начале двадцатого века артиллерия была уже

достаточно эффективна, чтобы не подпустить врага на дистанцию таранного удара, что неоднократно доказывалось на практике. Сейчас от взрыва нос корабля на миг приподнялся, обнажив на всеобщее обозрение стальной бивень, и тут же опустился обратно. Днище корабля было небронированным, поэтому мина проделала там дыру размером с хорошие ворота, в которую широким потоком хлынула вода. Это был еще не конец, однако взрыв, помимо собственно пробоины, сделал еще англичанам одну гадость — он повредил водонепроницаемые переборки, и теперь вода стремительно растекалась по нутру корабля.

Броненосец стремительно терял остойчивость, и командир крейсера "Аргонавт", вовремя сориентировавшись, ловко подвел свой корабль к борту английского флагмана, чтобы снять команду. Однако главным было даже не это. Гибель корабля — это повод дипломатам написать еще несколько гневных бумаг, и не более. В конце-концов, никто не заставлял англичан маневрировать у входа в блокированный порт, находясь в зоне военных действий. Да, русские не дали японцам предупредить английского командующего о минах, забив эфир искрой с собственных радиостанций, но это уж, извините, к делу не пришьешь. Глушили-то они станции японцев, с которыми находились в состоянии войны, а англичан, опять же, здесь болтаться никто не заставлял. Да и кто сказал, что мина русская? Она ведь могла быть и японской... Словом, много ругани, но серьезных последствий от нее ожидать не приходилось. А вот то, что сделали сами англичане, к ним привело, и незамедлительно.

Английские моряки были, что называется, на взводе. Оно и неудивительно — в том, чтобы не торопясь тащиться под прицелом вражеских крупнокалиберных орудий приятного мало. Естественно, нервы у всех разные, и у кого-то из артиллеристов они не выдержали. В том, чтобы открыть огонь из шестидюймовых орудий, времени много не надо, а дистанция до противника была к тому времени совсем невелика. Одна из шестидюймовок, неизвестно даже, на каком из английских броненосцев, дала выстрел по русским. Остальные артиллеристы, сочтя это, очевидно, сигналом к началу боя, тут же присоединились, и на русских кораблях вспухли огненные фонтаны — стреляли британцы неплохо, особенно в упор. Но и ответ русских не заставил себя долго ждать. Макаров, видя, что его корабли атакованы, медлить не стал. К тому же, грешно было не воспользоваться ситуацией — первый выстрел сделал не он, и с юридической точки зрения получалось, что русская эскадра всего лишь защищается. При этом у него было больше кораблей, а его орудия были уже развернуты в сторону англичан, в то время как у них башни были развернуты по-походному, и так же по-походному были раскрыты переходы между отсеками. В общем, идеальные расклады для атаки, тем более что противник уютно расположился посреди минного поля. Результатом был шквал снарядов всех калибров, которые понеслись в сторону врага, а так как русских комендоров учили стрелять именно с малой дистанции, то сейчас они оказались в своей стихии.

Первым угодил под удар замыкающий британскую колонну "Центурион". Этот корабль, броненосец второго класса и, в некотором роде, прототип русских броненосцев-рейдеров типа "Пересвет", был изначально построен не слишком удачно. Если конкретно, то броневой пояс "Центуриона", принесенный в жертву скорости, оказался слишком слабым, чтобы выдерживать огонь крупнокалиберной артиллерии. К тому же, так как бой шел на малой дистанции, то два фактора, которые в иной реальности были бичом русского флота, на сей раз сыграли на его стороне. Это были откровенно неудачные решения, воплощенные в русских снарядах — их легкость и их же бронебойность, точнее, взрыватели, избыточно тугие и часто попросту не дающие снарядам взрываться. Однако здесь и сейчас эти

недостатки превратились в достоинства, что не замедлило сказаться на ходе боя.

Малый вес снаряда — это огромный минус. На больших дистанциях энергии такого снаряда вполне может не хватить для того, чтобы пробить броню вражеского корабля. Однако когда дистанция сокращается, выясняется, что более легкий снаряд имеет большую скорость, чем тяжелый, а значит, способен идти в цель по относительно пологой траектории, что повышает точность и, за счет все той же скорости, теперь уже он может с легкостью проткнуть броню, которая не по зубам его более тяжелым собратьям. Сейчас был редчайший случай — бой на малых дистанциях, и такие снаряды показали себя во всей красе.

Кроме того, русские снаряды имели тугие, подчас, избыточно тугие взрыватели. Такой снаряд мог отперфорировать вражеский корабль насквозь и взорваться над морем, а то и вообще не взорваться, подобное случалось часто, особенно в крейсерских баталиях. Но сейчас перед русскими были броненосцы, и взрыватели повели себя именно так, как надо, срабатывая после того, как проникали внутрь чужого корабля. К сожалению, взрывались далеко не все, но те из них, что все же срабатывали, крушили английские корабли исправно, намного превосходя при этом начиненные шимозой японские фугасы. "Центурион" испытал все это на собственной шкуре.

Прежде, чем англичане успели развернуть башни и начали отвечать всерьез, "Центурион" получил не меньше десятка попаданий из тяжелых орудий. Это совсем неудивительно — по нему отработали шестнадцать двенадцати- и восемь десятидюймовых стволов, и дистанция была такой, что точность даже этих относительно примитивных орудий была велика. В принципе, попаданий должно было быть намного больше, но русских подвело то, что в реальном линейном бою они участвовали фактически впервые. Как следствие, вместо того, чтобы распределить цели, они начали все работать по ближайшему кораблю, благо их позиция после поворота, сделанного Макаровым еще до начала боя, оказалась классическим кроссингом Т относительно "хвоста" английской колонны. В результате многочисленные всплески от падения своих и чужих снарядов мешали артиллеристам вычленить свои результаты и, определив точную дистанцию, пристреляться, тем более что всплески от двенадцатидюймовок и десятидюймовых орудий на таком расстоянии были фактически неразличимы. Шестидюймовки, которыми, как елка игрушками, был увешан каждый броненосец, тоже внесли свою лепту в это безобразие. Как следствие, "Центурион" оказался буквально скрыт за фонтанами воды, но попаданий при этом было совсем немного. Впрочем, ему хватило и этого.

Корабль получил четыре пробоины ниже ватерлинии, причем одна из них (снаряд там все же разорвался) была из разряда незаделываемых. Впрочем, остальные, хотя и были невелики, тоже внесли свою лепту — бронебойные снаряды проткнули не только борт корабля, но и прошили водонепроницаемые переборки. Теперь команда отчаянно пыталась заделать если не внешние пробоины, то хотя бы повреждения переборок с тем, чтобы не дать воде распространяться дальше.

Было выведено из строя сразу четыре котла, и корабль начал терять ход, извергая из своих недр клубы белого пара и обожженных кочегаров. Улетела за борт вторая труба, и густой, жирный дым начал растекаться по палубе, мешая дышать и целиться. Первая труба, согнутая близким взрывом, не справлялась, тяги не хватало, и скорости кораблю это тоже не добавляло. Теоретически "Центурион" мог давать восемнадцать узлов, снаряды в него стали попадать, когда он шел на девяти, а сейчас она и вовсе упала до несерьезных семи. В общем,

для эскадренного боя корабль был уже малопригоден.

Однако это были еще цветочки. Очередной снаряд попал в кормовую башню, пробил девятидюймовую броню, после чего исполнил свое предназначение, сработав именно так, как надо. Непонятно почему, но после его взрыва не сдетонировал боезапас и даже не загорелись картузы с порохом, иначе корабль, вероятнее всего, просто развалился бы на куски, однако и того, что сотворила штатно взорвавшаяся дура, всящая почти полтонны, башне хватило за глаза. Проще говоря, в ней не осталось ничего живого, все механизмы получили повреждения, и теперь привести башню в порядок можно было только в условиях нормального судоремонтного завода.

Еще несколько снарядов угодили в надводную часть борта и надстройки, разнеся их в клочья. Хотя это было и не слишком опасно, но корабль, разом лишившись мачт и дальномеров, окончательно лишился вместе с ними и остатков боевой ценности. Вся кормовая часть его представляла собой один большой пожар, артиллерия замолчала, частично выбитая, а частично просто лишенная возможности даже видеть противника.

Потом кораблю оторвало левый винт, от чего он начал заваливаться, и попытки исправить положение с помощью руля оказались малоэффективны. Скорость после этого составляла уж вовсе неприличные два узла, и теперь попадания снарядов всех калибров последовали одно за другим. Точку в столь беспрецедентном издевательстве поставил еще один снаряд, пробивший броню на уровне ватерлинии и взорвавшийся сразу за ней. Борт корабля вспучило, несколько стальных листов попросту вырвало, и теперь в обшивке зияла огромная дыра, стремительно заливаемая водой. Несколько секунд корабль еще боролся, а потом начал стремительно оседать на корму, одновременно заваливаясь на левый борт. С его палубы в воду сыпались оставшиеся пока в живых в аду из огня и стали моряки. Это зрелище было встречено громовым "Ура!" на русских кораблях и зловещим молчанием на кораблях английских.

Однако гибель "Центуриона" была отнюдь не концом сражения. Скорее, это было его начало, потому что, как ни парадоксально, гибелью он выполнил свой долг. В то время, как русские всей эскадрой обрушились на слабейший из броненосцев противника, остальные английские корабли использовали подаренное им время максимально эффективно. Все они оказались в позиции необстреливаемых и, хотя и сами не могли вести эффективный огонь из-за мешающего дыма и неудобной позиции, зато их командиры успели разобраться в ситуации и восстановить порядок. Кильватерная колонна из трех броненосцев резко повернула влево, расходясь с русскими на контркурсах, и одновременно набирая ход. Теперь это были не откровенно слабые корабли, а вполне прилично защищенные броненосцы типа "Канопус", вооруженные двенадцатидюймовыми орудиями. Конечно, эти облегченные "Маджестики" уступали своему прототипу, но все же "Центуриона" превосходили на целую голову. Головным сейчас шел "Венженс", за ним "Альбион", и замыкал строй "Глори". Шансы у этих кораблей, надо сказать, были. Развернуть эскадру броненосцев не так-то просто, к тому же у трех кораблей эскадры Макарова поднять ход выше четырнадцати узлов было чем-то сродни эпическому подвигу. Конечно, и англичане вряд ли могли выдать заявленные по паспорту восемнадцать, но все равно запас в пару узлов у них наверняка имелся. К тому же теперь они могли отвечать на огонь русских всем бортом, и это тоже несколько увеличивало их шансы.

Подготовка английских артиллеристов не была блестящей, но хорошей ее можно было назвать, ничуть не приукрашивая. Однако, как и у русских, имелась у них огромная проблема

— они тоже давно всерьез не воевали. В последние десятилетия англичане умело интриговали, мастерски используя свои корабли в качестве инструмента давления, но стараясь при этом не доводить дело до открытых стычек. В результате их боялись, и потому не рисковали связываться. Однако русские рискнули — и тут же выяснилось, что стрелять-то англичане умеют, а вот с распределением целей у них как-то не очень. Тем более в горячке боя. Тем более когда командование эскадрой фактически утрачено. В общем, блестящей их стрельбу было тоже не назвать.

Главной ошибкой англичан было то, что они, как и русские, выбрали в качестве мишеней замыкающие русскую колонну броненосцы типа "Полтава". Отчасти это было оправданным выбором — "Полтава", "Петропавловск" и "Севастополь" были в наиболее удобной позиции для их обстрела, да и сами могли вести огонь максимально эффективно. Однако в перспективе такое решение было абсолютно ошибочным. Дело в том, что эти старые, но притом неплохо бронированные корабли имели сейчас самый малый ход во всей эскадре и потому лишь тормозили ее. Открой англичане огонь по головным кораблям — и у них был бы шанс сбить им ход, послечего, используя свои первоклассные машины, можно было попытаться уйти. Сейчас же они перестреливались с кораблями, которые и без того не догнали бы их, зато могли довольно долго терпеть даже весьма плотный огонь.

Впрочем, на самом деле это ничего не решало. Буквально через пять минут "Венженс" нашел свою мину, еще раз доказав, что ходить по минному полю — не самое разумное занятие. Правда, взрыв был, скорее, эффектен, чем эффективен — "Венженсу" повезло намного больше, чем однотипному "Оушну", который, кстати, осев в воду по самые клюзы, тем не менее упорно держался на плаву. Несмотря на высокий фонтан воды, взлетевший в буквальном смысле слова выше мачт, пробоина была средненькая и большой опасности для корабля не представлявшая. Очевидно, вся ярость взрыва и ушла на то, чтобы организовать незапланированный душ находящимся на палубе матросам. Тем не менее, свое дело мина все же сделала, затормозив идущие на прорыв броненосцы. С пробитым бортом не побегаешь, скорость броненосца резко упала, а между тем русские корабли, не прекращая интенсивно обстреливать противника, неторопливо начали разворачиваться. Разумеется, они потеряли время, но сейчас это уже ничего не решало, и вскоре русская эскадра вновь настигла англичан, парадный ход которых сейчас не превышал десяти узлов. Правда, во время разворота "Севастополь", замыкающий колонну, нахватался снарядов и, получив многочисленные пробоины в трубах, заметно снизившие тягу, начал отставать, но все равно вел интенсивный огонь, да и остальные пять кораблей не отставали.

Англичанам невероятно повезло — они проскочили-таки минное поле, не получив больше повреждений. Вернее, повезло броненосцам, потому что крейсера изначально на это поле не попали, пройдя между ним и берегом. Как только начался бой, их командиры, сообразив, что дела броненосцев плохи и, разобравшись с ними, русские постараются разделаться и с крейсерами, повернули прочь, опасаясь, как бы русские крейсера уже сейчас не пошли на перехват. Снимавший же команду с поврежденного флагмана "Аргонавт" на мины не попал, но это его не спасло — отставший от остальной эскадры "Севастополь", оказавшись на относительно небольшой дистанции от крейсера, обрушил на него всю свою немалую мощь. Позже, когда командира "Севастополя" попытались обвинить в том, что он атаковал корабль, занимавшийся спасательной операцией, тот ответил, что вел огонь по крейсеру, стоящему борт к борту с не собирающимся пока тонуть броненосцем и не мог знать, спасает он кого-то или берет на буксир поврежденный боевой корабль. В конце

концов, русские корабли, бывало, тоже получали повреждения, опасные с точки зрения устойчивости, но при этом продолжали бой, а не эвакуировали команду, и он не мог ожидать, что моряки самого прославленного флота мира окажутся столь малодушны. Возможно, он при этом даже и не врал...

Как бы то ни было, и "Аргонавт", и "Оушн" попали под убийственно точный и плотный огонь русского броненосца. В первые несколько минут корпус "Оушна" защищал прячущийся за ним крейсер, который, приняв народу сколько успел, попытался бежать. Увы, ему это не удалось — после очередного попадания искалеченный броненосец начал быстро садиться носом, после чего затонул так, будто скользнул под воду. Гибель корабля была столь быстрой, что он утащил за собой не менее ста человек команды, включая своего капитана.

"Аргонавт" не успел даже набрать ход — двенадцатидюймовые снаряды настигли его почти сразу же после гибели флагмана. Правда, вреда от них оказалось меньше, чем могло бы быть — взорвались всего два, остальные прошивали крейсер навывлет. Но и этих двух (а также многочисленных шестидюймовых подарков) оказалось достаточно, чтобы неудачно построенный крейсер потерял ход и начал быстро крениться на левый борт. Он еще боролся, команда отчаянно пыталась остановить поступление воды, а орудия часто и, порой, небезрезультатно вели огонь по русскому броненосцу. Только вот все это было уже зря, потому что крейсер с шестидюймовыми орудиями и броненосец — это все-таки совершенно разные корабли.

Минут через десять "Аргонавт" со сбитыми трубами, рухнувшими мачтами и изувеченными надстройками начал ложиться на борт. Десяток подводных пробоин — это уже слишком, такого не выдержит и корабль классом выше. Некоторое время он лежал на борту, но потом вдруг резко перевернулся кверху килем, продемонстрировав всем днище, которое тут же облепили спасающиеся матросы. Это, разумеется, было с их стороны огромной ошибкой, потому что водоворот, который всегда образуется при затоплении корабля, может затянуть в себя человека с той же легкостью, с какой водопад перемалывает случайно попавшие в него мелкие щепки. Однако на сей раз инстинкт, гнавший людей к твердой поверхности, сработал в нужном направлении. Крейсер продержался на плаву почти час, и высланные японцами спасательные лодки и несколько миноносцев смогли снять с него немало народу. Некоторые и сами добрались до берега, воспользовавшись спасательными поясами, кругами или просто держась за обломки. Тем не менее, потери все равно были впечатляющими — на крейсере погибло около восьмисот человек его собственного экипажа и тех, кого спасли с броненосца. Вице-адмирал Ноэл выжил чудом — его, дважды раненого, контуженного и не утонувшего только потому, что кто-то из матросов натянул на него спасательный пояс, подобрал миноносец. Однако все это были уже мелочи, судьба сражения решалась не здесь.

Пока "Севастополь" бодро топил тех, кто не успел сбежать, остальные русские корабли решительно атаковали британцев. Превосходство в два броненосца — это серьезно. Пожалуй, лучшим выходом для англичан было бы оставить тормозящего эскадру поврежденного собрата и спастись по возможности, однако не из того теста слеплены британские моряки. Не зря столетия именно Британия правила на всех океанах, титул "владычицы морей" был ею обретен вполне заслуженно. Англичан можно назвать кем угодно, очень многие сказанные в их адрес уничижительные слова будут правдивы, однако называть британских моряков трусами язык не повернется, наверное, ни у кого.

Вот и сейчас два оставшихся практически неповрежденными корабля (за время боя с

русскими они получили два десятка попаданий из орудий разных калибров на троих, столько же и примерно в той же пропорции получили и русские) отчаянно пытались прикрыть поврежденного товарища. От русских кораблей к английским и, соответственно, от английских к русским полетели снаряды. И сразу же начали выявляться недостатки и тех, и других.

Английские корабли были бронированы лучше, чем "Центурион", только что упокоившийся в этих водах. Но их брони все равно было недостаточно для того, чтобы выдерживать попадания двенадцатидюймовых снарядов. Другое дело, что на той дистанции, с которой сейчас эти снаряды летели, их ударов не выдержал бы и их прототип. Вот только, как тут же выяснилось, не держат они и русские десять дюймов, а у эскадры Макарова из двадцати работающих сейчас по противнику крупнокалиберных стволов таких была сейчас практически половина — восемь штук.

У русских, впрочем, была та же проблема. Нет, "Ретвизан", идущий головным, держался вполне уверенно. Его прочная крупновская броня, конечно, спасала не ото всех английских снарядов, но и причинить ему серьезные повреждения было весьма затруднительно. А вот идущим за ним "Пересвету" и "Победе" доставалось куда больше. Эти корабли шли здесь исключительно за свою скорость, но сейчас выяснилось, что ставить их в один ряд с полноценными броненосцами было несколько опрометчиво. То, что как раз они несли десятидюймовые орудия, и потому огневая мощь этих кораблей не соответствовала их месту в ордере, еще можно было перетерпеть. Однако слабое бронирование сейчас играло против них.

Три корабля — "Пересвет", "Победа", "Ослябя"... Эти корабли строились не как корабли линии, и титул "эскадренный" носили незаслуженно. Все в них — и бронирование, и вооружение было принесено в жертву скорости и дальности плавания. Участие в сражениях для них было не то что необязательным — противопоказанным, основным же назначением этих кораблей было крейсерство на вражеских коммуникациях, перехват и уничтожение торговых и легких военных кораблей. Скорее, эти корабли можно было бы отнести к очень мощным броненосным крейсерам, хотя, по сути, они оказывались между классами — как, например, "карманные линкоры", появившиеся на три десятилетия позже. Однако сейчас им пришлось выступать в несвойственной для себя роли, с которой они явно не справлялись.

Что бывает в бою со слабобронированными кораблями англичане только что испытали на собственной шкуре. Сейчас пришел черед русских — "Пересвет", идущий в кильватер "Ретвизану", получал снаряд за снарядом. Бой шел на относительно небольшой дистанции, всего тридцать кабельтов, которые постепенно сократились до двадцати пяти, и процент попаданий из тяжелых орудий был достаточно высок. Терпел огонь англичан он не более двадцати минут, после чего запросил разрешения покинуть линию для исправления повреждений — практически вся артиллерия среднего калибра с правого борта у него была выбита — часть орудий была уничтожена, часть заклинена, кормовая башня получила несколько попаданий шестидюймовых снарядов. Броня выдержала, но привод был поврежден, и теперь башню приходилось разворачивать вручную, что снизило ее и без того невысокую скорострельность. К тому же практически все, находившиеся в башне, были контужены, а ожидать от человека, у которого из носа и ушей течет кровь, что он сможет полноценно выполнять свои обязанности, сложно. Нет, может, и справится, пока в крови еще гуляет адреналин, но на сколько его хватит — это вопрос интересный.

Однако со всем этим можно было воевать. Даже учитывая, что у корабля осталась фактически только носовая башня, он еще мог наносить врагу урон, однако две подводные пробоины уже заставляли его крениться на правый борт, и увеличение крена грозило погружением в воду надводных пока что пробоин. Следствием были бы неконтролируемые затопления отсеков, что с большой долей вероятности приводило к потере остойчивости с последующим опрокидыванием. Командир "Пересвета" Бойсман был ничем не выдающимся офицером, но все же он был профессионал и понимал, что еще пары, а если особенно не повезет, то и одной подводной пробоины его корабль может и не пережить. Макаров тоже понимал, что просто так отойти не просятся, и дал добро. "Пересвет" покинул линию и, укрывшись за ней, начал по возможности ликвидировать повреждения.

Идущей за ним "Победе" досталось заметно меньше. Произошло это из-за того, что англичане вынуждены были разделить огонь, и если их носовая башня и шестидюймовки работали по легкобронированному рейдеру, то кормовая вынужденно занялась "Петропавловском". Помимо меньшего количества выпущенных по "Победе" снарядов, это значило еще и меньшую точность — артиллерийскому офицеру "Глори" было крайне неудобно руководить огнем. В результате хотя "Победа" и лишилась нескольких орудий, ее надстройки зияли дырами, а на юте бушевал пожар, она пока не получила повреждений, всерьез угрожающих ее существованию. Даже сбитая труба не слишком-то мешала — да, упала тяга, и, соответственно, максимальная скорость, ну и что? Эскадра и так вначале шла на четырнадцати узлах, подстраиваясь под своих тихоходов, а потом и вовсе снизила ход, для этого тяги хватало с избытком.

"Петропавловск", по которому работало всего два орудия, отделался одним попаданием в надстройку, проделавшем в ней страшную по виду, но абсолютно безопасную пробоину. Ничего удивительного — при таких раскладах следовало ожидать лишь единичных попаданий. Сам он при этом вел интенсивный обстрел "Глори", и при этом попадал! Сзади по той же цели били орудия "Полтавы", которая и вовсе была в положении необстреливаемого корабля. Ее артиллеристы развлекались практически в полигонных условиях, как на учебных стрельбах. Ничего удивительного, что и попаданий ей удалось добиться едва ли не больше всех.

Вообще же, русские попали в ситуацию севшего на ежа медведя. Да, у ежика никаких шансов, но и мишка наколется. Сейчас их корабли давили упорно сопротивляющихся англичан, но и сами получали в ответ снаряд за снарядом. Хорошо еще, что не было обычного бича русского флота в базовом варианте войны — гибели адмиралов. Конечно, боевые рубки кораблей получали град осколков, которые исправно улавливались избыточно широкими смотровыми щелями, но Макаров, на сей раз, продемонстрировал, что является и впрямь талантливым флотоводцем, применив нестандартный ход. Вместо того, чтобы разместиться на идущем головным, самом мощном и, соответственно, самом обстреливаемом корабле, он руководил боем с борта броненосного крейсера "Баян", который оставался за линией броненосцев, не обстреливался и потому с него можно было управлять эскадрой без особых проблем.

Вообще, конечно, никогда не страдавший отсутствием мужества адмирал предпочел бы идти во главе линии, но тут сложились два фактора. Во-первых, мысль о руководстве боем с борта быстроходного корабля он вынашивал уже давно, а во-вторых, так уж получилось, что англичане появились в момент, когда он находился на "Баяне", и менять что-либо было уже поздно. Ставить же "Баян" в линию броненосцев означало погубить корабль без особого

эффекта — для такого боя крейсер имел совершенно неадекватные вооружение и бронирование. Две восьмидюймовки практически не влияли на расклады, а самому броненосному крейсеру с его малым водоизмещением хватило бы одного-двух удачных попаданий двенадцатидюймовых "чемоданов", чтобы отправиться если не на дно, то на ремонт, и застрять там надолго. Вот и пришлось руководить боем, находясь в недостижимости для противника, и это, как ни странно, принесло свои плоды. Во всяком случае, управления русская эскадра не теряла ни на минуту. Впрочем, надо сказать, особыми тактическими изысками бой не отличался — русские просто догнали англичан и, уравнивая скорости, принялись обмениваться ударами. Это, в принципе, было и неудивительно — преимущество в скорости у них было невелико, поэтому так любимый Макаровым в теории охват головы вражеской колонны провести было бы затруднительно, а охватывать хвост у самой границы минного поля оказывалось чревато вероятностью на это самое минное поле вылететь.

А вот британцам приходилось совсем несладко. Сейчас первым встал "Альбион", замыкающим — "Глори", а поврежденный "Венженс" расположился между братьями, которые хоть немного прикрывали его от огня русских кораблей. Цели они распределили соответственно — "Альбион" азартно и небезуспешно перестреливался с "Ретвизаном", "Венженс" дрался с "Пересветом", а когда тот отошел, перенес огонь на "Победу". Хуже всего приходилось "Глори", который обстреливал сразу два русских корабля, а получал приветы от трех, но тут уж, что называется, не повезло.

"Альбион" и "Ретвизан" вели бой на равных. Русский корабль был лучше бронирован, но сказываться это стало не сразу. Постепенно, нахватавшись снарядов, английский броненосец стал рыскать на курсе — рулевое управление было повреждено, и руль переключивали вручную. Корабль горел, однако держался довольно стойко, управление не терял, да и "Ретвизан", получив немалые повреждения, постепенно снизил интенсивность обстрела.

Совсем иначе развивалась ситуация у "Венженса". Артиллеристы поврежденного корабля, очевидно, просто со злости развили бешеную скорострельность и, вдобавок, могли похвастаться неплохой точностью. Во всяком случае, "Пересвета" они выбили из строя быстро, при этом сами получив незначительные повреждения. Десятидюймовые орудия все же уступали в эффективности двенадцатидюймовкам своих "старших братьев", да и средний калибр русского броненосца оказался уничтожен с завидной оперативностью, так что в ответ "Венженсу" прилетело всего ничего. Небольшие пожары были оперативно потушены аварийными партиями, а пара выбитых шестидюймовок и дыры в надстройках... Ну что же, неприятно, но не смертельно.

Ситуация несколько переменилась, когда место "Пересвета" заняла "Победа". Конечно, этот корабль тоже был уже поврежден, но артиллерия на нем сохранилась почти вся и, вдобавок, идущий за "Победой" "Петропавловск" тоже начал бить по "Венженсу", кладя на чашу весов свои двенадцатидюймовые аргументы. Сосредоточенный обстрел двух тяжелых кораблей для и без того поврежденного и не слишком хорошо защищенного броненосца — это уже слишком, особенно учитывая, что "Петропавловск" был практически неповрежден. Британский корабль загорелся, на нем одно за другим выходили из строя орудия, и он начал опасно рыскать на курсе. Правда, это случилось не из-за повреждения рулей или машин, а просто из-за того, что боевая рубка и мостик корабля превратились в филиал ада. Носовая часть броненосца была охвачена пламенем — пищи для огня на борту британского корабля нашлось в избытке. В результате густой дым заволок корабль, мешая находящимся в боевой

рубке видеть не только что происходит вокруг, но и куда корабль вообще идет. Да и дышать там было фактически нечем, и все по очереди, не обращая внимания на непрерывно летящие снаряды, выскакивали наружу, чтобы продышаться.

Но хуже всего пришлось "Глори". В начале боя этот корабль вел бой с "Победой", но на нем быстро сообразили, что ничем хорошим это не кончится. "Петропавловск" и "Полтава" засыпали его снарядами совершенно безнаказанно и, чтобы остудить их пыл, командир английского броненосца приказал кормовой башне перенести огонь на "Петропавловск". Особого эффекта это не дало, скорее, наоборот, эффективность огня снизилась, да к тому же отгонять "Полтаву" все равно было нечем.

К тому моменту, как "Пересвет" вынужден был отступить, и русские сомкнули укороченный строй, "Глори" представлял из себя дымящуюся развалину. Из окутывавшего корабль черного облака периодически вырывались ярко-алые языки огня. Корабль перестал слушаться руля, периодически стремясь уйти то вправо, то влево. Управлялся он теперь исключительно с помощью машин, и повезло еще, что руль стоял прямо и не мешал управлению. Большая часть орудий среднего и малого калибров была уничтожена, и только обе башни периодически выплескивали в сторону русских порции огня и стали. Русские, естественно, не оставались в долгу, и продолжали кромсать английский корабль. То, что теперь по нему работала одна "Полтава", ничего уже не меняло — броненосец был обречен.

Развязка была закономерной. Наиболее поврежденный "Глори", как и следовало ожидать, первым начал терять остойчивость, быстро кренясь на левый борт. Его командир, сообразив, что кораблю осталось жить считанные минуты, приказал начинать стравливать пар из котлов, чтобы избежать взрыва, и спускать шлюпки для эвакуации экипажа. К сожалению, шлюпок на броненосце уже не осталось — все, что не сгорело, было посечено осколками до полной потери функциональности. Пришлось, используя в качестве подручного материала обломки мебели, выломанные из палубного настила доски и вообще все, что подвернется под руку, вязать подобие плотов. Делать все это надо было под не прекращающимся ни на миг огнем русских, что резко увеличило потери среди матросов, зато, когда броненосец начал быстро оседать, одновременно кренясь, уцелевшим было на чем спастись. Орудия вели огонь до последнего, сумев всадить еще несколько снарядов в русский броненосец, но потом крен стал таков, что стрелять они могли только в воду, и артиллеристы спешно выбрались наверх, чтобы присоединиться к своим товарищам.

Увидев, что британцы прекратили огонь, их корабль быстро кренится, а моряки пытаются спастись, "Полтава" перенесла огонь на отчаянно сопротивляющийся "Венженс", и это спасло жизни многим английским морякам с "Глори". Во всяком случае, когда их корабль лег на борт и быстро затонул, большинство из них уже успели убраться от него на безопасное расстояние, да и взрыва котлов тоже не последовало.

Пока "Глори" покидал театр военных действий, следуя наикратчайшим курсом к ближайшей земле, его товарищи продолжали драться. "Альбион" по-прежнему с переменным успехом боксировал с "Ретвизаном", но это уже ничего не значило, потому что по "Венженсу" работали уже три русских броненосца. "Пересвет" все еще возился с пробоинами, а сзади, отчаянно дымя, к месту боя торопился "Севастополь", но было ясно — ни тот, ни другой к месту побоища не успевают. На "Венженсе" замолчала кормовая башня главного калибра, потом снаряд, разорвавшись в бортовом каземате, вызвал цепь детонаций. Казематы были отделены друг от друга, но взрывы были такой силы, что ударная волна, выбивая переборки, не только поставила жирный крест на всей артиллерии левого борта, но

и вырвала кусок этого самого борта. Пробойна получилась огромная и, хотя она и не угрожала плавучести, находясь слишком высоко над ватерлинией, но стрелять "Венженсу" моментально стало нечем. Еще ухала некоторое время носовая башня, но потом десятидюймовый снаряд, врезавшись в нее, прервал нехорошую тенденцию к разбазариванию снарядов. Пробить он броню не смог, но башню заклинило. Конечно, можно было бы попытаться привести ее в чувство, но вот вылезать из под брони, когда в корабль каждую минуту попадают два-три снаряда... В общем, заниматься этим неблагодарным делом, вдобавок, без малейшей гарантии успеха, было слишком рискованно. Словом, через пятнадцать минут после гибели "Глори" "Венженс" по независящим от него причинам прекратил огонь.

Теперь пришел черед кавалерии. Из-за строя русских броненосцев, распарывая невысокие волны, стремительно, как выхваченные из ножен самурайские мечи, вырвались находившиеся там с начала боя в резерве миноносцы. До сих пор дела для них не находилось, но сейчас, когда английский броненосец уже не мог защищаться, пришел и их черед. Одним из назначений миноносцев является добивание поврежденных кораблей противника, и сейчас четыре русских корабля готовились выполнить то, ради чего, собственно, их и построили.

Дневная атака броненосца, сохранившего хотя бы часть артиллерии среднего калибра, была бы для этих стремительных, быстроходных, но практически незащищенных хищников одним из способов самоубийства, но сейчас им никто не пытался помешать. На "Венженсе" не осталось ни из чего стрелять, ни кому управлять кораблем, он даже не пытался уклоняться и в результате из четырех выпущенных торпед в цель попали две. Очень хороший процент попаданий, особенно учитывая достаточно посредственные характеристики русских пятнадцатидюймовых торпед. Противоторпедная защита на "Канопусах" отсутствовала, поэтому взрывы проломили ему борт на обширном пространстве. Корабль начал быстро крениться, хотя, возможно, у него и были еще шансы остаться на плаву. Увы, в такой ситуации надводные пробоины одна за другой превращались в подводные, поток воды усиливался, и в конце концов произошло то, чего и следовало ожидать. Броненосец потерял остойчивость, лег на борт и начал быстро тонуть. С палубы в воду посыпались моряки, в машинном отделении срывались с фундаментов, а вскоре начали взрываться котлы. Но воде "Венженс" продержался не более десяти минут, после чего затонул с большей частью экипажа.

Наступал черед "Альбиона". Его командир, оставшись один против четверых, понимал, что корабль обречен, русская эскадра просто раздавит его, как перед этим по очереди раздавила остальных. Сейчас надо было уходить — никто ни словом не смог бы обвинить его в том, что он бросил товарищей и не выполнил свой долг, вот только уходить было уже поздно. "Альбион" не имел пока подводных пробоин, но развороченные трубы и покореженные вентиляторы тоже не способствуют скорости. Противникам его тоже досталось, вряд ли хоть один из русских кораблей мог бы развить сейчас ход больше двенадцати-тринадцати узлов, но беда была в том, что и "Альбион" не мог дать больше. В результате дальше встреча продолжалась в формате один к четырем, и британский корабль засыпало снарядами.

Правда, командир "Альбиона" был не дурак и, прекрасно понимая, что уже не успеет ничего изменить, постарался хотя бы подороже продать свою жизнь. Характеристики русских кораблей не были для него секретом, и, видя, что уже ни при каких раскладах не

успевает нанести серьезного вреда "Ретвизану", который терпел его огонь с начала боя и, несомненно, потерпит еще пять минут (на большее рассчитывать не приходилось — русские броненосцы раздавят его очень быстро), он приказал перенести весь огонь на "Победу". Здесь был шанс нанести русскому кораблю серьезные повреждения и, при удаче, влить в этого слабобронированного монстра "золотой" снаряд. Первое ему удалось, второе — нет. Тем не менее, четыре двенадцатидюймовых и десятков шестидюймовых снарядов "Победа" словила, и выкатилась из строя, даже не спрашивая разрешения у Макарова — носовая башня была выведена из строя, имелось две подводные пробоины, а командир корабля и все, кто был с ним в боевой рубке, погибли. Сноп осколков, отраженных грибовидной крышей точно в смотровую щель, превратил их всех в мелконамолотый фарш. Английские моряки стреляли так быстро, как наверное никогда в жизни, однако это уже не могло им помочь.

На каждый английский снаряд в ответ прилетало три-четыре русских. Могло быть и больше, но, несмотря на довольно малую дистанцию, русским артиллеристам мешали, сбивая прицел, всплески от выстрелов орудий других кораблей. Однако статистика все равно была на их стороне, и огонь англичан быстро ослабевал. Замолчала носовая башня, насквозь прошитая неразорвавшимся двенадцатидюймовым снарядом — привод ее был заклинен намертво. У кормовой башни начисто, как будто бритвой срезало, оторвало ствол левого орудия, и теперь она работала вполсилы. Из казематов гулко ухала последняя шестидюймовка. Словом, корабль практически потерял боеспособность, однако подводных пробоин не было, тонуть он не собирался его командир пока что и не думал сдаваться.

Его маневра русские не ожидали, поэтому не успели отреагировать. Положив руль вправо до упора, и дав полный вперед левой машиной, одновременно снижая обороты правой, "Альбион" круто развернулся на сто восемьдесят градусов, одновременно разрывая дистанцию, сбивая русским наводку и вводя в действие шестидюймовки своего правого, до сих пор не стрелявшего борта. Разумеется, развернуть броненосец дело не трех секунд, это корыто тяжелое и неповоротливое, и Макаров успел вовремя отреагировать, но в том-то и фокус, что один-единственный корабль по маневренности всегда превосходит эскадру. План британского офицера был прост — пока русские разворачиваются, пройти на контркурсах, пускай даже и получая поочередно удары со всех их броненосцев, и прорваться к японской базе. Шанс у него был... Вот только отставший "Севастополь", спешивший к месту боя и скрытый густыми клубами дыма он не то чтобы не заметил, а просто не смог верно оценить его скорость. В результате, когда он уже почти прорвался, на его пути встал вынырнувший из дыма, как чертик из табакерки, русский броненосец, встретивший его сокрушительным продольным огнем. В считанные минуты "Альбион" получил столько снарядов, сколько, наверное, в него попало с начала боя, не имея даже возможности ответить. Командир броненосца еще попытался пойти на таран, но это было бесполезно — даже со своими неважными машинами "Севастополь" без усилий уклонился от быстро теряющей ход и на глазах уходящей под воду развалины. Непобежденный, с развевающимся флагом, прибитым по приказу командира к мачте, "Альбион" ушел в вечность, оставив на воде лишь гигантское масляное пятно да головы спасающихся вплавь моряков.

После этого боя море напоминало суп с клецками — так много людей оказалось в воде. Спасением тех, кто попал в воду с "Глори" и "Венженса" уже занимались крейсера и миноносцы, а для того, чтобы принять моряков с "Альбиона", остановился и занялся спасательной операцией тяжело поврежденный "Пересвет". "Победа" лежала в дрейфе чуть в стороне, ее моряки сноровисто наводили пластырь на пробоины. Английские крейсера, все,

кроме потопленного "Аргонавта", предпочли сделать ноги, не ввязываясь в общую свалку. Их не преследовали, если не считать безрезультатного обмена залпами с "Аскольдом", но это было несерьезно — на той дистанции, с которой велся огонь, попасть мог рассчитывать только очень большой оптимист. Японцы спасали тех, кто оказался в воде после гибели "Аргонавта" и "Оушна". Словом, бой фактически закончился, хотя потери британцев погибшими броненосцами не ограничились. Их транспортные корабли, которые направились было в японский порт, с размаху вылетели на мины — это в стороне минные поля были хотя и обширными, но достаточно разреженными, а вот у входа в гавань их сыпали не скупясь. В результате один из транспортов взрывом переломило пополам, а другому проделало в борту пробоину такой величины, что он перевернулся раньше, чем команда успела принять меры к собственному спасению. Остальные сгрудились в беспорядочную кучу, и в результате дождались таки появления русских броненосцев. Те, не входя в зону действия береговых батарей, обрушили на них шквал крупнокалиберных снарядов и пустили на дно все, за исключением двух, которые отстали от первой группы и, в результате, легли в дрейф довольно далеко. Их капитаны, возможно, и попытались бы уйти, но русские миноносцы, лихо подкатив к ним, потребовали идти к русской эскадре, угрожая в противном случае утопить на месте. После того, как русские уничтожили эскадру броненосцев и видя, как они расстреливают тех, кто находился вблизи ко входу в бухту, ни у кого не возникло сомнений, что угроза будет приведена в исполнение. В результате два груженных первоклассным кардифом угольщика отправились в Порт-Артур.

Однако, как ни парадоксально, проиграв сражение, англичане все же выполнили поставленную перед ними задачу. Сейчас у Макарова не было ни одного неповрежденного корабля и, вдобавок, два из них с трудом держались на воде. Один шторм — и не факт, что удастся дотащить их до Порт-Артура. Боекомплект был наполовину расстрелян. Словом, с такими силами остановить японцев, если они сумеют протралить минные позиции, было нереально. В том же, что рано или поздно протралят, было ясно. Японцы — народ упорный.

Макарову пришлось, оставив здесь наиболее мощные и быстроходные крейсера "Баян" и "Аскольд", и добавив к ним скоростной "Новик", отходить к своей базе. Его эскадре предстоял длительный ремонт, и теперь пусть не все, но многое приходилось начинать сначала.

Китайцы считаются древним народом. Некоторые считают их самым древним народом на Земле. Во всяком случае, сами они именно так говорят, причем настолько убедительно и настойчиво, что кое-кто им даже верит. Самое смешное при этом, что убедительных доказательств своей древности китайцы не приводят — так, записи с записей историй, которые кто-то когда-то кому-то рассказал без привязки к конкретному времени и месту. И первоисточников, что интересно, не предъявляют — может быть, из-за отсутствия таковых в природе?

Впрочем, этим грешат не только китайцы. Наверное, это вообще свойственно людям — женщинам убавлять себе возраст, а народам — прибавлять. Достаточно вспомнить, к примеру, что история России написана на основе "Повести временных лет", которая датируется на столетия позже описанных в ней событий. Тоже, кстати, первоисточников нет... У других народов ситуация также ясностью похвастаться не может, поэтому вопрос о древности корней остается открытым. И споры обо всем этом, равно как и вера в свою природную исключительность, приводят, порой, к неприятным результатам, причем для

всех. Достаточно вспомнить Германию, которая за неполные тридцать лет развязала две мировые войны, будучи при этом, кстати, страной молодой. Германский народ сформировался, как единое целое, в середине девятнадцатого века, но в свою древность немцы верили... Непонятно, правда, почему — наверное, из-за комплекса неполноценности.

И ведь все это только глобальные примеры, в мелочах же несуразностей и несоответствий вообще масса. Легенда о благородном грабителе и убийце Робин Гуде, к примеру, который грабил, помимо прочего, и дома тех, кто в это время на фронте защищал свою страну. Или очень похожее представление о Стеньке Разине — по сути, обычном оборзевшем до безобразия бандите. А еще есть многочисленные книги и фильмы о благородных пиратах, которыми так зачитывается и засматривается молодежь. Возможно, и были в действительности галантные морские разбойники, только в книгах почему-то забывают написать о том, что такой вот галантный джентльмен мог запросто прибить кишки пленного к дереву, после чего, тыкая его факелом под зад, заставить вокруг этого дерева бегать. Такие в те времена были методы допроса, совмещенные с развлечением. В свете этого история представляется не наукой, а нагромождением фактов, слухов, легенд и их вольной интерпретации потомками, причем все это свалено в одну большую кучу и тщательно перемешано.

На фоне всего этого китайцы выглядят самым обычным народом, и выделяются разве что тем, что плодятся со скоростью, узнав о которой кролики повесились бы от зависти. Однако вот чего у них не отнять, так это витиеватого языка, сложного и многогранного, на котором красиво звучат даже многочисленные проклятия. Вот в них китайцы точно знают толк, и самое известное из них гласит: "Чтоб тебе жить в эпоху перемен!". Надо сказать, доля истины в этом есть — именно в тот момент, когда происходят глобальные перемены и все летит кувырком, человеку приходится прикладывать все силы, знания, опыт, волю, вообще все для того порой, чтобы просто остаться в живых. Кто не справится — тот может и исчезнуть навсегда из этого мира, примеров в избытке.

Николаю Второму не повезло — как раз ему эта интересная эпоха и выпала. Самое интересное, что вначале те, кто его свалил, очень долго и старательно поливали последнего императора грязью, с упорством, достойным лучшего применения, доказывая всем, что тот был мерзавцем. Потом те, кто пришел им на смену, с не меньшим упорством доказывали, что он был замечательным человеком, погибшим исключительно в силу своей доброты. Церковь его даже к лику святых причислила, хотя, если честно, непонятно, что же он такого сделал — страну до ручки довел, что ли? Тем не менее, истина, как обычно и бывает, лежала где-то посередине. Император не был исчадием ада, не был он и святым. По сути, это был самый обычный человек, со всеми присущими человеку достоинствами и недостатками, не более. Но и не менее, ибо "человек — это звучит гордо".

Что интересно, он вполне подходил для своей должности, если бы жил лет на сто или хотя бы на пятьдесят раньше. Жизнь тогда еще текла неспешно, никаких особых революционных скачков не наблюдалось, и Россия была относительно спокойной, патриархальной страной с прочными традициями и не особенно образованным населением. В тот момент царь, неспешно продвигающий не слишком серьезные реформы, незлой, в общем-то, человек и примерный семьянин, устраивал бы большинство и, вполне возможно, дожил бы до глубокой старости, передав своим многочисленным потомкам не самую передовую, но крепкую страну. Однако ему "посчастливилось" оказаться у руля в момент, когда наука и техника, а с ними и возможности отдельных групп людей, совершили

колоссальный скачок, обогнав при этом развитие сознания. Результат оказался закономерным — опьяненное все быстрее растущим могуществом, человечество радостно влезло в войны и революции, мало задумываясь о последствиях, и Россия, а с ней и ее император, пострадали от этого больше всего.

В такой период нужен жесткий до жестокости реформатор. Такой, как Петр Первый или Сталин — те, кто не боятся поставить цель и идти к ней, невзирая ни на что. Рубить головы, если понадобится, но идти и тащить за собой всю страну. Конечно, это страшный вариант, но другого просто нет. Николай же кризисным менеджером не был, что его, в конечном итоге, и сгубило. К тому же подвел русский менталитет — советники, которых он приблизил, кто заслуженно, а кто и нет, очень скоро начинали считать себя умнее царя. Те, кто похитрее, помалкивали, остальных же прямо распирало продемонстрировать окружающим собственную значимость. Результат был закономерен — ни один руководитель, имеющий хоть каплю самолюбия, не потерпит такого к себе отношения. Как следствие, правительство постоянно перетряхивалось, что вызывало разброд и шатания, тоже не способствующие нормальной работе. Все это мотало огромную страну, как лодку на волнах, и в результате когда пришло время бороться за само ее существование не нашлось никого, кто сумел бы остановить надвигающийся распад.

А тут еще неудачная женитьба... Николай Второй был любящим мужем, да и жена его, насколько можно судить, тоже была не стервой-шлюхой. В других обстоятельствах это была бы счастливая пара, но, к сожалению, политик (а император поневоле становится и политиком) не может ставить во главу угла только и исключительно семью. А Николай ставил, при этом исподволь, незаметно для себя, попадая под влияние родни жены, то есть европейцев вообще и англичан в частности. Ну и еще, наследник престола, родившийся по вине матери с неизлечимой болезнью, тоже не добавлял ему душевного равновесия. Вот и начались метания вкупе с нерешительностью, которые и привели во многом к последующим мелким, но неприятным проблемам вроде трех революций и гражданской войны.

Правда, все это было в генеральной исторической линии, а здесь и сейчас представлялось будущим, для стороннего наблюдателя весьма вероятным, но не более. Россия еще крепко стояла на ногах, побеждала в войне, и никто не мог предвидеть медленно, но неуклонно и безжалостно надвигающейся катастрофы. И сын у последнего русского императора еще не родился, так что нервишки у всех были пока что здоровыми. Вот только сейчас перед императором стояла проблема, и ее надо было срочно решать — голову в песок засовывать было чревато.

Проблема была вполне предсказуема — события на Дальнем Востоке, если конкретно, то сражение, спонтанно разыгравшееся между русской и английской эскадрами и закончившееся жестоким поражением Великобритании. Правда, результат был ясен изначально — русская эскадра имела больше кораблей, они были лучше бронированы и как минимум не хуже вооружены. Кроме того, как точно было известно императору, бой начали именно англичане. Еще вчера у него побывал Рождественский, которому Макаров с курьером отправил полную информацию о происшедшем. Рождественскому Николай верил, да и прекрасно знал он, что адмиралы — соперники, но соперники честные. Выгораживать друг друга вряд ли станут, но и топить не будут, так что виновных в ситуации искать не приходилось — для императора все было ясно и без этого. Другое дело, что такую плюху Великобритания терпеть не желала и требовала теперь не только наказания русских офицеров, но и выдачи им командующего эскадрой. Вот это было уже лишнее, погрозить

офицерам пальцем — это одно, а сдать вконец потерявшим чувство реальности островитянам знаменитого адмирала, героя двух войн — совсем другое. Николай был не дурак и понимал, что сидит он на престоле опираясь, в первую очередь, на армию, а армия его действия не одобрит. В открытую, может, и не выступят, но, случись что, и не спасут. Да и жена, всегда имевшая на него большое влияние, была в последнее время занята будущим ребенком, и это весьма способствовало активизации у оставшегося без постоянной опеки Николая самостоятельного мышления. К тому же у императора была и своя гордость, поэтому, во многом уступая до того, он просто не хотел уступать сейчас. Британцы, похоже, не поняли, что наступил такой момент, когда натянутая тетива русского лука достигла своей крайней точки. Дальше она или порвется, или же лук выстрелит. Мягко и аккуратно подталкивая, можно было бы еще что-то требовать с русских, но они дернули слишком резко. И тетива выдержала!

Император медленно порвал бумагу, переданную ему английским послом, и бросил клочки ему в побледневшее от осознания приближающейся катастрофы лицо. Потом он встал, всем своим невеликим ростом нависая над англичанином, и негромко сказал:

— Передайте своим хозяевам: если они хотят войны — они ее получают.

Несколько часов спустя, когда гнев ушел и наступило отрезвление, Николай сам ужаснулся тому, что сделал. Однако это была та самая ситуация, когда отступить было уже поздно — слишком многие видели, что произошло. Более того, почти все они одобрили поведение императора, разом набравшего среди дворцовых "ястребов" огромное количество очков. Сдавать назад в подобной ситуации означало потерять лицо как в глазах правителей иных государств, так и в глазах своих же сограждан. Чем это кончается, Николай Второй знал очень хорошо — бомба, железнодорожная катастрофа или по-простому апоплексический удар табакеркой. Вариантов масса, но все они, в конечном итоге, сводились к тому, что назад сдавать нельзя. Оставалось только постараться сгладить углы, не предавать до поры инцидент широкой огласке и надеяться, что на этот раз пронесет...

Тем не менее, император дураком все же не был, и хорошо понимал одну простую вещь: чем ты сильнее — тем больше шансов, что беда пройдет стороной. Именно поэтому Черноморскому флоту был отдан приказ о приведении в боевую готовность, а эскадра Рожественского активизировала подготовку к выходу в море. Единственно, изменились ее цели — император (и в Адмиралтействе с ним согласились) не видел теперь нужды гнать корабли на Тихий океан. Макаров справляется — ну и пускай справляется дальше, а балтийские броненосцы пускай остаются на месте, дамокловым мечом нависая над растянутыми до безобразия британскими коммуникациями. К сожалению, отряд Вирениуса уже вернулся, иначе он мог бы угрожать британскому судоходству, к примеру, в Индийском океане, но тут уж ничего поделать было нельзя. Сейчас броненосцу спешно устраивали профилактику механизмов и занимались ремонтом многочисленных "болячек", выявившихся в дальнем походе. Кроме того, был отдан приказ об ускоренной мобилизации... Военная машина Российской империи медленно, но неуклонно набирала обороты.

Настоящий джентльмен всегда назовет кошку кошкой. Даже если наступит на нее в темной комнате. Даже если она его при этом оцарапает.

А еще настоящий джентльмен никогда не назовет идиота идиотом — придумает что-нибудь более витиеватое, оскорбительное, но притом такое, чтобы обиженный им человек никогда не мог придаться к словам. Но это, разумеется, на публике, а вот наедине с самим

собой...

Лорд мерил шагами комнату из угла в угол и обратно, и считал эти несчастные шаги, будь они неладны, стараясь хоть немного успокоиться. Будь рядом хоть кто-то — он бы, разумеется, сидел, ни малейшим движением бровей не выдавая своего неудовольствия, но сейчас никого рядом не было, даже дворецкого он отпустил. Хотелось побыть одному и хоть немного сбросить пар, потому что иначе можно и взорваться, как перегретый котел. И ведь было, от чего психовать — вся работа пошла насмарку из-за одного-единственного идиота! Теперь требовалось найти способ сгладить ситуацию, вот только лечить болячку куда труднее, чем предотвратить ее появление. А ведь будет еще и противодействие со стороны тех, кто думает так же, как и виновник всего происшедшего, и игнорировать их мнение не получится.

Но боже мой, как можно настолько примитивно мыслить? Неужели им так ударила в голову память о прошлых победах, что они решили, будто об русских можно запросто вытирать ноги? Тем более сейчас, когда Лондон, как никогда ранее, заинтересован в союзе с Петербургом! Ведь ни для кого не секрет, что совсем недалеко набирает силы Германия, страна, опоздавшая к разделу мира, но очень желающая получить свой кусок. Пусть и абсолютно незаслуженный кусок. Ведь все страны, имеющие или имевшие серьезные колонии, заплатили за них кровью! Испания — когда боролась с индейцами, разгромив древние империи, имевшие не такую уж и бедную по тем временам науку и кровавую культуру. Страшно даже подумать о том, что они могли бы сделать, если бы победили и, получив в свое распоряжение достижения Европы, двинулись сами завоевывать Старый Свет. Британия и Франция положили немало своих солдат в Африке и на Ближнем Востоке. Даже Россия, беря под свою руку новые земли, громила туземные армии, теряя при этом своих людей. А Германия пришла поздно. Сами виноваты, кстати, но понимать этого они совершенно не хотят, вот и разевают пасть на чужое, в первую очередь на то, что принадлежит Британии. Им кинули несколько кусков земли поплотнее, с барского плеча, но тевтонам этого мало. Они, похоже, смотрят как на туземцев на всех остальных и совсем не против забрать у старых наций то, что принадлежит им по праву. Только ведь и старики не собираются отдавать свое, кровно нажитое, непонятно кому. Грядет большая война. Сколько не занимайся самоуспокоением, сколько не внушай всем вокруг, что сложившийся порядок останется таким на века, но умные люди уже прекрасно понимают — война не за горами. Германия уже сейчас имеет мощнейшую промышленность и отличную армию, которая позволила три десятилетия назад опрокинуть считавшуюся сильнейшей в Европе армию французов. Еще немного — и они войдут в полную силу. Что тогда?

В такой ситуации нужен, как воздух нужен союз с Россией, страной с неисчерпаемыми резервами полезных ископаемых и пушечного мяса, способного в очередной раз защитить Европу от нашествия варваров. Они, конечно, и сами варвары — так вот пускай и убивают друг друга. Мечи или пушки — не все ли равно? Пускай воюют, а белый джентльмен в это время делает деньги. Но вот только для того, чтобы сравить Россию и Германию, надо быть с русскими в ОЧЕНЬ хороших отношениях, при этом создавая у них привычку смотреть на Великобританию, как на старшего брата, который все знает и все может. Да, пороть иногда, но чужими руками, и при этом всегда знать меру. А что получается?

Веселая получается ситуация. Эскадра, которая должна была напомнить, кто в доме хозяин, уничтожена. И произошло это по глупости ее командующего, который мало того, что затащил свои корабли на минное поле, так еще и полностью утратил управление своими

кораблями, в результате чего и завязалась эта драка. Естественно, что русские ответили, когда в них стали стрелять, и так же естественно, что они победили — их было просто-напросто больше, они хорошие моряки и смелые солдаты, да и корабли у них не самые плохие. Ошибкой было строить специально для тех мест броненосцы второго класса, он ведь не раз об этом предупреждал — слишком уж они неадекватный ответ полноценно бронированным и вооруженным кораблям, которыми вооружаются и Россия, и Япония. Только вот деньги, деньги, все опять упирается в деньги — Британия еще в состоянии содержать флот таких размеров, но строить в требуемых количествах новые броненосцы уже слишком накладно, приходится обходиться суррогатами. Вот и результат — пять броненосцев и крейсер отправились на дно, не сумев потопить ни одного русского корабля. Русские задали британцам трепку на море, и стерпеть это было нельзя — иначе все решат, что могут их бить, потеряют страх, а вместе с ним и уважение. Только при этом ответ должен быть адекватным, иначе дело чревато непредсказуемыми последствиями...

А что потребовали эти идиоты? Адмирала им выдать, офицеров арестовать! Да ни один здравомыслящий человек на такие условия не пойдет. Это — оскорбление, которого не прощают. Немудрено, что их послали, и теперь вместо союзника есть риск получить врага. Нет, русские не нападут первыми, они никогда не нападают, только защищаются, но теперь Британии придется начинать — иначе можно потерять лицо. И это в тот момент, когда у русских уже проведена мобилизация, когда их эскадра на Балтийском море практически готова к боевым действиям, а у Британии все наоборот — армии нет, флот разбросан по всему миру... Можно, конечно, подписать на войну союзников, тех же турок, только вот продержатся ли они до того, как британские войска смогут прийти им на помощь? Сомнительно, русский флот на Черном море в разы сильнее турецкого, а их армия и вовсе уже два столетия била турок с завидной регулярностью. Как бы русские под шумок проливы не оседлали, это открывает перед ними широчайшие возможности. Суэцкий канал, к примеру, перережут, и что тогда? Нет, именно сейчас война с Россией будет невыгодна и очень тяжела.

Хорошо еще, что русский император не стал предавать дело огласке. Это явно выраженный намек — мол, заткнитесь, сидите спокойно, и ваша ошибка не вылезет на всеобщее обозрение. Наипрозрачайший намек. Только вот что русские потребуют взамен? Ну, замять инцидент со сражением — это само собой. Да, пожалуй, в такой ситуации лучше всего притвориться, будто ничего и не было. Ну, вышло недоразумение — с кем не бывает? Газетчики пошумят и забудут через неделю, максимум через две. Главное, чтобы никто не вздумал начать компанию с призывами "покарать русских варваров за подлое нападение на британских моряков". Ну да это можно устроить, есть рычаги воздействия... Что еще? Японцев, конечно, придется сдать — ну и невелика потеря. Они, если вдуматься, уже потеряли половину флота, и попытки удержать их на плаву выльются только в дополнительные затраты. Рано или поздно русские их додавят. Кстати, может, оно и к лучшему — из узкоглазых союзники получаются ненадежные, очень уж хитры они. Почти как арабы — тех тоже можно легко купить, но нож они при случае сунут тебе в спину, не раздумывая. А если фокус интересов России окажутся направлен на Дальний Восток, то их влияние в европейских делах уменьшится. Это, кстати, может иметь положительные результаты. А если потом их еще удастся сравить с САСШ... О, тут перспективы открываются колоссальные! Главное, убедить остальных, что такой вариант — наилучший выход из положения.

Снизу, из холла донесся стук висячего молотка. Интересно, кого там принесло? Дворецкого нет — значит, придется спуститься самому. Стук повторился — резко, требовательно. Лорд вздохнул и начал спускаться, мимоходом, проходя мимо большого, в рост человека, зеркала бросив на себя взгляд. Вид достойный...

Внизу его ожидал курьер с запечатанным пакетом. Пакет — самый обычный, бумажный, без каких-либо печатей. Но содержимое пакета перечеркивало всю составленную им картину, ибо там была только одна страница. Обычный лист бумаги, на котором сообщалось, что получено телеграфное сообщение — несколько часов назад был сожжен Вейхавей.

— Не нравится мне это...

— Профессор, я, кажется, скоро уже привыкну к вашему нытью... Что вам опять не нравится? Или вы, как тот мультипликационный капитан, говорите "и вообще, мне все не нравится"? Тогда вам следует научиться шепелявить и брызгать слюной.

— Зачем?

— Для целостности образа. Ладно, шутки в сторону. Что там у вас опять стряслось?

— Да ничего особенного. Просто напряженность поля падает медленнее, чем планировалось.

— Намного?

— Не очень, держится в пределах графика, но я не понимаю, почему...

— Это я вас не понимаю. В первый раз, что ли, такие несовпадения?

— Да нет, не в первый. Просто был резкий скачок, я даже думал, что барьер вот-вот рухнет, собрался вам докладывать, а тут вдруг раз — и все возвращается на круги своя.

— Профессор, я вам не говорил, что вы паникер? Вот сейчас я вам это говорю. Ктс мне говорил, что история — штука инертная? Не вы ли? Думаю, объяснение тут простейшее — мир едва не скатился к чему-то глобальному. Зная, кто и как там действует, подозреваю, что к войне. А потом они как-то между собой договорились — вот и устаканилось все. Перестаньте вы нервничать, в конце концов, возьмите себя в руки. Вы же мужчина, черт побери! Нам что, много осталось?

— Нет, совсем чуть-чуть...

— Вот и не дергайтесь зря. Лучше скажите, увеличился ли радиус обзора у вашей аппаратуры?

— Да, увеличился... немного. Вон, мы смогли наблюдать интереснейшее зрелище — сражение броненосных эскадр. Картинка, правда, не очень...

— Ну-ка, ну-ка, показывайте! Честное слово, профессор, всегда мечтал посмотреть на это своими глазами. Ого! Это они что, японцев топят? Что-то флаги не похожи.

— Нет, англичан.

— Дайте догадаюсь. Именно после этого у вас заплясали показания приборов?

— Именно. Только потом...

— Да-да, я помню. Все вернулось в норму. Стало быть, сдрейфили англичане. Один раз в морду получили — и сдали назад.

— Может быть, и так. Ладно, вопрос не в тему можно?

— Давайте, профессор.

— Что там сегодня по европейским каналам на вас опять волну гонят? Я с утра видел, но только концовку, а потом времени не было уточнить.

— Ерунда, опять в нарушении прав человека обвиняют.

— За что? Вроде бы никого из олигархов не посадили и даже из Швейцарии не выкрали, как в тот раз...

— Да за новый закон. Считают, что неоправданно жесток.

— А что там особенного?

— Не знаю, по мне так ничего, в общем-то. Если коротко — причинил человек вред, который выражается в деньгах, суд постановил возместить ущерб, а ему банально нечем.

Обычная ситуация. Вот и решили, что в таком случае государство расплачивается с пострадавшим, а виновник садится на зону и работает где-нибудь, скажем, на лесоповале. Ну а все, что он зарабатывает, идет государству, и сидит он до тех пор, пока не расплатится, без права на амнистию.

— Хе, тогда я понимаю, откуда вопли. Для многих это — пожизненное.

— Ну, значит, красть было не надо, в аферы сомнительные влезать... Ладно, пускай вопят, мне плевать. Не было бы этого закона — к чему-нибудь другому бы придрались. Профессор, я пойду, времени нет совершенно. Сделайте, пожалуйста, копию вашей записи — посмотрю на досуге.

Хэйхатиго Того, командующий японским флотом, в очередной раз испытал острый укол разочарования. В очередной, не в первый, но и, как он подозревал, далеко не в последний. Если конкретно, сейчас он в очередной раз разочаровался в союзниках.

Да, англичане не предали их, прислав эскадру и корабли снабжения. И что дальше? Японцев всегда уверяли в том, что русские никогда не рискнут вступить в бой с британским флотом. А что получилось? Они не только вступили — они выиграли этот бой. Того видел его целиком, от начала и до конца, поднявшись для этого на самую высокую скалу и вооружившись самым лучшим биноклем, который только можно было найти. Русские попросту раздавили англичан, не потеряв при этом ни одного корабля, а потом частью спокойно уничтожили, а частью и вовсе захватили предназначенные для японского флота транспортные корабли.

И проблема была даже не в том, что русские не побоялись англичан — Того и так знал, что северные варвары далеко не трусы. Возможны были любые проблемы, а заверения британских офицеров-наблюдателей в том, что их флот одним своим видом заставит русских забиться в свои порты и не отсвечивать, выглядели преувеличением с самого начала. Однако такого быстрого и полного разгрома он не ожидал. Да, британские моряки сражались мужественно, и их действия привели к тому, что русские фактически прекратили блокаду главной базы японского флота, но теперь было ясно — русские намерены драться до конца, и на давление со стороны Британии не поддадутся. Если верить донесениям разведки, которая всегда была на высоте, количество войск, которые русские перебрасывают к месту военных действий, с каждым днем увеличивается. Русская эскадра на Балтике готовится к походу неспешно, однако зачем им торопиться, если и те силы, которые здесь имеются, фактически доминируют на море?

Однако даже не это было главным. Того не зря наблюдал весь бой — на основании увиденного он пришел к неприятному выводу. Русские так и не применили то чудовище, которое совсем недавно устроило кровавую баню японскому флоту. Сражение было классическим столкновением броненосных эскадр, и корабли, которые приняли в нем участие, были отнюдь не первоклассными. Того был профессионал, что за корабли сражаются, он понял моментально, на что они способны знал прекрасно, и откровением происходящее, для него не стало. А вот то, что британцы не включили в состав эскадры аналога русской машины смерти, указывало или на его отсутствие в этом районе, или что его вообще нет. В пользу последнего говорил и тот факт, что они не побоялись идти со своими старыми броненосцами против русского флота — очень похоже, возможности русских британцы представляли очень приблизительно, а значит, кораблей, подобных тем, что создали континенталы, у них попросту нет. И как, спрашивается, такое возможно? Может быть, британцы уже далеко не самая сильная морская держава, и их задекларированные возможности по сравнению с реальными сильно преувеличены?

Исходя из этой крамольной мысли, тут же родились еще две. Во-первых, не ошиблась ли Япония с выбором союзника в войне и объекта своих притязаний, а во-вторых, так ли уж мудры те, кто стоят сейчас во главе страны? Мысли были серьезные и требовали серьезного же осмысления, но сейчас было пока что не до этого. Вначале требовалось организовать спасательную операцию. Что до Того, то выберутся англичане на берег или потонут,

большой роли не играло, но пока что они были союзниками, а значит, приходилось помогать. Хорошо еще, что русские не стали препятствовать спасательной операции, хотя могли и обстрелять вышедшие на помощь английским морякам миноносцы, чудом проскочившие сквозь выставленные русскими минные банки. Потом спасенных надо было разместить, организовать питание, лечение для раненых, а как? Большая часть строений была сожжена русскими еще когда они топили корабли в порту, тогда же были уничтожены запасы продовольствия и медикаментов. Не все, разумеется, но значительная часть. А ведь еще имеется огромное количество собственных раненых! В общем, работы было по горло.

При этом надо было не упустить момент и попытаться разблокировать выход из порта. Пока что русская эскадра ушла в Порт-Артур, но сколько времени потребуется для ремонта поврежденных кораблей, было неясно. Время это требовалось использовать максимально эффективно, иначе, когда Макаров вернется, орудия русских броненосцев снова будут в ключья разносить всех, кто рискнет высунуться из гавани. Сейчас оставленные им крейсера, разумеется, могут попытаться нанести занимающимся тралением кораблям ущерб, но береговые батареи наверняка сумеют их отогнать. Именно поэтому Того постарался организовать траление максимально быстро. Увы, специальных средств для этого у него не имелось, пришлось задействовать ныряльщиков, благо ими Япония всегда славилась. Процесс пошел, но как-то медленно, неуверенно и, вдобавок, не слишком результативно. Русские ставили мины с различным заглублением, поэтому их сложно было не то что снять, а и просто найти. Тем не менее, шанс на то, что удастся вновь вывести броненосцы в море, еще существовал, и работы не прекращались ни на минуту.

Того очень устал — да, разумеется, самураю не положено показывать слабость, но он и впрямь устал. С начала войны он жил в темпе, который для любого человека мог бы показаться запредельным. Война шла совсем не так, как планировалось, потери уже превысили все мыслимые и немыслимые пределы. Пожалуй, сейчас надо было думать уже не о победе, а о том, как бы выторговать более-менее почетные условия мира. Однако Того предпочитал держать свои мысли при себе — после всего, что случилось, его и так едва терпели, а начини он умничать... В общем, Того не боялся смерти, но он прекрасно понимал: уберут его — поставят кого-нибудь другого, бедного мозгами, но готового не задумываясь умереть за императора. Это, разумеется, ценное качество, вот только он ведь не только сам погибнет, но и утянет за собой весь флот. Флот, который он, Хэйхатиро Того, и его ближайшие соратники с трудом создавали, в который вложили все силы и всю душу. А погибнет флот — погибнет и Япония, потому что северные варвары не остановятся, истребив армию на континенте. Мобилизационные ресурсы Страны Восходящего Солнца в разы уступают возможностям противника, и остановить русский десант, особенно на периферийных островах, будет попросту некому. В общем, ситуация весьма далекая от радужной, и лучше всего описываемая русской же пословицей: "Не до жиру — быть бы живу". Он, адмирал, понимал это, но, к сожалению, этого не понимали те, кто стоял над ним. Оставалось стиснуть зубы и молиться Аматарасу, чтобы она не оставила японцев своим покровительством в час испытаний.

Ну что же, все получилось неплохо. Плотников и его команда с интересом наблюдали за поединком двух броненосных эскадр. На картинке, которую передавал беспилотник, висевший над местом сражения, выглядело это впечатляюще — столбы дыма, снопы огня, вырывающиеся из орудийных стволов, пламя, охватывающее один корабль за другим... И

результат, надо сказать, обрадовал — полный разгром английской эскадры. На такое британцы просто не смогут не отреагировать. Выводы? А выводы просты. Будет война, почти наверняка будет, а раз так, то стоит помочь землякам, пусть и номинальным, ее выиграть.

Ну а дальше азбука. В этом районе у англичан всего две базы — Вейхавей и Гонконг. Война на море без баз невозможна — это азбука, значит, британский флот, который, несомненно, придет метрополия, должен прийти в один из этих портов, как минимум чтобы провести профилактику механизмов и забункероваться. Замой основная база Гонконг, летом — Вейхавей. Гонконг южнее, а стало быть, дальше. Отсюда простой вывод: если у британцев останется только Гонконг, то они будут больше времени тратить на походы к зоне боевых действий и обратно, сжигать дефицитный уголь, изнашивать механизмы... Если не будет и Гонконга, то они могут и в штаны наделать, тогда война не начнется. Это уже не айс. Стало быть, надо жечь базу в Вейхавее, а когда война уже начнется — и базу в Гонконге, причем когда британский флот уйдет в поход, чтобы ему некуда было возвращаться. Такие расклады очень способствуют сговорчивости.

Разумеется, война будет не только здесь, но на Черном и Балтийском морях у России отличные базы и мощные флоты. Армия же британская невелика, так что пускай себе отбиваются, сколько влезет. Для того, если вдуматься, деньги в вооружение и вкладывали, так что пускай военные отрабатывают жалование, которое получали в мирное время. Это нормально — в годы мира страна кормит армию, чтобы, случись война, армия ее защитила. Но то — в Европе, а сюда, получается, из России не пойдет больше ни одного солдата и ни одного корабля, поэтому и помогать надо здесь.

Атаковать Вейхавей, как и Нагасаки, решили ночью — тогда меньше вероятность, что "Мурманск" обнаружат и перехватят. Не то чтобы Плотников этого боялся — да, разумеется, драпающие полным ходом английские крейсера придут туда первыми. Он и не торопился, чтобы дать им добраться до Вейхавей, да там и прихлопнуть, а не гоняться потом за беглецами по всему океану. Вреда серьезного они ему причинить не смогут в любом случае. Что там у них? "Бонавентура", "Эклипс", "Талбот" и "Сатлеж"? Не шедевры, отнюдь, и вооружение так себе. Однако все же "не бояться" и "опасаться" — разные вещи. Плотников прекрасно понимал одну очень важную вещь. Его главное преимущество не артиллерия и не автономность, а, в первую очередь, системы обнаружения, позволяющие засекать противника издали, и скорость, дающая возможность самому выбирать, с кем и когда драться. В общем, он всерьез опасался словить все же что-нибудь тяжелое ниже ватерлинии, и из-за этого потерять ход. Вероятность, конечно, невелика, ну а вдруг? И тогда его рано или поздно догонят и толпой затопчут. Оно, спрашивается, надо? Будешь тонуть, как персы при Саламине, от рук вроде бы слабейшего противника.

Вообще, сражение при Саламине — это один из самых ярких примеров того, как лишив противника преимущества в маневренности, даже с относительно малочисленным флотом можно добиться победы. Правда, серьезно интересовавшийся когда-то этим вопросом, Плотников давно подозревал, что все шло там не совсем так, как принято давать на уроках истории. Каноническая версия ведь как звучит? Огромный флот персов греки заманили в узости пролива, где их более маневренные корабли имели преимущество. Красиво звучит, только вот как-то забывается, что персидский флот состоял как раз, в массе своей, из многочисленных торговых кораблей, мобилизованных для переброски войск. Корабли эти были относительно невелики, для боя, в общем-то, не предназначены, и шансы имели только

при abordage. На открытом пространстве они как раз и имели бы преимущество, тем более что персидские солдаты были профессиональными воинами, а греки, в большинстве, все же не более чем ополченцами. Но, набившись в узость пролива и мешая друг другу, они как раз преимущество в маневре и потеряли. Греческие же корабли были именно боевыми, с таранами и высоким бортом. Основную ударную силу их флота составляли триеры, которые можно считать первыми линкорами античности. Так что, скорее всего, в проливе триеры просто как каток прошлись по не имеющим возможности уклониться персидским кораблям. Впрочем, так было или иначе, уже не важно, главное — лишившись свободы маневра любой корабль становится уязвим, и Плотников это осознавал в полной мере. Ну а ночью шансов повредить "Мурманск" у англичан практически нет, и не помогут им ни крейсера, ни береговые батареи. А раз так — значит, стоит атаковать именно ночью. Кстати, большинство людей ночью спят, а значит, жертв обстрела может оказаться заметно больше. Урон противнику в живой силе тоже стоило учитывать. Разумеется, погибнет много мирных жителей, но... но ведь именно "мирные" жители обеспечивают производство снарядов, работу инфраструктуры порта, да и вообще экономику воюющей страны. Под этим предлогом во Вторую Мировую войну английские и немецкие бомбардировщики высypyали бомбы на жилые кварталы, причем британцы начали это делать первыми. В общем, никто никого не собирался жалеть, те, кто готовился начать обстрел, пришли из эпохи, когда рыцарские правила были давно и прочно забыты, и расклады их совершенно не коробили.

Результат был ожидаемым. Когда в четыре утра темнота ночного моря осветилась вспышками выстрелов, и на Вейхавей обрушились снаряды, никто не оказал сопротивления. Точнее, береговые батареи садили во тьму, часто и нецельно, но на них даже внимания обращать не стоило — большая часть орудий попросту не могла достать атаковавший их крейсер. Зато угольные склады, на которых испытali боеприпасы объемного взрыва, загорелись почти сразу, и это было запоминающееся зрелище. Столб огня поднялся, казалось, до неба, закручиваясь в дымную, ярко светящуюся изнутри спираль. Поднятая взрывами снарядов в воздух мелкодисперсная угольная пыль горела просто замечательно, давая невероятное количество тепла. Повторялась история с Нагасаки, только в куда больших масштабах — огонь втягивал в себя все новые и новые порции кислорода, буквально засасывая в себя и людей, и мусор, и... Да все он засасывал. Почти моментально пламя перекинулось на остальные склады, и вскоре к реву огня добавился грохот взрывов — английские боеприпасы рвались не хуже японских, особенно учитывая, что японские были, в большинстве своем, произведены на заводах все той же Великобритании. Сейчас тесная дружба с японцами выходила англичанам боком — осколки снарядов, а иногда и снаряды целиком, разбрасывало порой на сотни метров, разнося в городе все, до чего не сумел добраться огонь. И, что интересно, не так уж много выстрелов "Мурманску" для этого потребовалось — главное было правильно рассчитать, куда бить, а дальше процесс шел уже без постороннего вмешательства, естественным, так сказать, путем.

Однако это было далеко не все. В порту стояли крейсера, только что вернувшиеся от Сасебо, там же были миноносцы и канонерские лодки. Мелочь была экипажу "Мурманска" неинтересна, а вот крейсера — это уже серьезнее, на них и снаряды потратить не грех. Разумеется, опять погибнут люди, но тут уж ничего личного — не стоило пытаться воевать с Россией, только и всего.

Первым под обстрел попал "Талбот". Этот небольшой, довольно тихоходный и слабо вооруженный крейсер типа "Эклипс" (крейсер с таким именем, близнец "Талбота", тоже

стоял в порту) был заложен более десяти лет назад и уже порядком устарел морально. Пожалуй, наиболее значимым фактором в его биографии была стационарная служба в порту Чемульпо, совсем рядом с "Варягом". Тогда Руднев, командовавший русским крейсером, попросил у командиров стационаров (а было их там до хрена) обеспечить "Варягу" свободный выход из порта, но под давлением командира "Талбота" ему было отказано. Что же, настало время платить по счетам.

Все произошло очень быстро. Почти сразу же в крейсер попало один за другим пять снарядов, еще один взорвался в воде совсем рядом с корпусом. Гидравлический удар словно молот обрушился на корабль, заставив разойтись листы обшивки. Впрочем, из пяти попавших в цель снарядов два угодили в борт на уровне ватерлинии, а три других разворотили надстройки. Мгновенно вспыхнули пожары, одновременно началось интенсивное затопление отсеков по левому борту. Динамо-машина отказала, и свет потух. Паники не было, но и эффективно работать в такой ситуации матросы не могли. Корабль быстро погружался с креном на левый борт, и вскоре опустился на грунт, оставив часть корпуса над водой.

Не менее стремительно, хотя и куда более зрелищно, орудия "Мурманска" расправились и с "Бонавентурой". Этот крейсер второго класса типа "Астрея" более чем на тысячу тонн уступал "Талботу" в водоизмещении и, соответственно, в вооружении и защите. Противостоять восьмидюймовым снарядам он не мог в принципе, тем более снарядам, созданным на столетия позже. Однако как раз над ним прищельцы из иного мира поставили эксперимент.

Три снаряда с термобарическими зарядами ударили в палубу спящего корабля. Эффект был ошеломляющий, особенно учитывая не только слабость брони, но и то, что большая часть люков была открыта нараспашку. Крейсер мгновенно вспыхнул от носа до кормы, и пламя, казалось, вырывалось из всех щелей. Потом огонь угас так же быстро, как и вспыхнул, но на "Бонавентуре" не осталось ничего живого, а сам крейсер был изувечен. По сути, он теперь представлял из себя выжженный изнутри, медленно погружающийся под воду закопченный остов.

Следующим оказался брат-близнец "Талбота" крейсер "Эклипс". После нескольких попаданий он загорелся и, хотя подводных пробоин не было, от этого экипажу корабля было не легче. Очень быстро корабль превратился в огромный костер, из которого то и дело доносился грохот взрывающихся боеприпасов. Силой взрывов на десятки метров от него разбрасывало горящие обломки, а экипаж во главе с офицерами, быстро сообразив, что ничего не может сделать, торопливо покидал обреченный крейсер.

Четвертый крейсер экипаж, разбуженный грохотом, покинул еще до того, как его начали топить. Причем сделано это было настолько быстро и организованно, что не было потеряно ни одного человека. Сам же крейсер разделил судьбу других кораблей, угодивших в ту ночь под обстрел и, получив несколько попаданий, в течение нескольких минут перевернулся.

Таким образом, в одну ночь ближайшая к зоне боевых действий база Великобритании перестала существовать, и это было одной из самых серьезных ошибок, совершенных Плотниковым. Все же он не был идеальным командиром, и одним из его недостатков оказалось отсутствие предрасположенности к психологии. А офицер, тем более, старший офицер, должен быть, в том числе, и психологом, хотя бы для того, чтобы предугадывать действия противника. Вот этого-то таланта у командира "Мурманска", к сожалению, не

наблюдалось в принципе.

В детстве, наверное, все зачитывались книжками про пиратов. Ну как же, шедевры вроде "Острова сокровищ" были настольной книгой любого мальчишки. И среди этих книг весьма достойное место занимает некий "Капитан Блад", легендарный пират, чей образ вышел из-под пера талантливого писателя Сабатини. Только вот если для мальчишек интересно, как корабли стреляют и берут врага на abordаж, то те, кто постарше, просто обязаны обратить внимание на одну маленькую деталь. Лихой пират и, несомненно, талантливый офицер, капитан Блад позиционируется, как военный хирург с опытом войны на море, но, на самом деле, он психолог. Встречаясь с противниками, которые сильнее него, он, прикладывая минимальные усилия, заставлял их действовать так, как это нужно ему. При этом они теряли все свои преимущества, а дальше — дело техники. Блад, конечно, вымышленный персонаж, точнее, собирательный образ пирата с налетом гламура, но суть писатель уловил верно — победы достигаются не только оружием, но и умением манипулировать противником, просчитывая ситуацию на десяток ходов вперед.

Вот как раз с этим у Плотникова было тяжело. Его знаний и опыта хватало на то, чтобы хорошо командовать кораблем и пользоваться уважением экипажа, но для решения глобальных проблем этого явно было недостаточно. Результат оказался несколько иным, чем он планировал — да, британцы почувствовали себя оскорбленными, но за их спинами стоял многовековой опыт. Они умели ждать и знали, когда стоит действовать немедленно, а когда лучше сдать назад. Не забыть обиду — просто отплатить за нее чуть позже.

Англичане хорошо умели считать и тоже понимали, как хреново остаться без баз. Неудобство Гонконга в такой войне они видели невооруженным глазом, сообразили и то, что если кто-то уничтожил одну базу, то он может ударить и по второй, причем в удобное для себя время. Короче говоря, ход мыслей Плотникова, не такой уж и сложный, был для них ясен, и в такой ситуации воевать здесь им попросту не хотелось. Результатом стало то, что и англичане, и русские спустили дело на тормозах. Побряцали оружием, продемонстрировали друг другу, что не боятся воевать — и утихомирились. Британские корабли расползлись по своим базам, русские вернулись на свои. Мир, уже сжавшийся в предчувствии надвигающейся катастрофы, начал потихоньку расслабляться.

Правда, окончательно идею войны англичане не похоронили. Базироваться ведь можно было и на Японию, благо судоремонтных мощностей Страна Восходящего Солнца имела в избытке. Вот только японцы что-то юлили, вертели хвостами и не говорили ни "да", ни "нет". Переговоры затягивались, а быть в постоянной готовности к войне и при этом не воевать чревато и с точки зрения экономики, и с точки зрения морального состояния войск. В результате процесс медленно коллапсировал, и угроза большой войны отдалялась на неопределенное время, что устраивало мир, но совершенно не устраивало Плотникова.

Макаров был взбешен не столько потерями в том бою и даже не тем, что британцы влезли не в свое дело. В конце концов, к простым морякам он претензий не имел — люди военные, им скомандовали, и никуда не денешься. Да и сражались британцы храбро и умело. Даже то, что японцы остались фактически один на один с минами, а значит, рано или поздно выведут свои корабли в море, его не особенно расстроило. Выведут — побьем, уж чего-чего, а сражения Макаров не боялся никогда. Бесило его совсем другое.

Ремонт кораблей, поврежденных в том бою, шел крайне медленно. Если те броненосцы, которые получили, как "Петропавловск", относительно небольшие повреждения, привели в

порядок достаточно быстро, то "Победу" и "Пересвет" ремонтировали медленно и неторопливо. Вдобавок, не хватало ремонтных мощностей — Порт-Артур был удаленной от метрополии базой, поэтому буквально все, вплоть до последнего гвоздя, требовалось везти по железной дороге, которая тоже оперативностью не отличалась. И, ко всему прочему, начались проблемы с подчиненными.

То, что адмиралы с генералами опять расслабились и начали устраивать праздники вперемешку с молебнами, еще как-то можно было пережить. Макаров, потерпев пару дней и дав заодно отдохнуть экипажам кораблей, в жесткой форме начал всех "строить". Теперь, когда он был победителем в тяжелейшем сражении, да еще и с англичанами, его авторитет, и без того высокий, поднялся на вовсе уж недостижимый уровень. Поэтому, когда он начал переводить адмиралов, не внявших с первого раза, на номинальные посты, где их возможности стремились к нулю, и поднимать хорошо проявивших себя в бою офицеров, это прошло "на ура". Разумеется, адмиралы были недовольны, но с формальной точки зрения Макаров был в своем праве. К тому же Алексеев, которому надоела адмиральская вольница и их излишняя осторожность, поддержал его в этом вопросе. Надо сказать, Алексееву не давали покоя лавры великих флотоводцев прошлого. Ну, очень ему хотелось громких побед, и пускай непосредственно командовал эскадрой Макаров, но все же самым главным здесь был он, наместник! А раз так, то любая победа автоматически становилась и его победой тоже, главное, чтобы они были, победы эти. А для этого (все же Алексеев был профессиональным моряком и разбирался в военно-морской специфике отлично) надо было, чтобы корабли не отсиживались в порту, а сражались. Именно поэтому он действовал с неумной, порой даже избыточной энергией, и неожиданно преуспел. Особыми талантами организатора и координатора Алексеев не обладал, но недостаток этот сумел заменить огромной работоспособностью и энтузиазмом. В результате, благодаря его деятельности, количество прибывших на Дальний Восток людей и грузов в разы превосходило то, что было в основной исторической линии. Кроме того, своей деятельностью он заметно разгрузил Макарова, благодаря чему тот смог заниматься только и исключительно флотом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вообще, процесс здесь шел совсем иначе, чем в реальности Плотнокова. Во всяком случае, не только флот одерживал победы. Относительно небольшая японская армия, высаженная в Корею и первоначально добившаяся некоторых успехов, оставшись без поддержки войсками и снабжения медленно, но неуклонно выдавливалась имеющим подавляющий численный перевес Куропаткиным. При этом обе стороны избегали сражений. Японцы потому, что понимали — русские при таком соотношении сил раздавят их. Русские — потому что Куропаткин вообще не хотел сражаться. Однако тактика выдавливания оказалась неожиданно эффективной, и в планах Алексея Николаевича было не терять людей на поле боя, а запереть японцев где-нибудь, к примеру, в том же Чемульпо, а дальше пусть мрут с голодухи. Конечно, раздухарившийся Алексеев требовал от него активных действий, но формально придраться было не к чему — армия наступала, причем успешно, так чего же еще требовать от командующего? Естественно, о том, что японцы смогут блокировать Порт-Артур, речи сейчас вообще не было.

Вдобавок, что называется, для полноты ощущений, отличился Владивостокский отряд крейсеров. Они подловили-таки последний оставшийся у Японии броненосный крейсер "Ивате", точнее, поймали на живца. "Богатырь", быстроходный и отлично вооруженный бронепалубник, якобы в одиночку шуровал вокруг Японии. Паре шаланд дали возможность

от него сбежать, чтобы они сообщили информацию об одиночном легком крейсере, пиратствующем в непосредственной близости от японского побережья. Подстава сработала — "Ивате" в сопровождении двух легких крейсеров вышел на перехват дерзкого русского корабля. Очевидно, японцы были убеждены, что русские окончательно потеряли чувство реальности, если решили так нагло ходить у самых японских портов.

К несчастью для японцев, русские не только не потеряли осторожность — они научились думать, и "Ивате" прямо влетел в распростертые объятия трех русских броненосных крейсеров. Попытка бежать ни к чему не привела — "Рюрик", самый старый из преследователей, правда, отстал, но два других вцепились, как бульдоги. "Россия" через некоторое время тоже начала отставать, но "Громобой" сумел догнать "Ивате" и, ведя плотный огонь, заставить его сбросить ход. Ненамного, но этого хватило — "Россия" вновь настигла японца.

Индивидуально "Ивате" незначительно превосходил каждый из русских кораблей, но против двоих не сдюжил. Примерно через час после начала боя, со сбитыми трубами и практически замолчавшей артиллерией, корабль начал быстро садиться носом — очевидно, русские снаряды нанесли повреждения в подводной части. К тому времени догнавший их "Рюрик", с неповрежденной броней и не выбитыми орудиями, добавил огоньку, и вскоре последний броненосный крейсер Японии затонул, не дотянув восемь миль до спасительного порта. "Собачки", сопровождавшие его, правда, успели бежать, но это было уже непринципиально — теперь любой русский крейсер мог ходить куда угодно и делать что угодно в одиночку, потому что легкие крейсера японцев не смогли бы помешать даже "Богатырю". Он был индивидуально сильнее любого из них и достаточно быстроходен, чтобы оторваться, если встретит двоих или троих противников. Броненосные же крейсера и вовсе чувствовали себя хозяевами моря, развернув настоящую охоту на транспортные корабли, чем нанесли серьезный удар по и без того потрепанной японской экономике.

Однако ни все эти успехи, ни Георгий третьей степени за разгром британской эскадры (Макаров, честно говоря, был удивлен уже тому, что его не отправили в отставку, и на орден отреагировал спокойно), ни третий орел на погонах не могли сейчас поднять настроения адмирала. Перед ним возникла новая проблема, и он не знал, как ее решать. И, в отличие от большинства своих сослуживцев, он понимал, что решать ее надо обязательно.

Точнее говоря, проблем было три, но одна могла подождать. Та самая, которая считалась в Петербурге столь серьезной, что адмиралу о ее решении говорил сам император. Тот корабль-призрак, ухитрившийся наворотить дел и поссорить Россию с англичанами. Да, наверное, на дворцовых паркетах политические последствия представлялись наиважнейшими, однако Макаров придерживался своего собственного мнения по этому вопросу.

Во-первых, он решительно не представлял, как в таких условиях можно найти в океане быстроходный корабль. Обшарить все, до чего могли добежать миноносцы? И что? Океан громаден. Разумеется, у такого гиганта просто обязана быть база, с которой он получает уголь, продовольствие, где дает отдых экипажу, но где эта база? И какова дальность хода корабля? Слишком много факторов, которые невозможно учесть. Плюс к тому, такой корабль может построить только ДЕРЖАВА, а она наверняка способна и обеспечить ему убежище, маскировку... Может, этот корабль сейчас совершенно легально стоит в каком-нибудь порту... Хотя нет, это вряд ли — там его живо обнаружат, поднимется скандал до небес. Но все равно, любая крупная страна в два счета построит тайную базу хоть для целой

эскадры.

Кстати о птичках, Макаров сомневался и в том, что корабль действовал в одиночку. Если разгромить эскадру крейсеров, зажатых в узком проливе лишенных возможности полноценно маневрировать, может любой броненосец, то для того, чтобы разгромить флот, нужна как минимум эскадра. Нагасаки тоже запросто сжечь нереально, как и Вейхавей. Слухи же о сверхмощных снарядах лучше отнести к паническим воплям побежденных — уж больно они нелепо выглядят. Нет, здесь работала эскадра, скорее всего, из трех-четырех кораблей, построенная и направленная в эти воды какой-либо крупной страной. И Макаров догадывался, какой именно.

Он следил за публикациями в печати и был в курсе новинок корабельной архитектуры. И силуэт, описываемый свидетелями в Чемульпо, подозрительно напоминал броненосец "Мичиган". Нет, он был, разумеется, совершеннее, но общий принцип — линейно-возвышенные башни — выглядел очень узнаваем. Что же до скорости — так американцы уже продемонстрировали свое умение строить быстроходные корабли. Взять тот же "Варяг" — его скорость для крейсеров все еще непревзойденна. Кто сказал, что они не могут построить быстроходный броненосец? Тридцать и более узлов — это, конечно, нонсенс, но в горячке боя несложно ошибиться, а узлов двадцать пять теоретически выжать можно, особенно если избавиться от тарана и поработать над обводами корабля. Правда, какие цели преследуют САСШ пока непонятно, но у каждой региональной державы есть желание выйти в число держав великих, так что все это может быть звеньями одной цепи. Три-четыре быстроходных корабля с орудиями повышенной дальностью и впрямь могут натворить дел, а воевать американцы умеют, в том числе и на море. Нет, ровней себе их моряков не считал никто, однако они недавно уже преподали жестокий урок испанцам, а по технической оснащенности американские корабли всегда были неплохи. Да и построить перспективную серию с их кораблестроительными мощностями недолго, так что для Макарова североамериканцы были подозреваемыми номер один.

Второй проблемой были японцы. Хорошо еще, что они так и сидели на своей базе, упорно пытаясь проложить своим кораблям выход в море. Частично им даже удалось добиться определенных успехов — приливы в тех местах достигают нескольких метров, соответственно, отливы тоже не хуже, и часть мин, поставленная с недостаточным заглублением, во время отливов оказывалась на небольшой глубине. Японцы это сообразили довольно быстро, и для траления применили обстрел из орудий. Снаряды, начиненные шимозой, вызвали детонацию части мин. Однако русские крейсера, постоянно обстреливающие любую вылезающую из порта мелкосидящую посудину, пускай и с дальней дистанции, на которой попадать в такую малогабаритную цель крайне затруднительно, мешали японцам развернуть полномасштабные работы. Даже изобрели интересную новинку — подтапливали отсеки одного борта, чтобы легкий крен увеличил угол возвышения орудий и, соответственно, их дальность. Получалось неплохо, особенно для "Баяна" с его восьмидюймовками. Ну и периодически приходил транспорт с минами в сопровождении миноносцев. "Амур", правда, к волку в пасть не совался, зато миноносцы ночами обновляли минные заграждения периодически. Их пытались обстреливать, но попасть ночью в неосвещенный миноносец — задача не из простых, особенно если нет кораблей, которые им будут активно противостоять. Ничего крупнее миноносца японцы в море вывести не могли, а их русские крейсера обстреливали с особым цинизмом и не жалея снарядов. Так что возиться Того предстояло долго, и эта проблема хоть никуда и не делась, но и на плечи пока

не давила. Главное, привести свою эскадру в боевую готовность раньше, чем противник сумеет выбраться в море.

И вот тут вылезала третья проблема — та самая, которую никто пока не воспринимал всерьез, но последствия которой Макаров хорошо видел уже сейчас. А главное, он не понимал, как с ними бороться, и как решить эту проблему тоже не знал. Все же он был солдатом — хорошим солдатом, ученым — талантливым, надо сказать, кораблестроителем — и равным ему в России был лишь его же ученик Крылов. Но чтобы бороться с тем, что творилось сейчас, все эти навыки были не годны.

С самого начала войны русский флот нес потери. Это вполне логично и предсказуемо — в любой войне стреляешь не только ты, но и в тебя. Вот только была одна проблема — для корабля, выходящего в море, нужен полный экипаж. Просто даже потому, что моряки в гораздо большей степени, чем обычные солдаты, зависят друг от друга. На земле можно сбежать, нырнуть в окоп, спрятаться... Если в роте найдется пять, шесть, даже десять таких вот прячущихся, на ее боеспособности это отразится незначительно. А вот на корабле, порой, нижний чин, заливающий пожар из брандспойта, значит для выживания корабля не меньше, чем его командир. Чего уж говорить об комендорах или рулевых... В общем, в море корабль должен идти с полным экипажем, или он рискует не вернуться, хотя бы просто из-за того, что небольшой пожар не был вовремя залит и, разгоревшись хорошенько, добрался до погребов. И это, кстати, далеко не единственный вариант.

При этом вылезает еще один нюанс. Сколько надо готовить солдата? По-хорошему, конечно, довольно долго, но в первом приближении, то есть научить ухаживать за оружием, стрелять из трехлинейки и выполнять команду "Коротким — коли!" можно справиться за пару недель. Кстати, порой и без подготовки отправляли. В генеральной исторической линии это, к примеру, происходило под Москвой, когда ополченцев вооружали — и вперед, в окопы. И они, что интересно, остановили немецкий прорыв. Они и еще НКВД, которые послали на фронт практически всех сотрудников, способных держать оружие. Правда, полегли почти все — но остановили удар кадровых, отлично обученных и вооруженных немецких дивизий.

А что же с матросами? Тут все намного сложнее. Если солдату на первых порах надо освоить трехлинейку и научиться ходить в ногу (кстати, шагистика несет значительно большую смысловую нагрузку и намного полезнее, чем принято считать), то сколько требуется знать матросу для того, чтобы выполнять свои обязанности, сложно даже представить. Соответственно, и готовить его надо серьезнее — во все времена моряки служили дольше солдат, и это было нормальной ситуацией. Вот только когда потребовалось срочно восполнить потери, оказалось, что сделать это затруднительно.

Конец девятнадцатого и начало двадцатого века — не самое подходящее время с точки зрения подготовки кадров. Дело в том, что как раз тогда полным ходом шел бурный, взрывообразный скачок в науке и технике. Много написано о том, как корабли устаревали еще на стапелях, но не это главное. Куда хуже было то, что это не давало создавать нормальный кадровый резерв. Проще говоря, ушел моряк в запас — и через несколько лет то, что в него с трудом вдолбили, оказывалось абсолютно ненужным, потому что сменилось поколение и кораблей, и орудий, и двигателей. И что с ними делать этот резервист уже не знает. Ну, призовут его — и что дальше? Цусима хорошо продемонстрировала, как могут экипажи с большим количеством резервистов, пусть и на первоклассных кораблях, противостоять тем, кто имеет опыт работы именно с тем, на чем идет в сражение, пусть

даже и не первой свежести. Но это в генеральной линии, у Макарова до такого, к счастью, не дошло, однако кадровый голод начался острейший. Тем более что в сражении с англичанами потери были жесточайшими, особенно на двух недоброненосцах, где убитыми и ранеными потеряли свыше четверти личного состава.

Итак, люди нужны, а резервистов присылать — так это их переучивать надо... И что делать? Проблема оказалась вполне решаемой. На Черном море, где все вроде бы было относительно спокойно и было время потренировать вновь призванных, снимают требуемых специалистов и отправляют на Дальний Восток, а призванных из резерва ставят на их места. Все замечательно. Вот только надо учитывать, что оттуда, с тихих и спокойных мест, новички привезли с собой страшную заразу, имя которой — бунт. Да-да, в России давно уже было неспокойно, да еще и иностранные разведки, в первую очередь английская и японская, старательно мутили воду, спонсируя всяческих бомбистов и прочих эсеров. И так же естественно, что флот, который априори комплектуется людьми грамотными, в стороне оказаться не мог. Грамотность — это еще не умение критически мыслить и анализировать. Брошюрки не самого безобидного содержания, мутным потоком заполонившие корабли, упали на мозги людей тяжким грузом, причем это оружие, по эффективности превосходящее любой снаряд, поражало не только нижних чинов, но и офицеров. Бывали прецеденты. Ну а то, что на кораблях Черноморского флота матросы работой были не перегружены, только усугубляло процесс.

В генеральной линии такое брожение вкупе с проигранной войной привело к бунтам на "Потемкине", "Очакове", в крепости Свеаборг и ряду других менее значительных и потому менее известных событий. Здесь и сейчас война и не думала проигрываться — скорее, наоборот. Соответственно, взбаламутить матросов было куда тяжелее. Однако когда их, выдернув с теплого и спокойного Черного моря, отправили воевать на Тихий океан, понравилось это немногим. Нет, трусами они не были, но сражаться за нелюбимую власть... Они не воспринимали войну с японцами как сражение за Родину, и это была их беда. Если те, кто воевал уже давно, успели почувствовать злость на тех, кто напал на них, кто убил их товарищей, то черноморцы еще не успели это чувство приобрести.

Хорошо еще, ядро экипажей оставалось старым, и особого авторитета вновь прибывшие не имели. Просто они еще не были под огнем, их не успели оценить беспристрастным взглядом ветераны. А значит, и равными черноморцев пока не признавали. Хотя, с другой стороны, это бесило их, заставляя сбиваться в землячество. Здоровому климату это не способствовало, но до бунта, к счастью, было далеко — прибывших с Черного моря было немного, да и далеко не все они поддались там, у себя, революционной агитации. Однако все равно ситуация не радовала. Макаров был неплохо осведомлен о состоянии дел — среди тех, кого он водил в бой, от матроса до адмирала, не нашлось бы ни одного человека, который бы его не уважал. Не любили — да, таких хватало, но уважали все. И потому не скрывали от адмирала положение вещей, особенно матросы и кондуктора, считавшие такое поведение черноморцев предательством.

К тому же и офицеры-черноморцы тоже не вписывались пока что в экипажи. Правда, тут больше вина "стариков", но... В общем, это очень плохо, когда на кораблях начинаются такие вот шатания.

Однако все это можно было перетерпеть. Один бой, а в том, что он будет, сомневаться не приходилось, и новички оботрутсЯ. Понюхают шимозы, сообразят, что к чему, и дурь из головы вылетит. Не у всех, конечно, но у большинства точно. Куда хуже было другое.

Для ускорения ремонта кораблей с того же Черного моря, да и с Балтики тоже, по инициативе Алексеева привезли большие группы рабочих. И все бы хорошо, процесс ремонта, который был весьма заторможен из-за нехватки квалифицированных специалистов, просто обязан был ускориться. Если бы не одно "но". Да, чем больше людей — тем, теоретически, быстрее идет работа. Вот только сами рабочие были не в восторге от того, что их выдернули из дома и привезли к черту на рога, причем не спрашивая их желания. Их недовольство можно было понять — жили себе спокойно, неплохо зарабатывали, и вдруг все это рушится в один миг. Разместили в казармах с минимумом удобств, кормежка так себе, и, что характерно, никаких компенсаций не пообещали. В общем. Не с чего им было радоваться, и на ударный труд их тоже не тянуло. Матросы, опять же, о политике трендят. Квалифицированные рабочие — они, как правило, тоже грамотные и в политике разбираются. Точнее, считают, что разбираются, но от этого не легче. В общем, до стачки дело не дошло, а вот тихий саботаж расцвел махровым цветом, и ремонт броненосцев не остановился, но сильно застопорился. Правда, ввели, наконец, в строй "Цесаревич", однако на общем фоне это было довольно слабым утешением.

Степан Осипович, в отличие от многих флотских офицеров, снобизмом не страдал. Возможно, этому виной было его "неправильное" происхождение, хотя, скорее, основную роль сыграл прагматичный взгляд на жизнь. Именно поэтому он и пришел к выводу, который был попросту невозможен для его сослуживцев. Каждым делом должен заниматься профессионал, поэтому "политических" должны контролировать жандармы. Беда только в том, что жандарму вход на корабль заказан. Нет, пустить-то его пустят, только разговаривать с господином в лазоревом мундире будут сквозь зубы, и вообще постараются его не замечать. Интересно, как он сможет работать в таких условиях...

Впрочем, как он будет работать — это его проблемы. Главное — поставить задачу, ничего невыполнимого в ней нет. В худшем случае, припугнет господ социалистов, это тоже дело полезное и нужное. К сожалению, в подобном вопросе Алексеев поддержки не окажет все из той же флотской солидарности. Не поможет, разумеется, но и мешать не будет — он ведь тоже заинтересован в результате. Примерно к таким мыслям пришел адмирал, хотя на душе у него скребли кошки.

Как ни странно, именно разгром Вейхавея и помог ему убедить остальных в том, что воевать с русскими пока не стоит. Поначалу он думал, что — все, закусят удила и попрут. Они и чуть не поперли, однако при всем желании отомстить, разум они сохранили. Ну не было среди них дураков. Снобы были, а дураков не было. Да и в военных делах большинство разбиралось неплохо, чем кончится война без баз, тоже представляли, поэтому и удалось их переубедить.

И еще. Все же они поторопились, делая вывод о том, что именно русские заварили эту кашу с нападениями на гражданские суда. Принцип римской юриспруденции — ищи, кому это выгодно. Так вот, русским было в последнюю очередь выгодно портить отношения с Великобританией в разгар войны. Другое дело, что они мастерски воспользовались сложившейся ситуацией и не побоялись вступить в бой с британской эскадрой, считая, что они в своем праве. Ноэл — идиот! Залезть на минное поле — это еще ухитриться надо.

Но все же, очень похоже, кто-то попросту попытался сравнить между собой Великобританию и Россию, и это ему почти удалось. Однако когда начали всерьез копать по этому направлению, выяснилось, что русские, похоже, все-таки не при чем. Ни один агент

не откопал по поводу происхождения этого корабля НИЧЕГО! Будто его и не было в природе. Зато удалось выяснить, что, по слухам, русский император пытается выйти на командира этого корабля. То есть ему, выходит, и самому неизвестно, что за корабль и с чем его едят. Получалось, что теперь надо искать совсем в другом направлении. Можно, конечно, предположить, что в России группа высокопоставленных военных играет в собственную игру, но это требует таких немыслимых допущений, что... Что поневоле приходишь к выводу: Уэллса вместе с этим лягушатником, Верном, поменьше читать надо. Серьезные боевые корабли сейчас могут строить лишь несколько стран, а никак не частные лица. Следовательно, надо попытаться выяснить, кто же все-таки решил сыграть в исконно британскую игру "Разделяй и властвуй".

А претендентов, похоже, как минимум трое — Франция, Германия и САСШ. Кому из них выгоднее? Сложно сказать. Всем троим выгодно — и всем троим невыгодно, если вдуматься.

Франция. Ей выгод меньше всего. Французы наполучали плюх от Бисмарка, лишились Эльзаса и Лотарингии и мечтают теперь о реванше. Вот только силенок у них нет. После того, как удалось разбить Наполеона, из галлов будто выдернули стержень. Они содержат немалую армию, строят хорошие, во всяком случае, на вид корабли, но вот только ратных побед им это не приносит. В последнюю войну немцы творили на море что хотели, а французы не могли им помешать. Единственный бой за всю войну — канонерка с авизо обменялись парой залпов.

А на суше тем временем маленькая немецкая армия громила французов, когда и как хотела. Так что французы сейчас унижены и жаждут поквитаться — и в то же время боятся этого. Однако англичан они не любят еще больше, хотя, если вдуматься, это родственные народы. При этом французы заинтересованы в союзе и с Британией, и с Россией — тогда у них будет реальный шанс разделаться с немцами, поэтому ослабление обеих стран, потенциальных союзниц в близящейся войне, им невыгодно. Это с одной стороны, с другой же французы несдержанны и импульсивны, легко идут на поводу у собственных эмоций, так что могли и на союз наплевать... Хотя все это может оказаться частью большой игры — столкнуть лбами, взаимно ослабить, а потом оказаться лидером во вновь образованном союзе. Возможно? Да запросто.

Германия. Вот ей очень выгодно. Поссорить Россию и Великобританию, а дальше, опять же, подождав, когда они друг друга ослабят, возможны самые разные варианты. К примеру, разбить их поодиночке. Не так уж это, скорее всего, и сложно будет. Называя вещи своими именами, как только Россия ослабнет, то ее можно сильно побить, завладеть ее судостроительными мощностями, и тогда, имея достаточное количество верфей, посоревноваться с Британией в количестве новейших кораблей. Неприятный вариант. А еще неприятнее, если они смогут с русскими договориться о совместных действиях. Варвар с варваром договариваются всегда быстрее, чем цивилизованные люди, и слово они нарушать, скорее всего, не будут. Ударят вместе! Тогда на острове точно не отсидеться — рано или поздно раздавят. Могут они, правда, предложить союз и Британии, но доминировать в нем будет уже Германия, что для Британии неприемлемо.

Минусы? Ну, минусы тоже есть. Что Германия претендент номер один — вывод, напрашивающийся сам собой. Вычислят — это как минимум испорченные отношения, удар по экономике и, в перспективе, война. К войне же немцы пока не готовы — флот слабый, армия не отмобилизована. И, что интересно, признаков мобилизации пока не наблюдается.

Это, в свою очередь, наводит на определенные размышления.

САСШ. Отличная промышленность, большое население и неудовлетворенные амбиции. Они, разумеется, могут попытаться стравить между собой великие державы, чтобы получить прибыль за счет военных поставок. Почему бы и нет? Американцы — нация торговцев, воюющих только когда им выгодно, но уж если начали, то воевать будут неплохо. Да, они могут попытаться пробиться в число ведущих держав, особенно когда остальные будут ослаблены. Вот только при этом есть опасность, что и самим придется воевать, а это невыгодно. Если же еще и война переместится на их территорию, что вполне реально, то о выгоде говорить и вовсе бесполезно — одни убытки. С учетом слабости американского флота эти расклады вполне реальны.

Правда, на американцев указывают некоторые особенности конструкции. Донесения об этом корабле противоречивы, но линейно-возвышенное расположение башен отмечалось всеми. Чисто американская конструкция, но как раз это ничего не доказывает. Применить перспективную разработку может любой, и он будет глуп, если не сделает этого. Но вот то, что этот корабль наверняка не один все равно наводит на размышления. Не может одиночный корабль так быстро перемещаться, успевая всюду, да и флот в одиночку ему не разгромить. Стало быть, эскадра... Американцы с их просторами в два счета могут построить несколько верфей, о которых просто никто не будет знать. К тому же у них, в отличие от немцев и французов, не будет проблем с организацией баз снабжения. Несколько потопленных американских кораблей — маскировка, не более. В общем, они наиболее вероятный кандидат. Проверить, разумеется, следует, разведке придется активизироваться, но к войне, похоже, готовиться все равно надо. И с русскими договориться тоже придется.

— Ну, как наши дела?

— Хаотично.

— В смысле?

— В прямом. Напряженность барьера падает, все в пределах графика, но как-то непонятно, скачками. Очевидно, наше вмешательство раскачало историю этого мира, и она становится все более непредсказуемой.

— Это радует.

— Не очень. Стабильность всегда эффективнее.

— И не поспоришь... Ладно, главное, что из графика мы пока не вываливаемся, а значит, можно спокойно готовиться к переброске.

— Первыми десантников направите?

— Нет, танкистов. "Никто, кроме нас!" — это, разумеется, замечательно, но танковые дивизии будут смотреться эффективнее, а местных надо будет впечатлить.

— Тоже верно. Аппаратуру для стабилизации перехода мы уже подготовили.

— Сколько комплектов?

— По одному на точку, а что?

— Профессор, вы — идиот. И не обижайтесь, это — диагноз. Что будет, если какая-то микросхема окажется чуть-чуть некачественно припаяна?

— Э-э-э...

— Именно. В общем, так. Время еще есть, деньги из резервного фонда я вам выделю. Чтобы было по три комплекта на переход, ясно?

— Ясно. Да, я об этом просто не подумал.

— Ничего страшного, профессор. Подобные ошибки ученые допускают постоянно. Поэтому и нужны в институтах толковые администраторы.

— Да уж... Ладно, сделаем. Тут у нас появились еще идеи по усовершенствованию оборудования.

— Стоит ли? Лучшее — враг хорошего.

— Стоит. Во всяком случае, я считаю, что возможность пробоя барьера при большей напряженности поля может пригодиться. Разница будет процентов пять-семь, не больше, но, сами знаете, иной раз и соломинка может пригодиться.

— Хорошо, деньги выделим. Делайте свое оборудование, но держите его в резерве — так, на всякий случай.

— А кстати, что у вас там опять за скандал?

— Профессор, у меня такое впечатление, что на вас эти скандалы действуют, как валерьянка на кота. Постоянно выспрашиваете.

— Ну каюсь, грешен...

— Все хохмите? Ну-ну. Да и скандала никакого, в сущности, не было. Просто в Британии во всех газетах крутили фразу их премьера о том, что у нас узник совести уже восемь лет сидит и советовали поменять законодательство.

— Совсем охамели... Они что, считают, что белые господа, а мы папуасы, которые им в рот смотрят?

— Наверное.

— И кого они так покрывать вздумали?

— Да того лесного олигарха.

— А-а... И что вы?

— Ну, я им посоветовал сидеть на своей кочке посреди болота и не вякать. Заодно уж приказал снять мораторий на смертную казнь. У него же была исключительная мера с заменой на пожизненное из-за моратория.

— А за что, кстати?

— На нем три убийства висело. Точнее, заказы на убийства, но это ничего не меняет. Одно, правда, недоказанное.

— Понятно все. Помазали ему лоб зеленкой?

— Именно. Зато сразу же весь криминал в очередной раз притих, забился в угол и дышать боится.

— Он вас и так боится, куда же дальше то?

— Для таких ублюдков страх лишним не бывает. Да и страшит не жесткость наказания, а его неотвратимость.

— Хе, на таком примере — да куда уж неотвратимее-то.

— Ну вот, хоть вы меня понимаете. Нет, я, конечно, могу ошибаться, но то, что у нас стражи порядка уже лет пять, как в семидесятые, пистолеты запросто с собой не берут, а им никто даже сопротивляться, случись что, не рискует — это уже о чем-то говорит.

— Да уж... Раньше англичане гордились, что их "Бобби" даже оружие не нужно.

— Во-во. А сейчас они стволами по самые уши обвешиваются. Как британцы теперь вопят — видать, завидно им... Но из-за этой сволочи вопят все же больше.

— Почему?

— Он с ними повязан был, натуральный агент влияния.

— А вы им в душу плюнули...

— Именно так. И нечего из себя обиженных корчить. Нет, точно, уходить будем — обижу этих общечеловеков напоследок.

Тихий океан, 1904 год

Очередной русский снаряд упал в воду и взорвался, подняв кучу брызг. Почти сразу же всплыл оглушенный ныряльщик — кровь из ушей и прочие радости жизни... Ну, это поблизости рвануло, большая часть русских снарядов не давала такого эффекта, но их было МНОГО! Того вздохнул. Деблокировать гавань не получалось — русские крейсера упорно, не жалея сил и средств, расстреливали все, что плавает и притом пытается выбраться из гавани, и потери японцев уже перешли все мыслимые пределы. Правда, по расчетам, у них скоро должен был кончиться боезапас, но вчера пришел "Цесаревич" в сопровождении трех миноносцев, а "Баян" и "Новик" ушли, скорее всего, в Порт-Артур. Теперь, в принципе, ясно, что будет дальше. Вернутся они — на базу отправится "Аскольд", вернется он — уйдет броненосец. А может, подойдут другие корабли русских... Их пытались отогнать перекидным огнем из гавани, установив на прибрежных скалах дальномерный пост и протянув к нему телефонные провода. Не помогло — точность при такой стрельбе была низкой, к тому же русские лихо маневрировали. За все время они получили лишь одно попадание двенадцатидюймового снаряда в "Баян", но видимых повреждений ему фугас не нанес. Пожар на русском крейсере, конечно, случился знатный, но корабль легко вышел из зоны действия японских орудий, справился с огнем, а потом вернулся и продолжил обстрел. Разумеется, от вынужденного маневрирования они тоже часто промахивались, но могли позволить себе компенсировать недостаток точности количеством выпущенных снарядов. Японский флот, имея по боекомплекту на орудие, подобной роскоши позволить себе уже не мог. В любом случае, время упущено.

Войну можно было считать оконченной, и заканчивалась она, как нетрудно догадаться, не в пользу Японии. Да, формально мир еще не был подписан, но все понимали — даже если не подпишут, все останется, как есть. Только в первом случае Японии просто будет запрещено строить новые военные корабли, а старым выходить из территориальных вод, армия будет ограничена пятьюдесятью тысячами человек, военную промышленность ликвидируют, плюс колоссальные репарации. Русские уже озвучили эти условия в открытой печати. Во втором будет еще хуже, потому что русские добьются, чего захотят, просто высаживая десанты и беря под свой контроль острова. Великобритания не будет им мешать — и не может, и, по-видимому, не хочет. Означает это только одно — Японию списали со счетов.

А с другой стороны, куда деваться? Армия генерала Куроки сдалась накануне — русские загнали ее к морю, блокировали и, отрезав от снабжения, начали ждать, пока японцы не сдадутся или не перемрут от голода. Попытки разрубить "русское кольцо" оказались безуспешными — у Куроки оставалось слишком мало сил, а нанести деблокирующий удар извне и вовсе было нечем. Однако тактика выжидания оказалась порочной. Японцы — народ упрямый, это не мгновенно вспыхивающие и точно так же быстро теряющие волю к победе турки, против которых тактика измора, которую так любил применять Кутузов, была сверхэффективна. Даже то, что вокруг была абсолютно бесплодная земля, японцев не сломило. Однако вскоре, поняв, что процесс затягивается, русские изменили тактику. Сухопутное начальство в кои-то веки, не без помощи Алексеева, договорилось с моряками, и к месту событий подошел русский броненосец.

Все же "Севастополю", видимо, на роду было написано воевать больше всех и лучше

всех. Его повреждения в предыдущем сражении, где он утопил, вернее, добил целых два вражеских броненосца, были совсем невелики, подлатали его быстро, и теперь Макаров послал именно его. Все равно для блокады японской базы этот тихоходный корабль подходил неважно, а вот обстрелять побережье его шести- и двенадцатидюймовые орудия годились вполне. Для этой цели с корабля были выгружены практически все бронебойные снаряды, благо нарваться в море на равного противника было затруднительно, а их место заняли фугасы. Конечно, русский фугас, снаряженный пироксилином, был не столь эффективен, как японские, но для тех, кто засел на берегу, хватит. Да и то сказать, эффективность — понятие относительное. Дождь мелких, с ноготь, осколков после взрыва японского снаряда — это гарантированная куча раненых и, если верить статистике, не так уж много убитых. Русский осколок с ладонь величиной — это смерть или увечье тому, в кого он соизволил попасть. Учитывая общую слабость медицины и проблемы с медикаментами, для японцев последствия становились еще хуже. Психологически, впрочем, японские снаряды были внушительнее, наверное, так на так и выходило, но принципиально ничего не менялось.

После того, как "Севастополь" отстрелялся, его место занял "Петропавловск", затем "Полтава", а когда снова пришел "Севастополь", то генерал Куроки решил не дожидаться, когда он откроет огонь. После того, как его армия сложила оружие, сам генерал и часть его офицеров совершила сеппуку, все же для истинного самурая честь важнее жизни. Однако это уже ничего не меняло, боевые действия на континенте прекратились, а у русских остались колоссальные, готовые к бою силы. Их солдаты приобрели за это время серьезный боевой опыт, и теперь даже сама идея сопротивления им выглядела не очень убедительно. Больше того, русские уже заняли Курильские острова. Конечно, захватить голые скалы, не имеющие серьезной ценности, довольно просто, но ясно же, что эта операция — всего лишь репетиция более серьезных десантных операций. И, кстати, отдавать захваченное Российская империя уж точно не будет. Еще со времен Александра Второго, после колоссальных потери на Шипке и откровенного предательства болгар впоследствии, у них был очень простой принцип: на чужой земле русский солдат воевать не будет. С тех пор то место, где ступала нога русского солдата, немедленно становилось российской же территорией.

И, что самое неприятное, подвоз в Японию товаров извне практически прекратился. Обнаглевшие от безнаказанности после гибели "Ивате" русские крейсера топили или захватывали все, что шло в Японию, а британцы, очевидно, не желая еще раз получить по ушам, им не препятствовали. Вдобавок, страховые сборы увеличились в разы, и поставки стали попросту невыгодными. Экономика островного государства задохнулась в один миг, проиллюстрировав, кстати, тем же британцам, чем для них чреват серьезный конфликт с теми, кто не побоится их потрошить. Вдобавок, шмыгавшие то здесь, то там вспомогательные крейсера русских буквально уничтожили японский рыболовный флот. Начинался голод, и предотвратить его у зажатой в тисках блокады Японии возможностей не было.

И все же Того продолжал упорно тралить мины, стараясь вырваться из ловушки, в которую превратилась его база. Он хорошо понимал одну простую вещь: флот в море — это аргумент на переговорах, а значит, и шанс добиться смягчения условий мира. Однако успехи были минимальны, и даже если вот сейчас русские корабли развернутся и уйдут, останется еще много долгой, тяжелой и нудной работы...

Адъютант, видя, что адмирал задумался, все же рискнул привлечь его внимание, вежливо кашлянув. Того повернулся, принял из его рук пакет, прочитал... Потом прочитал

еще раз, отказываясь верить собственным глазам, и положил бумагу на стол. Ну, вот и все. Русские сделали то, что еще недавно собирался сделать он сам — под прикрытием двух броненосцев на остров высажен десант, не менее дивизии, и корабли продолжают прибывать. В числе выгруженного отмечено несколько тяжелых гаубиц. Теперь они расстреляют японский флот в гавани, это дело времени. Пожалуй, сеппуку после этой войны придется сделать не только Куроки.

"Мурманск", 1904 год

Итак, неудача. Как еще можно объяснить тот факт, что британцы не отреагировали на брошенный им вызов? Ограничились тем, что прислали в Гонконг пару броненосцев — и все! Говорить это могло только об одном — воевать с русскими, во всяком случае, на этом театре, они не собираются. Похоже было, что удар по Вейхавею их напугал, и Плотников вынужден был признать, что на этот раз он перестарался.

Что неприятно, информационное поле здесь было крайне слабым. Радио здесь использовали по минимуму и только морзянкой, вся более-менее важная информация шла или телеграфом, или курьерами. Соответственно, хрен что узнаешь достоверно, пришлось импровизировать.

Трое морпехов, заброшенные в Гонконг, вернулись с целым ворохом газет. Забрасывали их ночью, вертолетом. Собственно, можно было и днем, тем более что случайного обстрела бронированная камовская машина не боялась, но тогда — прощай секретность. По той же причине разведчиков высадили в двадцати километрах от города, в безлюдной местности, и до города они добрались как раз к утру, злобно матерясь сквозь зубы. Не то чтобы тренированным морским пехотинцам этот марш-бросок был сложен, их готовили и не к такому, но, во-первых, на борту корабля за несколько месяцев они малость обленились, а во-вторых, само путешествие по местным джунглям, сырым и кишачим всякой дрянью, хорошего настроения не добавляло.

Тем не менее, до города они добрались, и одежду местную раздобыли быстро. Даже не убили никого — слегка оглушенные и грамотно связанные жертвы экспроприации с комфортом разместились в небольшом заброшенном подвальчике под охраной одного из разведчиков. Двое других некоторое время болтались по Гонконгу — слушали, смотрели, в общем, собирали информацию. Самым сложным при этом оказалось скрыть неистребимый славянский акцент и некоторую бедность языка — все же готовили эту троицу не для такого рода разведки, а для силовых акций и экстренного потрошения "языков".

Тем не менее, внимания местной полиции удалось избежать — все же неважно одетые мужчины вполне европейской наружности подозрений не вызывали. В порту стояло не менее десятка гражданских судов, с которых мог сойти на берег кто угодно, да и здесь европейцев хватало. Зато в один прекрасный момент разведчики обнаружили за собой слежку, свернули в переулок, а там их попытались банально ограбить местные китаезы.

Ну, попытались — значит, попытались. Как оказалось, хваленое у-шу ничего не стоит против армейского рукопашного боя, да и пистолеты с глушителями несколько превосходят по эффективности ножи, кастеты и прочую уголовную экипировку. Оставив шесть быстро остывающих трупов (местные сами приберут — им лишние неприятности из-за чужих разборок ни к чему), разведчики вновь занялись основным заданием и преуспели. Ну а вечером они спокойно вернулись на место высадки, откуда их забрал вертолет.

Судя по тому, что писали в газетах, войны не ожидалось. Правда, тон статей, в зависимости от даты выпуска (разведчики не поленились и перед уходом ограбили местную библиотеку, забрав подшивки газет), изменялся достаточно сильно. Вначале, еще до того, как Макаров разгромил британскую эскадру, они были сдержанно-недоброжелательными. Сразу после разгрома — резкими до нереальности. Газетчики чуть ли на визг не срывались, накачивая общественное мнение, однако потом настроения переменились резко. После

разгрома Вейхавея, удостоенного не более чем пары строк, абсолютно не отражающих ситуацию и вскользь упоминающих о происшедшем, как о малозначимом инциденте, истерия резко пошла на спад. Похоже, что корреспондентам скомандовали "Фу!". То ли Британия испугалась, то ли еще что, но война против России в ближайшее время явно не планировалась.

Зато пошла другая волна, на сей раз непосредственно против "Мурманска" и его бравого экипажа. Британцы требовали немедленно покарать пирата, устраивающего нападения на мирные корабли в Тихом океане и провокации с целью поссорить союзные державы. Британцы — союзники... Нью-нью. С такими союзниками врагов не надо. Прав был итальянский сказочник: "Спаси меня, Боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь и сам избавлюсь". Тем не менее, формально — да, с Российской империей они были в союзе. Впрочем, очень уж странно британцы понимали слово "союз".

Однако вот насчет поймать и покарать — это они что-то сильно загнули. Корабль с ядерным оружием на борту, неограниченной дальностью плавания и прочими веселыми примочками вроде скорости и сверхдальнобойных орудий... Ну, оптимисты, чего уж там. Хотя, конечно, вряд ли они представляли, кто им противостоит, отсюда и абсолютно необоснованная уверенность в собственных возможностях. Действительно, загнать, как волка, одиночный корабль местной постройки, даже первоклассный, но привязанный к базам, вполне реально. Тем не менее, в одиночку охотиться британцы, похоже, не жаждали, пытаясь подписать на это весь мир. Весь мир с готовностью подписывался — ну разумеется, они же знают, что ни при чем. Вот только с реализацией как-то тускло выходило. Все же медленно здесь жили, не умели, как в более поздние времена, с вечера принять решение, а к утру уже бомбить. Пока еще раскачаются, пока приведут флоты в боевую готовность... К тому же на Тихом океане ловить получалось не везде — русские, хоть и неофициально, уже предупредили всех, что лезть в зону боевых действий чревато, и за последствия ответственность они не несут. Вероятно, разгром британской эскадры добавил им уверенности в себе, а решительные действия Макарова и результат конфликта заставил соседей быть осторожнее, и к такого рода предупреждениям относиться со всей серьезностью.

Тем не менее, все это было интересно, но Плотникова заботило мало. Точнее, не заботило вообще. Ну, будут его вначале долго и мучительно искать, а если найдут, что вряд ли, так же долго и мучительно гоняться. А самое смешное, что если все же догонят — им же хуже. Как говорится, правильный ответ на вопрос, что вы будете делать, если в ваш корабль попала атомная бомба, всего один — испаряться...

Гораздо хуже было то, что теперь надо было все начинать сначала. То, что с ним не выходило на связь, означало только одно — переход его сограждан сюда еще не начался, то есть барьер сломан не был. А времени, кстати, оставалось совсем мало, и надо было поторопиться. Британцев задевать было, похоже, бесполезно — ну, разнесет "Мурманск" Гонконг, не так уж это и сложно, корабли в гавани перетопит, а что дальше-то? Вероятнее всего, британцы будут вопить, но и только, никаких глобальных рывков не последует. Оставался аварийный вариант...

Одно было хорошо — теперь можно было получать информацию более-менее оперативно. К кабелю в Гонконге разведчики прицепили маленькое, несложное и абсолютно безобидное устройство, задачей которого была ретрансляция всего, что передают по телеграфу, на крейсер. С дрянной овцы, что называется, хоть шерсти клок. Вообще, это

надо было сделать давно, еще в самом начале операции, ну да умная мысль приходит опосля. Получилось это, впрочем, не из-за замедленности мышления, а от ложного ощущения собственного всемогущества. Ошибочного, как оказалось — операция не напоминала легкую прогулку, которой виделась вначале. Зато теперь можно было более-менее отслеживать происходящее в мире, а не тыркаться, как слепой котенок. Плюсы от этого перевешивали возможные бонусы от уничтожения Гонконга, и это было еще одной причиной, по которой британская база не прекратила своего существования.

Теперь путь "Мурманска" лежал совсем в другие воды. Западное побережье Северной Америки — вот, что интересовало его экипаж.

Порт-Артур, 1904 год

В Порт-Артуре бастовали рабочие. Не все, разумеется, но все же бастовали. По закону военного времени бастующих можно было и арестовать, но пока что старались просто оградить их от контактов с другими рабочими, переселив всех в отдельную казарму. Рабочие, которые находились здесь с начала войны, не скрываясь обещали, как только все кончится, набить предателям морды, те в долгу не оставались, называя выходящих на работу штейкбрейхерами. Те из вновь прибывших, кто не участвовал в забастовках, оказались меж двух огней — их ненавидели бастующие, на них с подозрением косились старожилы. Вдобавок, в пороховом погребе "Пересвета" обнаружили адскую машинку. Совершенно случайно обнаружили — один из матросов решил прикорнуть в неурочное время, и нашел местечко поукромнее. В результате получил георгиевский крест и три часа под ружьем, а матросы на всех кораблях перетряхнули каждое помещение, причем и новички, и старики работали с одинаковым энтузиазмом — понимали, что им на этом корабле идти в бой и, случись что, тонуть вместе с ним. Да и вообще, в городе было беспокойно. В одной из подворотен нашли забитого до смерти матросскими ремнями человека, а при нем — кучу листовок явно революционного содержания. Вот только опознать этого человека не смогли, что в маленьком городе, где все друг друга знают, выглядело довольно странно. Стреляли в генерала Стесселя, причем убийца, работавший из винтовки с сотни сажень, так и не был найден. Ушел, и оружие унес, и никто в набитом вооруженными людьми городе не обратил на него внимания. Сам генерал скончался в больнице два часа спустя, и нельзя сказать, что по этому поводу сильно переживали. Была даже версия, что стрелял кто-то из солдат или даже из офицеров — генерала в Порт-Артуре не любили. Готовилось покушение на Алексеева, но тут уж повезло — бомба, которую делали в одном из домов, взорвалась, не дожидаясь, когда ее соберут до конца. Дом был крепкой постройки, так что кроме тех, кто в нем находился, никто не пострадал, разве что у соседей повышибало стекла. Радости они, конечно, не испытывали, но тоже понимали, что все могло кончиться куда хуже, поэтому на судьбу особо не роптали.

Единственного выжившего взяли в оборот жандармы. Однако он умер в госпитале, установить смогли, что он — член ячейки эсэров, причем мелкая сошка. Правда, видовая принадлежность погибших уже давала жандармам возможность действовать, по Порт-Артуру прошли облавы, кое-кого поймали, кое-кого пристрелили. Потом, разумеется, выпустили тех, кто подвернулся под горячую руку, но все же революционеры на время притихли. Нет, конечно, худа без добра — взяли пару японских шпионов, заодно местных урок массово пересажали, так что работали не зря, но все равно результаты были скромными.

Самым неприятным звеном оказалось покушение на самого Макарова. Стрелял в него человек, одетый в пехотную офицерскую форму со знаками различия штабс-капитана. Правда, к армии, как позже удалось выяснить, он не имел ни малейшего отношения. Тем не менее, взять его живым не удалось — матросы, которых на улице оказалось много, отреагировали с завидной скоростью, и неудачливого убийцу просто затоптали. Макаров получил легкое ранение в левое плечо, а вот капитан второго ранга, с которым он в тот момент разговаривал, после первого выстрела успел закрыть собою адмирала, получил пулю в легкое и, хотя операция, проведенная в госпитале Порт-Артура, прошла успешно, выживет

ли он, оставалось под большим вопросом. В общем, в Порт-Артуре наступили не самые лучшие времена.

Пожалуй, единственными, кто извлек для себя выгоду из ситуации, были жандармы. Пока инакомыслие и словоблудие вкупе с антивоенными митингами шли где-то там, далеко, и непосредственно на ходе боевых действий вроде бы не отражались, то на господ революционеров и плевать-то хотели с высокой колокольни. Умом-то разумеется все понимали, что каждый несделанный снаряд может оказаться именно тем, которым ты должен был утопить вражеский броненосец, но доводы разума, как правило, проходят мимо сознания. Проще говоря, "нам нужны снаряды, а как вы их получите — ваши проблемы". Толика здравого смысла во всем этом была, когда солдат воюет, ему и без того хватает забот, и незачем забивать голову глобальными проблемами. Есть люди, которым положено этим заниматься — вот пусть и работают, им за это деньги платят, а на фронте человек и без того каждую минуту по краю ходит. Поспорить с этим сложно, вот только наступает момент, когда правила перестают работать.

Офицеры вообще и морские в частности очень не любили жандармов. Жандарму попасть на корабль — это было немыслимо. Однако вот незадача, если на корабле рванут погреба из-за того, что не было под рукой профессионала, который предотвратил бы установку бомбы, то капитану будет легче от осознания соблюдения флотских традиций? Это при условии, что его сразу не распылит на атомы. В общем, офицеры скрипели зубами, но в открытую противиться приказу Макарова о назначении на каждый броненосец и каждый крейсер по жандармскому офицеру не рисковали. Правда, отдельная проблема была с самими жандармами — у них был острый дефицит кадров, особенно сейчас, когда в центре России начинался бардак, однако на броненосцы людей наскребли и прислали, да и на крейсера обещали в ближайшее время подобрать кого-нибудь.

Таким образом, пусть и заработав недовольный ропот среди офицеров, Макаров сумел хотя бы отчасти решить вопрос противодействия диверсиям, на десятилетия предвосхитив идею создания особых отделов. Ропот, кстати, тоже быстро стих — жандармское начальство тоже состояло не из дураков, там понимали, что второго случая официально распространить свою деятельность на флоте может больше и не представиться, поэтому прислали туда действительно лучших. Тех, кто умел не только бороться с бомбистами, но и хорошо налаживать контакты с другими, пускай и ненавидящими их людьми. Притирка, конечно, шла очень сложно, но особых эксцессов не наблюдалось. Правда, и прогресса тоже — ровно до тех пор, когда один из представителей "лазоревого мундира" не нашел взрывчатку, замаскированную под кусок угля. Точнее, не нашел, а поймал за руку человека, который пытался ее подбросить во время погрузки топлива на броненосец "Петропавловск". Что случилось бы, рвани она в топке во время боя, объяснять никому не надо было, а на вопрос, как он вычислил диверсанта, жандарм лишь пожимал плечами и объяснял, что помнит в лицо всех, кто служит на корабле и всех, кто должен был быть на погрузке, а увидев незнакомую физиономию, начал наблюдать за ним чуть внимательнее.

Такой профессионализм вызвал и удивление, и уважение, и "Петропавловск" стал первым кораблем, на котором жандарма пригласили в кают-компанию. На других кораблях притирка шла сложнее, но, в общем-то, тоже проблем оказалось меньше, чем ожидал Макаров — революционеры успели надоесть всем очень быстро, и большинство офицеров предпочли выбрать меньшее зло.

Вполне логичным продолжением оказалось то, что революционный дух стал

выветриваться и из матросских голов. Одно дело слушать и соглашаться с простыми и понятными доводами агитаторов, и совсем другое погибнуть в бою из-за того, что кто-то из них организовал диверсию на твоём корабле. Что отвертеться от похода не получится, тоже быстро стало ясно, и революционные настроения быстро пошли на спад — умирать за чужие идеи никто не желал. После того, как одного из таких агитаторов, студента из Вильно, направленного в Порт-Артур тамошней революционной ячейкой под видом корреспондента газеты сами же матросы вначале отмудохали до полусмерти, а потом сдали в участок, стало ясно — ситуация начала выправляться. И все же обстановка в городе была по-прежнему далека от идеала.

Однако даже при таких раскладах Макаров продолжал действовать в своей обычной манере — быстро и решительно. Да, два броненосца оставались небоеспособными, но эти корабли были самыми слабыми в его эскадре и погоды, в общем-то, не делали. Вступивший, наконец, в строй "Цесаревич" в одиночку был почти равен им обоим. Три наиболее старых и тихоходных корабля эскадры имели относительно незначительные повреждения и были введены в строй в кратчайшие сроки, после чего все силы были брошены на ремонт "Ретвизана". Тут было сложнее, правый борт корабля англичане покорежили основательно. Хорошо еще, что заплатка на пробое выдержала и отваливаться не собиралась. Словом, быстро корабль в строй было не ввести, хотя, с другой стороны, четыре боеспособных броненосца и три броненосных крейсера, работающие сейчас на японских коммуникациях, плюс еще один на дежурстве у японской базы были, в любом случае, силой, с которой надо считаться. Обходиться без одного из сильнейших кораблей тяжело, но можно, поэтому Макаров не особенно переживал. Сначала приведут в порядок "Ретвизана", потом займутся рейдерами... "Диане", скромно стоявшая у причала, похоже, предстояло проторчать в гавани всю войну — вряд ли до нее дойдут руки, да и не столь уж она ценная боевая единица. Вооружение слабое, скорость всего девятнадцать узлов... В общем, ремонтировать ее предполагалось в последнюю очередь, что при образовавшейся из-за забастовки нехватке рабочих рук ни к чему хорошему для крейсера не приводило.

Понимая уязвимость собственных сил из-за того, что имел теперь лишь четыре корабля линии, Макаров стремился как можно дольше удерживать японцев запертыми в базе и, по возможности, уничтожить их, не подвергая риску свои основные силы. С этой целью, совместно с генералом Кондратенко, им была разработана дерзкая операция. Роман Исидорович, человек, без сомнения, талантливый и решительный, идею Макарова о десанте и обстреле японцев с тыла поддержал. Для этой цели он предложил использовать имеющиеся в Порт-Артуре девятидюймовые мортиры, восемь из которых предполагалось перебросить на остров и установить в пределах досягаемости японской базы. С одной стороны, особой точностью эти орудия не отличались, с другой же, даже один летящий по навесной траектории снаряд способен был нанести любому броненосцу тяжелейшие повреждения, ибо его удара не выдержала бы броня ни одного из стоящих там японских броненосцев.

Сил в наличии было вполне достаточно, равно как и транспортных кораблей. Последних вообще было в избытке после того, как крейсера начали безбоязненно действовать на японских коммуникациях и приводить во Владивосток и Порт-Артур трофеи. Начать операцию немедленно помешала лишь настоятельная просьба Алексеева о бомбардировке с моря войск генерала Куроки, блокированных на побережье. Нельзя сказать, что Макаров был от этого в восторге, но, с другой стороны, и отказывать Алексееву не хотелось. Пока что они,

неплохо сработавшись, уверенно дополняли друг друга, так что Макаров, скрепя сердце, приказал бомбардировать японцев. Однако, как только армия Куроки была поставлена на колени, операция по высадке десанта развернулась немедленно. Вдобавок, удалось вытрясти у Куропаткина три тысячи казаков, благо армия свою задачу уже выполнила. Куропаткин, собственно, и не протестовал — ведь на его просьбу о помощи флот отреагировал адекватно, а благодарным военный министр быть умел. Вдобавок он отправил еще около десяти тысяч человек, благо перехватить русские корабли никто бы уже не смог.

Самым тяжелым оказалось демонтировать с береговых батарей, разобрать и погрузить на корабль те самые мортиры, однако русские в очередной раз продемонстрировали, что с трудностями справляться умеют, а с помощью кувалды и такой-то матери и вовсе могут творить чудеса. В результате у стен вражеской крепости оказалось одновременно более двадцати тысяч человек и осадная артиллерия, и остановить этот каток у японцев было просто нечем.

Быть президентом — великая честь и великая ответственность. А еще быть президентом — колоссальная выгода. Теодор Рузвельт понимал это с самого первого дня, когда задумался о карьере политика и начал восхождение во власть. Еще он понимал, что политика — это искусство компромиссов и вообще дело грязное, не обманывая себя.

Рузвельт был умен, иначе не добрался бы до таких высот, не боялся никакой работы, даже самой, казалось бы, неблагодарной. Два года быть шефом Нью-Йоркской полиции и два года же губернатором Нью-Йорка — это не фунт изюму. И в личной храбрости ему было не отказать, в испано-американской войне он воевал, и воевал храбро. Словом, это был умный, смелый, жесткий человек, умеющий принимать решения и претворять их в жизнь, аккуратно проводить реформы и грамотно работать со средствами массовой информации, а главное, готовый только побеждать!

Что интересно, президентом, да еще самым молодым за всю историю САСШ (на тот момент ему не было еще и сорока трех лет), он стал практически случайно. Его предшественник, Уильям Маккинли, в команде которого Рузвельт стал вице-президентом, погиб в результате покушения и, как и положено по конституции, Рузвельт занял его место. Он активно работал над тем, чтобы вывести Америку в число мировых держав, отказываясь от традиционной для нее политики изоляционизма, и у него получалось практически все, за что он только брался. Вот только сейчас этот умный, сильный и всегда знающий, чего он хочет добиться, человек пребывал в некоторой растерянности.

Рузвельту не нравилось, что происходило в стране. Точнее, не то, что происходило в самом государстве, а что творили в нем иностранные, в основном, британские агенты. С недавнего времени произошла резкая активизация их деятельности, причем они упорно лезли туда, где их видеть хотелось бы в последнюю очередь — в военное министерство, на верфи, которые строили боевые корабли, на крупнейшие заводы. Президенту это не нравилось совершенно — он был слишком умным человеком, чтобы верить заверениям британского посла в полной дружелюбности их намерений. Рузвельт прекрасно знал, что островитяне живут исходя только из собственных интересов, при этом интересы у них постоянные, а вот друзья меняются, как перчатки. Выводы из такого их отношения ко всему миру американский президент сделал однозначные: если британцам будут нужны САСШ, они готовы на словах обещать ему что угодно. И так же легко они предадут, когда выгодным станет предательство. Рузвельт не любил британцев. Остальных он, кстати, тоже не любил, для него важна была только его страна и ее интересы.

Вообще, в последнее время мир начал меняться стремительно, и САСШ вписывалось в новые темпы, пожалуй, лучше других. Этому способствовали и ее промышленный потенциал, и общая энергичность молодого, только что сформировавшегося народа. Все хотели быть лидерами, подняться на вершину мира, они соперничали между собой, а жесткой, застывшей на века иерархией, как в странах Старого Света, еще не сформировалось. Те слишком привыкли, что они сильнейшие, и только от них зависят судьбы мира, поэтому таким шоком стал для Европы молниеносный разгром Испании. И ладно бы только разгром — САСШ наложили лапу на испанские колонии, и, хотя многие "старые" державы активно протестовали, вмешаться никто не осмелился. Именно тогда американцы и поняли, что с ними можно соперничать на равных. Теперь САСШ строила мощный флот,

модернизировала армию и, по всем прикидкам, скоро должна была подняться на уровень, позволяющий на равных разговаривать с кем угодно.

Война Японии с Россией была для САСШ одновременно и неприятна, и выгодна. Неприятна тем, что происходила относительно недалеко от самих САСШ, однако именно что относительно — океан щитом прикрывал страну от возможных неприятностей. Да и потом, кого бояться? Американский флот тоже неплох, а узкоглазые в свое время получили в зубы достаточно, чтобы не рисковать повторением конфликта. Русские же интересов в Америке, которые стоит решать силой оружия, просто не имеют, их больше интересует торговля, что САСШ, страну, в первую очередь, заинтересованную в бизнесе, устраивает.

Выгоды же от этой войны были видны невооруженным глазом. Воюющим странам всегда многого не хватает, и они готовы покупать то, что им нужно, платя за это сумасшедшие деньги. Правда, тут вступает в силу закон о контрабанде, но САСШ — свободная страна, в которой живут свободные люди, и если кто-то на свой страх и риск хочет заниматься торговлей, то американские правоохранительные органы не могут этому препятствовать.

В общем-то, ожидания оправдались. Правда, когда русский рейдер начал топить всех подряд, то под горячую руку попала и пара американских кораблей, ну да они, теоретически, к государству не имели никакого отношения. Да и рейдер тот работал без флага, так что официально русским предъявить было вроде как и нечего. Обидно, конечно, но, с другой стороны, не стоило раздувать скандал. К тому же сейчас русские, явно побеждая, начали перехватывать вообще всех. Ну и что с того? Просто корабли, которые раньше везли военную контрабанду в Японию, стали везти ее в Россию, и русские к этому относились вполне доброжелательно. Особенно их интересовал качественный уголь, и сейчас американские пароходы возили кардиф в Порт-Артур и Владивосток. Платила Россия неплохо, и всех такое положение вещей устраивало. Ну а Япония... Да кто бы сомневался в том, что этих макак перетопят. Все-таки белый человек — это белый человек, а все остальные — они вроде как и не совсем люди.

А еще радовали проблемы, возникшие у Британии. В САСШ слишком многие считали что зажавшиеся островитяне, не имеющие за душой ничего, кроме гигантского флота и былой славы, диктуют свои условия всему миру. Точнее, на мир американцам было наплевать, но то, что Великобритания начинает мешать Америке, было уже хуже, и то, что британцы в какой-то степени родственники, для жителей Нового Света мало что значило. Поэтому, когда британцы сцепились с русскими и получили по мозгам, это было встречено со сдержанным одобрением. Британский лев оказался отнюдь не так грозен и несокрушим, как принято было считать, к тому же ослабление влияния Великобритании на Тихом океане давало возможность САСШ активнее представлять собственные интересы в этом регионе.

На призыв Британии покарать дерзкого пирата, который уничтожил несколько якобы мирных кораблей, правда, САСШ откликнулись сразу. Не то чтобы он им мешал, но пока что политические соображения требовали вести себя именно так. Ничего личного, просто бизнес. Правда, участвовать во всем этом Рузвельт предполагал, скорее, формально — во-первых, раз его стране действия наглеца не мешают, то нечего и силы тратить. Можно пару крейсеров послать, но не больше — учения проведут заодно. Ну, разрешить охотникам из других стран при нужде бункероваться и ремонтироваться в американских портах, не бесплатно, конечно. Но, кроме во-первых, было еще и во-вторых, и Рузвельту оно категорически не нравилось.

Президент не считал себя военным гением, но и профаном ни в военном, ни в морском деле тоже не был. Должность обязывала — заместителем военно-морского министра просто так не становятся, и он вполне мог оценить действия неизвестного рейдера. По всему выходило, что тот был как минимум не один.

Это британцы могут, ослепленные гордыней, упустить нюансы, они там друг друга по древности рода оценивают, а не по мозгам, но президент САСШ, человек, сделавший себя сам, обязан думать и замечать несообразности. А они были, и было их много. Рузвельт понимал, что построить корабль, имеющий такую скорость, сложно, но вполне возможно. Нет ничего невозможного в этом мире, пускай они там, в Старом Свете, обосновывают, почему нельзя добиться результата, а американец поставит себе цель, и будет думать, как ее достичь. Исходя из этого, выходило, что добиться можно чего угодно. Держа под контролем новинки кораблестроения, Рузвельт был наслышан об опытах с паровыми турбинами. Правда, о том, чтобы их ставили на корабли размерами больше миноносца, он не слышал, но это ничего не значило. Мало ли, что мы слышали — целенаправленно этими вопросами он не занимался. К тому же, возможно, кто-то смог в очередной раз усовершенствовать паровую машину. Ничего, кстати, невозможного в том нет, их уже больше ста лет совершенствовали, могли и еще чего-то изобрести да лишний клапан куда-то ввернуть. А ведь даже с уже существующими машинами были крейсера, дающие двадцать три или двадцать четыре узла, так что, очень постаравшись, еще узлов пять к этому добавить можно. Другое дело, кто построит такой корабль? Россия? Не смешите, наука у русских вполне на уровне, но при этом технологии далеко не самые передовые и корабли они строят далеко не самые лучшие. К тому же их верфи известны наперечет, и то, что на них строится, отслеживают все, кому не лень. Немцы? Эти могут, конечно, но их корабли прочные, надежные, однако не слишком скоростные. Хотя, конечно, могут и извратиться. Французы — те еще экспериментаторы, тоже могут. Вот только им самим, что немцам, что французам, туда лезть не с руки, а построить такой корабль и передать либо подарить (что уже сомнительно) русским в тайне вряд ли получится, не говоря уж о том, что верфи этих стран тоже на виду. И нечего рассказывать о секретных верфях на дальних, заброшенных островах, такие фантазии простительны для Жуль Верна, но он-то, Теодор Рузвельт, хорошо понимает простую вещь: корабль — это не продукция одного завода. Современный корабль — самый сложный механизм, он — продукт кооперации разных отраслей, а значит, сохранить его строительство в тайне попросту нереально. И кто у нас оказывается под подозрением? А получается, что подозреваемый-то один, и он громче всех вопит о своем возмущении. Британия, играющая в свои вечные игры, кто же еще. У них на острове можно построить что угодно, кораблестроительные мощности там даже избыточные, и всерьез их контролировать не сможет никто. Другое дело, зачем им это? А Бог их знает. Может, хотели получить формальный повод напасть на русских, может, еще что-нибудь, но пока что британцы выглядят первыми в списке подозреваемых.

И самое-то главное даже не в этом. Корабль прочесывал океан не хуже гребенки. Как это возможно, интересно? Океан велик, с мостика корабля видно не так и далеко, а грузовые корабли перехватывались с завидной регулярностью. Вывод: или потери в кораблях — британская выдумка, что очень хорошо сочетается с гипотезой о принадлежности рейдера, или на нем заранее знали, по каким маршрутам пойдут те или иные корабли. Также, кстати, для британцев узнать не сложно. Но самым правдоподобным представляется вариант с несколькими кораблями, которые и впрямь могут вести охоту, перекрывая большую

акваторию. Еще больше подтверждают это результаты налета на японскую базу. Ни один корабль, сколь бы хорош он ни был, в одиночку половину флота не утопит. Слухи о дальнобойных орудиях, бьющих без промаха на немыслимые расстояния, можно считать преувеличением напуганных людей — он-то знает, что пока нет технологий, позволяющих произвести такую артиллерию. Значит, все же эскадра, и это тоже наводит на мысли о британцах.

И теперь снова появляется вопрос: а зачем им это надо? С русскими поцапаться? Так ведь поцапались уже и почему-то спустили дело на тормозах. Японцев вначале загнать в долги, а потом подставить и превратить в доминион? Возможно, только зачем тогда продолжать уже закончившуюся, причем закончившуюся успешно операцию? Не-ет, мелкогато все это для Великобритании, цели у них просто обязаны быть куда глобальнее.

Подобные мысли были у президента САСШ далеко не первую неделю, и то, что он не мог понять логику британцев, очень сильно портило ему настроение. Он вообще не любил ситуацию, когда чего-то не мог понять. Тем не менее, при скудности имеющейся у него информации оставалось только ждать, чем он, собственно, и занимался.

Бесшумно вошел темнокожий слуга, вышколенный так, как и его предки. Да, рабство отменено, но рабы, пусть даже их никто так не называет, остались. Впрочем, это даже хорошо... В руках негр держал небольшой серебряный поднос с единственным конвертом.

— Вам срочный пакет, масса Теодор.

— Положи на стол, Том, и можешь идти.

— Спасибо, масса Теодор, — и слуга испарился так, будто его и не было. Его хорошо вышколили и он знал, что нельзя надоедать хозяину.

Рузвельт взял пакет, аккуратно вскрыл его и прочитал послание. Ну вот, кажется, все становится на свои места, и на кого направлен удар британцев тоже известно. Незвестный корабль только что подверг бомбардировке Лос-Анджелес.

Итак, все просто, как никогда. Вначале внушить всему миру, что русские — варвары, ведущие бесчеловечные войны. Потом под шумок фактически подмять под себя Японию, а заодно преподать русским урок. Не получилось? Ничего страшного, общественное мнение уже создано. Осталось только внушить кому-то, что русские на них напали — британцы любят воевать чужими руками. Европейские страны слишком близко от Британии, и если обман раскроется, то островитянам придется несладко, вот они и выбрали в качестве пушечного мяса американцев. Мол, и потупее они, и, случись что, их отделяет от Британских островов океан... Ну что же...

Президент встал, машинально скомкав в руке бумагу. Потом посмотрел, положил ее на стол и аккуратно расправил — нет, пускай она останется в архиве, для потомков. Американцы не такие дураки, как думают некоторые, чьи мозги заторможены давящими на них титулами. И не так уж они и слабы, чтобы прощать такое. Пора преподать британцам урок, а уж он, Теодор Рузвельт, сделает все, чтобы он им запомнился надолго.

Возможно, эти мысли американского президента так и остались бы мыслями разгневанного политика, а последствия ограничились бы приведением флота в боевую готовность и резкими нотами всем соседям, однако бомбардировка далеко не самого значимого города США была лишь началом. Следующим шагом оказалась массовая эпидемия свинцовых отравлений среди очень влиятельных в Америке людей. И, вот незадача, почему-то ни Ротшильды, ни Рокфеллеры, ни прочие Морганы не привыкли, что в них стреляют, и им это показалось обидным. Кстати, именно Морганы, как ни странно,

оказались на высоте — видать, кровь пра-пра-прадеда взыграла. Когда пуля пробила одному из них плечо, его брат, находящийся рядом, выхватил револьвер и, в сопровождении приятелей, бросился к месту, откуда раздался выстрел. После короткой перестрелки им удалось даже захватить стрелявшего, правда, в виде трупа. Тем не менее, его смогли опознать, и результаты повергли всех в легкий шок — британец, аккредитованный с САСШ представитель "Таймс". Это что же, получается, Британия задействовала своих законспирированных агентов для того, чтобы нанести удар по американской элите? Доводы разума начали постепенно уступать напору гнева и страха, и, под давлением самых богатых людей Америки, президент стал быстро готовиться к самой настоящей войне.

- Ну что же, могу вас обрадовать — процесс явно входит в завершающую стадию. Еще несколько дней, максимум неделя — и можно начинать действовать.
- Что наш герой опять там натворил?
- А вы полюбуйте. Похоже, ухитрился-таки сравнить Британию с Америкой. И даже без ядерной бомбы.
- Снарядов, профессор, снарядов... Знаете, вы меня невероятно обрадовали.
- Чем, позвольте полюбопытствовать?
- Тем, что он обошелся без ядерного оружия. Ему загрузили такую дрянь, что рвани она — и мы еще не один год расхлебывали бы последствия. Наши военные считают себя особо умными, выписали со складов старье, которому скоро в утиль, и им плевать, что там заражение местности бешенное будет. Хотя им было сказано — последнего поколения, самые "чистые", какие найдутся. В общем, я еле удержался, чтобы не приказать расстрелять их на месте.
- Но погоны-то полетели?
- Еще как. Только от этого уже ничего не изменилось.
- Это точно. Ну, главное, обошлось. Считаете, они передерутся?
- Не уверен. Впрочем, для нас это уже неважно. Общее охлаждение отношений — этого достаточно. Так что готовьтесь, профессор, похоже, начинается.
- Э-эх! Плакала моя лаборатория...
- Ничего, мы вам там новую отгрохаем, еще лучше будет.
- Все равно жалко. Я же в нее всю душу, можно сказать, вложил.
- Что делать, проф, иногда приходится жертвовать малым ради большого. Кстати, готовьтесь примерять корону национального героя и прочие регалии. Должны же вы понять со всего этого еще что-то, кроме морального удовлетворения. Да и я, кстати, тоже.
- Гордыня — тяжкий грех... Но такой приятный!
- То ли еще будет! Готовьтесь, в общем.
- Да мы, в принципе, давно готовы.
- Это хорошо. Не забудьте, когда мы уйдем, здесь будет подорван ядерный заряд. Ладно, профессор, удачи нам обоим.

Тихий океан, 1904 год

Адмирал Того не успел совсем чуть-чуть. Когда он закончил приготовления к прорыву, русские уже начали обстрел гавани, и "Фудзи", главному неудачнику предыдущего артиллерийского налета, опять не повезло. Огонь русских мортир нельзя было назвать особо точным, но и тех снарядов, которые попали в неподвижный корабль, вполне хватило. Имея три подводные пробоины, с развороченными трубами и вспучившейся от внутреннего взрыва палубой корабль сел на грунт. Несмотря на небольшой калибр, палубы японского корабля русские снаряды пронизывали с той же легкостью, с какой раскаленная игла протыкает кусок масла.

Тем не менее, это не вызвало ни малейшего проявления эмоций на лице командующего. Потеря броненосца — это, разумеется, плохо, но если они вырвутся из ловушки, то четыре оставшихся у него броненосца повлияют на расклады. Если же нет, то какая разница, кто и где упокоится. А "Фудзи", при благоприятном раскладе, поднять они сумеют и после того, как закончится весь этот ад.

Последняя неделя и впрямь стала адом. Русские, высадив десант, моментально оседлали дороги, перекрыв возможность подхода помощи японской базе из других районов острова, и начали наступление. Их транспорты, которых у русских оказалось в разы больше, чем можно было ожидать (сказалась работа крейсеров Владивостокского отряда на японских коммуникациях), тут же отправились в Порт-Артур, очевидно, за второй волной десанта, а крейсера непрерывно патрулировали окрестности, топя всех, кто рискнул приблизиться к острову. В такой ситуации подвезти на остров подкрепления представлялось, мягко говоря, затруднительной, а называя вещи своими именами, смертельно опасной и практически невыполнимой задачей.

Высадку десанта провели красиво. Под прикрытием орудий боевых кораблей на шлюпках высадился сводный отряд моряков и казаков. У первых было лучше с греблей, вторые отлично владели оружием. Впрочем, убедившись, что никто толком сопротивления не оказывает (у японцев к месту высадки подоспело не больше роты, да и то случайно оказавшейся в этом районе из-за передислокации), казаки оцепили место высадки, отражая вялые попытки японцев прощупать их оборону, а шлюпки вернулись за подкреплением. Одновременно один из пароходов выбросился на мель непосредственно у побережья, и саперы тут же начали сооружать вначале мостки, соединяющие его с берегом, а потом и вполне капитальный бревенчатый настил. Корабль этот русские использовали в качестве импровизированного причала, что позволило высаживать основную массу войск и выгружать грузы, включая осадную артиллерию, с относительным комфортом.

Обо всем этом Того получал информацию своевременно. Единственно, повлиять на ситуацию не мог. Разведка у японцев была вполне на уровне, да и ниндзя — это далеко не все пиар и выдумка писателей, однако место высадки охранялось казаками. Казаки же — это, фактически, отдельный народ, сформировавшийся за столетия из прибившихся на Дон и Кубань наиболее отчаянных сорвиголов едва ли не из всех точек мира. В основе своей казаки, конечно, русские, но, тем не менее, это не мешало им впитать опыт множества племен. Этот молодой и энергичный этнос имел богатейший опыт как лихих налетов, так и обороны от таковых, и закономерным результатом стал провал нескольких попыток японцев устроить диверсии в месте высадки. Как оказалось, пластуны переигрывали японских

лазутчиков по всем статьям. После этого провала японцы предпочли не класть больше людей понапрасну — сомнительные выгоды от частичного успеха (на полный уже никто не рассчитывал) не перевешивали потерь в их наиболее боеспособных частях.

Ну а потом русские развернули наступление, в котором их опытная, испытанная в боях армия оказалась на высоте. Самураи всегда гордились своим искусством фехтования и рукопашного боя, но для них было новостью, что здесь и сейчас, в условиях современной войны, это мало что значит. Да, самурай был примерно на уровне русского офицера, но большинство японских солдат оказалось значительно хуже солдата русского. Они были заметно мельче, слабее физически, да и школа штыкового боя у русских была классом выше. Ничего удивительного для людей, воевавших на протяжении всей истории не в междоусобных войнах, какими были большинство японских, а защищая собственную Родину от всех подряд и регулярно прописывающих трендюлей всему "цивилизованному" миру.

Но главным было даже не это. Просто те воинские части, которые были расквартированы на острове, реального боевого опыта не имели, а русские только что опрокинули японцев на континенте, знали их сильные и слабые стороны, равными себе не считали и были, в общем-то, правы. Поэтому они атаковали решительно и быстро, отесняя японцев к их базе, несмотря на отчаянное сопротивление защитников острова. К тому же у русских, особенно у казаков, тоже была неплохая мотивация. Уничтожить японский флот без боя, прямо в гавани, было для них хорошим шансом быстро закончить уже порядком надоевшую всем войну и вернуться, наконец, по домам. Заслоны японцев сметались походя, и серьезное сопротивление они смогли оказать только на ближних подступах к базе, до предела сократив линию фронта. Однако с этой дистанции уже могли работать с таким трудом доставленные сюда мортиры, и потому их начали спешно устанавливать на позиции. Снаряды, которые к ним прилагались, были еще в Порт-Артуре переоснащены на пироксилин и, доставленные в распоряжение быстро возводимых батарей, уже ждали своего часа.

Того уже давно прекрасно понимал, что времени у него не так много, поэтому образовавшийся цейтнот не выбил его из колеи. Больше того, опасность подстегнула работу мозга, и он нашел все же решение проблемы. Опасное, сомнительное, чреватое потерями, но все равно оно было лучше, чем тонуть здесь, в гавани, под градом русских снарядов.

К прорыву готовились лихорадочно, в спешке, но все же чуть-чуть не успели — русские установили свои орудия раньше, и вскоре на гавань начали падать девятидюймовые снаряды. Счастье еще, что огонь мортир никогда не был особенно точен, а с наспех оборудованных позиций да при отсутствии нормальной корректировки тем более. Поднятый русскими воздушный шар улучшил положение, но не намного. Тем не менее, "Фудзи" все-таки получил свое, и служил наглядной иллюстрацией к вопросу о том, что будет с японским флотом, если он вовремя не уберется отсюда.

И они пошли. Первыми в море устремились транспортные корабли, набитые пустыми бочками, деревом, тюками с хлопком, словом, всем, что не тонет и может при этом может хоть частично ослабить энергию взрыва. За ними — старый броненосец "Фусо", толку от которого в бою все равно нет. Следом шел "Чиен Иен", наследство войны с Китаем, а дальше уже броненосцы Первого отряда.

Такое построение было простым и логичным. Транспортные корабли идут первыми. Сейчас отлив, мины неглубоко, транспорты проутюжат их своими корпусами. Их командирам отдан строжайший приказ как только разрушения превысят критические и

станет ясно, что корабль вот-вот затонет, уходить в сторону, открывая дорогу следующему смертнику. Идущие за ними "Фусо" и "Чиен Иен", сидящие глубже, примут на себя взрывы тех мин, которые оказались не задеты транспортами, и пускай даже ценой собственной гибели проложат ядру флота дорогу в океан. Да, в принципе, у Того и не было иного выхода — только рисковать и прорываться. И да помощи Аматерасу своим детям...

Первый транспорт продержался в голове колонны довольно долго. Все же участок перед входом непосредственно в гавань был уже кое-как очищен, погибшие и покалеченные ныряльщики не зря работали даже под огнем. Однако потом подрывы пошли один за другим, буквально вырывая из корабля куски обшивки. Если бы не заполняющий трюмы нетонущий груз он, наверное, пошел бы на дно сразу же, но сейчас корабль честно выполнил то, для чего его готовили, и сошел в сторону лишь в самый последний момент, когда крен достиг опасного предела. Почти сразу же он наткнулся еще на одну мину, после чего лег на борт и быстро затонул, однако немногочисленный экипаж спасся в полном составе, во главе с командиром, и был подобран заранее высланными с базы шлюпками.

Второму кораблю повезло меньше — буквально после третьего взрыва у него начало стремительно заливать машинное отделение. Протралив еще одну мину, он начал стремительно терять ход, и командир его вынужден был увести свой корабль с опасного курса, чтобы дать возможность прохода другим кораблям эскадры. В противном случае опасность, потеряв ход, застопорить всю эскадру становилась неприемлемо велика, и Того, хотя и не был доволен слишком быстрой потерей корабля, одобрил действия молодого и смелого, но сумевшего не потерять головы лейтенанта. Транспорт, кстати, остался на плаву, своевременно стравленные пары не дали взорваться котлам, и теперь с его палубы матросы размахивали бескозырками и кричали "Банзай!" вслед уходящей эскадре.

Третий, четвертый и пятый корабли прошли по той же схеме. Кто чуть больше, кто чуть меньше, но они смогли пробить японской эскадре выход. Шестым шел "Фусо", он и поймал последнюю мину, которая не привела к потоплению этого старого корабля, однако ход его упал до шести узлов, после чего адмирал приказал ему действовать на усмотрение командира. Ну что же, даже если русские поймут и уничтожат его, все равно задумка Того удалась — его эскадра вырвалась на свободу.

Вот только это был еще не конец, скорее, начало, поскольку навстречу японцам шел сейчас русский флот — все четыре боеспособных броненосца в сопровождении "Баяна" под флагом Макарова и "Аскольда" с "Новиком", держащихся позади строя. Русские явно не собирались давать японцам возможность спастись.

Адмирал Макаров, как и Того, немного опоздал. Для него с самого начала было ясно, что сидеть просто так японцы не будут, поэтому, как только началась высадка второй волны десанта, он оставил броненосные крейсера прикрывать его, а сам, во главе всего броненосного отряда, подняв флаг на присоединившемся к нему "Баяне", выдвинулся наперехват Того. Что японцы что-то затеяли, было ясно — слишком уж сократилась их деятельность по тралению фарватера. Поэтому "Цесаревич" немедленно отошел к основным силам, забункеровался с угольщика и пополнил запас снарядов. Оставались в дозоре только недостижимые для японцев "Аскольд" и "Новик", которые немедленно присоединились к русской эскадре, стоило ей только появиться на горизонте. Увы, эскадренная скорость не превышала десяти узлов — на "Севастополе" сдали машины, и он мог теперь дать полный ход лишь на очень непродолжительное время. Собственно, из-за этого Макаров и опоздал, обнаружив, что японские корабли уже вышли в море.

Сейчас навстречу Того строим фронты шли четыре броненосца. Того мог отвернуть, парадный ход "Севастополя" не превышал четырнадцати узлов, его же корабли давали намного больше, даже самый тихоходный, "Ясима", по паспорту мог разгоняться до восемнадцати. Паспортные данные — это, разумеется, понятие относительное, да и корабли были не только что с верфи, но шестнадцать-то узлов дал бы, не напрягаясь, любой из японских броненосцев. Да, пришлось бы бросить "Чиен Иен", но боевая ценность этого барахла китайской императрицы была сомнительна и вряд ли превышала стоимость снарядов, которые русские на него потратят. Словом, оторваться японский адмирал мог пока что в любой момент, вот только он не собирался этого делать.

Четыре на четыре — такого шанса могло больше и не представиться! Считая "Чиен Иен" даже пять... Хотя нет, русский "Баян" был ему как минимум равен. Но все равно, бой четыре на четыре или пять на пять, причем русские эскадренные броненосцы слабее японских! Это надо было использовать. Ведь пройдет совсем немного времени — и русские смогут выставить семь броненосцев, да и броненосные крейсера, которые сейчас непонятно где находятся и чем занимаются, подтянут. Тогда расклады будут куда хуже — драться с противником, который не уступает тебе ни в подготовке, ни в классе кораблей, а численно превосходит вдвое смерти подобно. К тому же, при всей своей самурайской невозмутимости, Того дико устал и от колоссальной работы, которую он делал и которая внешне не отличалась от бездействия, и от того, что ему приходилось сидеть в блокированной бухте, в то время как русские хозяйничали на море. Бой, бой и только бой — вот чего он сейчас жаждал, и потому не собирался отворачивать.

Строй фронты на первоначальном этапе давал русским определенные преимущества. Четыре корабля могли работать одновременно из восьми орудий только калибром двенадцать дюймов, не считая шестидюймовой мелочи, причем перелеты практически гарантированно ловили бы корабли, идущие за ним следом. Отвечать им в этот момент было бы некому и нечем — орудия идущего впереди "Чиен Иена" попросту уступали артиллерии русских кораблей в дальноточности, а сам он перекрывал бы другим японским броненосцам сектор обстрела. Конечно, он мог какое-то время хоть частично прикрывать и их самих, но минусы явно перевешивали плюсы. Впрочем, это решалось просто — выводом корабля из линии. С другой стороны, Того вовсе не собирался идти на русских в лоб до конца, а вот когда дистанция сократится и он начнет поворот, то русским придется в ответ или обходиться половиной артиллерии, или поворачивать "все вдруг", а это не самый простой маневр.

Русский строй между тем уверенно накатывался на японцев. Макаров не зря поднял свой флаг на "Баяне" — еще во время сражения с англичанами он убедился и в том, что координировать действия эскадры жизненно необходимо, и в том, что делать это с корабля, стоящего в линии, ему, скорее всего, не дадут. Еще в "Порт-Артуре", осматривая искореженный снарядами "Ретвизан", он понял, что просто не смог бы с него передать никакого распоряжения. Флаги не поднять, не на чем, мачты были сбиты очень быстро, а так как броненосец горел, то из-за сильного дыма не было бы толку и от сигнальщиков — их элементарно не смогли бы рассмотреть.

"Баян", конечно, не был защищен так, как броненосцы, зато он держался позади их строя, по нему не стреляли, и управлять эскадрой Макаров с него мог достаточно уверенно. Подумав, русский адмирал не стал отказываться от пусть случайной, но удачной тактической находки, и в этот бой снова шел на крейсере. Конечно, то, что он держался

позади броненосцев, не добавляло адмиралу популярности, особенно в глазах молодежи, но, с другой стороны, готовили офицеров в России совсем неплохо, и выгоды такой диспозиции адекватно оценить могли все.

Японский адмирал поступил по-другому. Он наблюдал сражение между русскими и англичанами, поэтому отлично понимал ход мыслей своего визави. Возможно, Того и сам попытался бы повторить русский прием, но для этого у него просто не было подходящего корабля. Броненосные крейсера лежали на дне, а легкие крейсера, которые шли позади броненосной колонны, представлялись слишком уязвимыми. Одно хорошее попадание — и можно отправиться вместе с кораблем или на встречу с Аматерасу, или к глубинным демонам, но тут уж как повезет. В том, что русские постараются достать идущий под вице-адмиральским флагом практически небронированный корабль, можно было не сомневаться, а когда они его потопят, японской эскадрой некому будет управлять, и русские разорвут ее на куски. Того прекрасно все это понимал, поэтому остался на "Микасе". Вместо переноса флага он использовал другую тактическую наработку, поставив свой броненосец в линию вторым, сразу за "Асахи". Японский адмирал вполне резонно рассудил, что управлять флотом можно и со второго корабля, а основные повреждения достаются первому. Конечно, это было противно самурайскому духу, но сейчас у него было слишком мало кораблей, чтобы играть в игры со старыми традициями. Оптимальным было бы вообще поставить "Микасу" первой, а самому перейти на второй корабль, не поднимая свой вымпел, и тем самым запутав русских, но это Того считал для себя неприемлемым — все же не от всего можно отказаться, даже ради победы...

Сейчас строй японских броненосцев был, наверное, оптимален. Впереди — "Асахи", за ним "Микаса", третьим шел "Хацусэ". Эта тройка новейших, совсем недавно построенных на британских верфях кораблей, была, практически монолитом. Броненосцы, сходные по своим характеристикам, считались сильнейшими в мире, индивидуально превосходя любой из идущих сейчас им навстречу русских аналогов. Четвертым шел "Ясима", самый старый, самый тихоходный и самый слабый из японских кораблей. Тем не менее, и он уступал разве что "Цесаревичу", и был крепким орешком для русской артиллерии. Да и уступал он своим соседям по колонне незначительно.

Надо сказать, расклады для Макарова стали пренеприятнейшей неожиданностью. Он-то рассчитывал, что идет добивать избитую в порту артиллерией, а потом еще и прорывающуюся сквозь мины дезорганизованную группу кораблей, которые на этих самых минах и будут расстреливаться, а столкнулся с вышедшим на оперативный простор ударным флотом. Вот только отворачивать он тоже не собирался, логично рассудив, что это расценят как поражение. В преддверии переговоров — не самый лучший расклад, да и не в характере Макарова было отступать. Сейчас его эскадра шла лоб в лоб на противника, и это еще был вопрос, у кого крепче нервы.

Если на стороне Того было преимущество в классе броненосцев, то русские сейчас превосходили японцев в личном составе, причем как матросов, так и офицеров. Дело в том, что японцы еще фактически не воевали — так, налет на Порт-Артур, пинок в Чемульпо, а потом гибель без боя половины флота, и последовавшее затем долгое и мучительное сидение в запертой русскими бухте. Русские все это время воевали. Плюс они имели реальный опыт настоящего, и притом победоносного линейного сражения с теми, кто считался на море законодателем мод — британцами. А главное, японские снаряды с трудом и далеко не всегда пробивали русскую броню, это было установлено и когда топили "Ивате", и когда недавно

прямое попадание в "Баян" привело лишь к вмятине и вылетевшим от удара заклепкам — увлечение японцев фугасами грозило обернуться для них проблемами. Снаряженные пироксилином русские снаряды взрывались не так сильно, а не очень удачные взрыватели частенько и вовсе не срабатывали, но зато броню эти снаряды пробивали уверенно, и даже отличное бронирование японских кораблей не могло их спасти. А главное, из-за необходимости бомбардировки побережья русские в последнее время получили огромный опыт в практических стрельбах, причем на самые разные дистанции. Их противники же все это время были на голодном пайке по боеприпасам. Словом, реальным преимуществом японцев оставалась только их скорость.

Вот такое было соотношение сил и возможностей у быстро сближающихся противников. Самое интересное, что и те, и другие имели неплохое представление о том, что могут, а что не могут их враги. Просто умный поймет, а дураки офицерами становятся редко, командирами кораблей — еще реже, и уж совсем редко адмиралами. Однако неумолимо приближалось время, когда сходящиеся со скоростью двадцать пять узлов эскадры войдут в зону огня друг друга, и тогда станет ясно, кто же достоин владеть океаном.

Когда между эскадрами оставалось около шестидесяти кабельтовых, Того приказал начать разворот вправо, одновременно пристреливаясь по русским кораблям. Те тоже не остались в долгу, и пенные столбы воды начали подниматься то здесь, то там, к счастью, пока что довольно далеко от японских броненосцев. Японцы, впрочем, тоже попаданий не добились — дистанция была все же достаточно велика.

Макаров усмехнулся — реакция Того была предсказуема. И домашняя заготовка на случай подобных маневров противника у русского адмирала имелась. Взлетели флаги, сигнальщик отрепетовал сообщение. Идущий на правом фланге "Цесаревич" немного добавил ходу, следом за ним, с небольшим отставанием, "Петропавловск", за ним — "Полтава". "Севастополь" шел с прежней скоростью, раньше времени перенапрягать его машины не стоило.

Следующие несколько минут Того с удивлением смотрел на то, как русские броненосцы продолжают идти прежним курсом, хотя при этом они жертвуют половиной залпа. Даже несколько попаданий не заставили их выстроиться в линию, хотя они ответили пока что всего двумя. И только когда идущий на правом фланге русских "Цесаревич" заметно выдвинулся вперед, и русские корабли почти синхронно скорректировали курс, он понял, что сейчас произойдет. Русские идут уже не строем фронта, а уступом, и сейчас их эскадра пройдет немного позади японской колонны. Идущий последим "Ясима" оказывается под продольным огнем русских, и четыре броненосца, один за другим проходя у него за кормой, где из всех орудий, которые имеются на японских кораблях им, фактически, сможет противостоять лишь одна двенадцатидюймовая башня, разнесут неудачника в порошок.

Ответным маневром был поворот влево, который позволял, сходясь на контркурсах, не только задействовать все орудия, но и, в свою очередь, навалиться на фланг — самое уязвимое место при движении фронтом. Подобная атака в войне с Китаем принесла японцам успех, но сейчас-то перед ними были не китайцы, и взаимодействие между русскими кораблями было на высоте, равно как и подготовка экипажей. Что же касается паники, в которую легко впадали китайские офицеры, то здесь этой проблемы не наблюдалось в принципе, и это стало для японцев приговором.

Снова взвились флаги над "Баяном", и русская эскадра, сделав поворот "все вдруг", в свою очередь повернула влево. Опять тот же уступ, только, на сей раз, головным шел

"Севастополь", а под огнем оказывался "Асахи". Резкий поворот японской колонны вправо, русские, в свою очередь, выравнивают строй, и обе колонны оказываются параллельно друг другу, только дистанция теперь выгодна для русских — несчастные двадцать пять кабельтов, с которых русские снаряды протыкают японскую броню насквозь, а головным у русских стоит "Севастополь", наименее ценный из кораблей русской эскадры.

Сообразив, в какую ловушку поймал его Макаров, Того попытался разорвать дистанцию, но было уже поздно — под градом снарядов всех калибров с обеих сторон и русская, и японская эскадра начали быстро терять ход. Взрывы сбивали трубы, корежили воздухопроводы, и вскоре ни та, ни другая сторона уже не могли дать больше восьми узлов. Теперь бой, как и в случае с британцами, свелся к обмену ударами, и дальше все решали уже не приказы адмиралов, а прочность брони да мастерство и выучка комендоров.

Вот тут и сказалась разница в опыте. Русские еще в том бою успели убедиться, что когда несколько кораблей работают по одной цели, они больше мешают друг другу. Отсюда следовал простой и логичный вывод: стрелять всем вместе по одной цели нужно учиться. Второй вывод, полученный уже в ходе учений, говорил о том, что даже три корабля будут в любом случае сбивать соседям прицел. Отсюда было и распределение целей — "Цесаревич" и "Петропавловск" работали по "Ясима", а "Севастополь" и "Полтава" взяли в оборот "Асахи".

Японцы из того же боя, но наблюдаемого со стороны сделали несколько иные выводы, которые, вдобавок, не противоречили их собственному опыту. Вся японская эскадра (на флот это уже решительно не тянуло) сконцентрировала свой огонь на головном корабле русских. В определенной степени это было оправдано — все-таки с двадцати пяти кабельтов промахнуться из двенадцатидюймовых орудий довольно сложно, однако у русских в комфортных условиях необстреливаемого корабля оказалось целых три броненосца против двух японских. Конечно, все относительно, и "необстреливаемость" тоже — время от времени то в один. То в другой корабль летели шестидюймовые снаряды, но на общем фоне это было не стоящей внимания мелочью. К тому же, небольшая дистанция сейчас сводила на нет еще одно, пусть и небольшое, преимущество Того, о которой он даже не знал. Дело в том, что стволы орудий у много воевавших и, соответственно, много стрелявших русских броненосцев были изрядно расстреляны. Не смертельно, конечно, но все равно неприятно, да и точность снижалась. Сейчас же эта проблема не играла особой роли — рассеивание на дистанциях, с которых велся бой, оставалось в пределах допустимого.

Вот тут и сказалась проблема низкой бронепробиваемости японских снарядов. "Севастополь" горел, как свеча, постепенно замолкали шестидюймовые орудия, а эффективность огня главного калибра падала, однако корабль уверенно держался в строю и тонуть пока не собирался. Больше того, пожары оказались гораздо слабее, чем могли бы быть — по опыту все той же эпопеи с британцами, Макаров приказал убрать с кораблей все горючие материалы. В результате условия жизни стали куда более спартанскими, но зато и от огня корабль страдал меньше. Вдобавок, памятуя о том, что произошло на "Победе", русские сузили щели боевых рубок с помощью котельного железа, и теперь туда залетали лишь редкие осколки.

Японцам приходилось намного хуже. Русские снаряды взрывались далеко не все, а те, что взрывались, уступали японским по разрушительному действию. Зато практически все взрывы происходили внутри кораблей противника, и это калечило их куда сильнее, чем русских. Развороченные надстройки и выгоревшая кают-компания — это, разумеется,

неприятно, однако заклиненные элеваторы кормовой башни на "Асахи", снизившие ее скорострельность до одного залпа в четыре минуты, и вышедшее из строя рулевое управление "Ясимы" все же куда более критично с точки зрения выживаемости корабля в бою. В бою на такой дистанции переставала держать удар даже толстая, до шестнадцати дюймов броня японца, зато ее толщины как раз хватало для того, чтобы взвести русские взрыватели, от чего русские снаряды, как ни парадоксально, исправно взрывались именно в наиболее защищенных отсеках броненосца, частенько не причиняя серьезного урона слабобронированным участкам. Тем не менее, все же первым сдался русский корабль — все-таки по нему били сразу четыре противника. Под градом снарядов он поднял на чудом уцелевшей мачте сигнал "Не могу управляться" и начал медленно отклоняться влево. При этом все его движения производили впечатление некоей спокойной неторопливости — в трюмах корабля уже плескалось полторы тысячи тонн забортной воды, и корабль сидел заметно ниже ватерлинии. Броневого пояса корабля оказался частично под водой, а при слишком резком маневре казематы шестидюймовых орудий вполне могло и затопить.

Над японскими кораблями разносилось громовое "Банзай!", заглушающее, казалось, даже канонаду, но Того отнюдь не разделял всеобщего ликования. В отличие от матросов, да и от большинства офицеров он видел, что ситуация отнюдь не так радужна, как кажется на первый взгляд. Да, головной корабль русских тяжело поврежден, явно имеет серьезные проблемы с управлением и вынужден покинуть строй, но при этом он не потоплен, а сам строй не нарушился.

В то же время японский адмирал видел, что идущий первым "Асахи" бодро горит, осел кормой и имеет заметный крен на левый борт, а кормовая башня окончательно прекратила огонь. Огонь, кстати, она прекратила после того, как русский снаряд ударил в пороховой погреб и не взорвался, но погреб все равно затопили. В общем, состояние броненосца было ничуть не лучше, чем у "Севастополя", хотя корабль все же пока держался в строю и даже пока что был в состоянии продолжать бой.

Что происходило на "Ясима" Того не знал — достаточно плотный и ровный строй его броненосцев не давал рассмотреть замыкающий строй корабль. Однако столб черного дыма, поднимающийся в небо, говорил о том, что кораблю изрядно досталось. Горел, во всяком случае, он сильно и, хотя русские снаряды не обладали таким зажигательным действием, как японские, но и горючих материалов на корабле было в избытке — их, в отличие от русских броненосцев, не выгружали. К тому же аварийные команды, занятые на тушении пожаров, под огнем русских таяли, как снег под солнцем и уже просто не справлялись.

Если бы Того знал, что творится на его четвертом броненосце, он бы, наверное, постарался прервать бой и оторваться. К этому моменту "Ясима" практически не управлялся. Мало того, что его рулевое управление было повреждено в самом начале боя, так еще и русский снаряд поставил точку на возможность привести его в порядок в приемлемые сроки. Двенадцатидюймовая дура, чуть-чуть не долетев до японского корабля, упала в воду, рыбкой пройдя сквозь нее, ткнулась в борт ниже ватерлинии, и взорвалась. Пробоина была не слишком большой и для живучести корабля неопасной, но вода начала быстро затапливать румпельный отсек, не давая экипажу заняться ремонтом. Почти одновременно в носовую часть корабля попал второй снаряд, который тоже не нанес больших повреждений, но вода, поступающая сквозь пробойну, несколько спрямила возникший было дифферент на корму. Однако, хотя угрозы дальнейшего затопления отсеков и не было, управлять машинами заметно осевшим и, вдобавок, слегка кренящимся на борт кораблем в двенадцать с

половиной тысяч тонн водоизмещением крайне сложно.

Однако русские, как и следовало ожидать, на этом не успокоились и, проделав несколько аккуратных круглых дыр в надстройках (все же взрыватели русских бронебойных снарядов были туговаты, и зачастую снаряды взрывались пробив слабобронированный участок корабль насквозь, уже над морем, или не взрывались вообще), добились, наконец, успеха — очередной двенадцатидюймовый снаряд ударил в боевую рубку броненосца. Взорваться не взорвался, но дел натворил изрядно.

Вначале болванка больше трех центнеров весом воткнулась в четырнадцатидюймовую броню. На дистанции пятьдесят-шестьдесят кабельтов относительно легкий русский снаряд, очень возможно, просто отскочил бы от брони, и находящиеся в рубке отделались бы контузиями, но на малой дистанции летящий с огромной скоростью по настильной траектории снаряд оказался для рубки смертельно опасен. Пробив броню, он пронесся дальше и вылетел с другой стороны. Будь на его пути еще один слой брони, он наверняка взорвался, но тут получилось, что он угодил точно в бронированную дверь и попросту вышиб ее наружу. Уже над морем он хлопнул, не так уж и сильно, бесполезно осыпав волны осколками, но в рубке наблюдать за этим зрелищем было уже некому — все, кто нам находился, превратились в фарш, когда летящее со сверхзвуковой скоростью в окружении выбитых из бронеплит осколков железо просто смахнуло оказавшихся на его пути людей. Не выжил никто, все системы управления кораблем были разрушены, и некоторое время корабль продолжал двигаться прямолинейно лишь благодаря согласованной работе машин.

Командование кораблем принял лейтенант из артиллеристов — старших офицеров в живых к тому времени не осталось уже никого. Да и стрелять броненосцу было, в общем-то, нечем. Мало того, что все дальномёры были разбиты, так еще и огонь могла вести только носовая башня — казематные орудия левого борта были уже выбиты, а кормовая башня главного калибра, хотя ее и счастливо миновали русские снаряды, вести огонь не могла из-за бушевавшего вокруг пожара. Артиллеристы просто не знали, куда стрелять. Этот же пожар фактически поставил крест на малокалиберной артиллерии — сейчас по всему кораблю разносился веселый треск от взрывающихся снарядов, заранее поданных к орудиям и теперь бодро пожираемых огнем. "Ясима" быстро терял боеспособность, и как же Макаров сейчас жалел, что при нем нет, как в прошлый раз, миноносцев, чтобы добить беззащитный пока что корабль.

Однако, с другой стороны, Макаров был храбрым человеком, авантюристом до мозга костей, а сейчас у него было под рукой три быстроходных крейсера, имеющие на троих четырнадцать пятнадцатидюймовых минных аппарата. Над трубами "Баяна" поднялись густые столбы черного дыма и, увлекая за собой два других корабля, крейсер, прорвавшись за кормой "Цесаревича", пошел в атаку.

Позади японской эскадры держалось три крейсера и пять миноносцев, вырвавшиеся вслед за основными силами из ловушки, и теперь бывшие пока что не у дел. В битве титанов карлики должны держаться в стороне, чтобы их случайно не растоптали, но сейчас, видя, что броненосец в опасности, все восемь кораблей бросились навстречу русским.

В таком поединке сложно сказать, кто победит. Русские крейсера первого ранга были больше японских и лучше вооружены, один "Баян" мог без особых усилий справиться с любыми двумя японцами. "Новик" был крейсером второго ранга, но и он японским крейсерам уступал незначительно, зато для миноносцев он был ужасом, летящим на крыльях ночи. Однако врагов было все же больше, и они были готовы умереть, но не пропустить

русских.

Схватка была короткой и отчаянной. Японцы потеряли два миноносца, еще один, потеряв ход, держался на плаву, успев на остатках пара в котлах выскочить из опасной зоны, один японский крейсер горел, ярко даже при дневном свете, два других тоже получили полновесные шести- и восьмидюймовые плюхи. Русские, впрочем, тоже отхватили по полной программе. У "Баяна" сбило трубу, и теперь выдать более шестнадцати узлов было проблематично, "Аскольд" словил торпеду в борт, но взрыв оказался для него не смертелен и, несмотря на сильный крен на правый борт (впрочем, довольно быстро спрямленный контрзатоплением), и упавшую скорость, корабль остался на плаву и тонуть не собирался, "Новик" и вовсе отделался парой шестидюймовых снарядов, не причинивших ему серьезных повреждений. И дело свое эти корабли сделали — пока двое "старших братьев" сдерживали отчаянный порыв японцев, "Новик" все же успел прорваться к поврежденному броненосцу.

В то время не практиковалась стрельба залпами, но командир русского крейсера разумно сообразил, что выпускать по одной торпедой за раз даже в случае с практически лишенным маневра кораблем противника будет не слишком результативно. В генеральной исторической линии "Новиком" к этому времени командовал фон Шульц, офицер неплохой, но отнюдь не блестящий. Сейчас же им командовал Николай Оттович фон Эссен, швед по происхождению, чьи предки давным-давно переселились в Россию. В той, несостоявшейся здесь истории он принял под свое командование броненосец "Севастополь", но в нынешнем варианте войны эта должность не освободилась, и самый лихой из командиров крейсеров, не боящийся ни вражеских снарядов, ни ответственности, выполнил задачу. Из трех торпед, выпущенных "Новиком", цели достигла одна, но и ее хватило — сильно поврежденный броненосец после мощного взрыва вновь начал быстро оседать на корму и практически потерял ход.

Оставляя за собой дымные шлейфы (у "Баяна" из-за сбитой трубы тяжелый и жирный дым густо полз по палубе, мешая наводчикам) русские крейсера отползли за линию броненосцев. Конечно, можно было бы рискнуть и продолжить атаку, но благоразумно держащийся позади своих коллег "Чиен Иен" начал разворот, готовясь поддержать свои крейсера огнем своих орудий. Его старые двенадцатидюймовые орудия русских не пугали, но с многочисленными шестидюймовками и серьезным броневым поясом, который можно было молотить относительно легкими снарядами до полного исчерпания боезапаса без особой надежды на успех, приходилось считаться. При всей своей горячности Макаров хорошо умел взвешивать шансы и знал, когда стоит отступить, тем более что задачу-минимум его корабли только что выполнили. Лишенный хода и практически всей артиллерии "Ясима" уже не представлял опасности, и задачей адмирала было срочно вернуть себе контроль над ходом боя, чем он немедленно и занялся.

Что ситуация изменилась, Того понял сразу же. Его артиллеристы только-только пристрелялись по "Полтаве", на юте русского броненосца как раз весело разгорался пожар, и в этот момент вокруг его собственного флагмана начали падать русские снаряды. Оглянувшись и мгновенно оценив ситуацию, он, вопреки самурайской выдержке, глухо выругался — "Ясима" отстал, сильно горел и практически не стрелял. По всему выходило, что русские не собираются больше тратить время на подранка, и намерены расправиться с его кораблем.

Теперь рисунок боя изменился. Русские корабли били каждый по своему противнику. "Полтава" продолжала работать по уже избитому в хлам "Асахи", "Петропавловск" вел огонь

по "Микасе", а "Цесаревич" обрушил всю мощь своих орудий на "Хацусэ". Японцы тоже перенесли свой огонь на обстреливающие их русские корабли, и бой продолжился в формате "три на три". Вроде бы, все поровну, вот только "Асахи" был уже практически небоеспособен, и теперь "Полтава", благодаря тому, что два других японских броненосца вынужденно избавили ее от своей опеки, работала в практически полигонных условиях. С так и не успевшими всерьез разгореться пожарами справились довольно быстро, и теперь русские артиллеристы занимались, фактически, расстрелом вражеского корабля, практически ничего не получая в ответ. Вдобавок, ставшая из-за вышедшего из строя "Севастополя" головной, "Полтава" оказалась немного позади "Асахи", кормовая башня которого не действовала. Для носовой же броненосец, чуть повернувшись в сторону японской колонны, и вовсе оказался в мертвой зоне. Правда, и кормовая башня "Полтавы" при этом не могла вести огонь по головному японцу, но у ее артиллеристов в избытке было и других целей, самая соблазнительная из которых, "Микаса", не могла отвлекаться ни на кого — у японского флагмана была дуэль с "Петропавловском", и сейчас два этих корабля увлеченно ломали друг друга, ведя огонь практически в упор. Как следствие, неприятным сюрпризом для Того стали дополнительные русские снаряды, обрушившиеся на его корабль, один из которых вскользь ударил по носовой башне. Естественно, не пробил, но контуженные артиллеристы, отчаянно врущие дальномеры и прочие прелести жизни японцам он обеспечил.

Между тем, на "Севастополе" справились, наконец, с пожарами и смогли наладить управление кораблем с помощью машин. Командир "Севастополя", капитан первого ранга Чернышев, хорошо понимал, что может вернуться в строй, но практически выбитая артиллерия среднего калибра правого борта не даст ему эффективно действовать в составе эскадры. Зато позади японского строя болтался искалеченный "Ясима", и Чернышев запросил у Макарова разрешения идти на добивание "подранка". Макаров, памятуя об эффективности "Севастополя" в прошлом бою именно в этом качестве, дал "добро", и, сопровождаемый "Новиком", русский броненосец неторопливо двинулся к своей жертве. Его командир рассчитывал подойти к японцу левым бортом, артиллерия которого была в порядке, а японец, также развернутый к нему левым бортом, сможет эффективно действовать лишь из орудий носовой башни — на корме все еще бушевал пожар, притом что корабль осел уже настолько, что волны порой захлестывали палубу. Однако, как оказалось, все было еще проще — гидравлика в башнях давно уже не действовала, выйдя из строя из-за многочисленных сотрясений, вызванных попаданиями русских снарядов, а электрический привод отказал сразу после того, как затопило динамо-машину корабля. Был, конечно, и ручной привод, но тут сказалась особенность конструкции башен, сделанных по изначально ущербной схеме. Дело в том, что для такой важной операции, как перезарядка орудий, башню надо было разворачивать орудиями вдоль диаметральной плоскости, при этом опуская стволы самих орудий. Мало того, что это не способствовало точности огня, так еще и скорострельность была не более одного выстрела в две минуты. А когда разворачивать башню стало можно только вручную, в чем хлипковатые японцы преуспеть не могли в принципе, эффективность огня броненосца мгновенно сошла на ноль.

Убедившись, что по нему практически не стреляют, Чернышев спокойно приблизился, после чего приказал сконцентрировать огонь на кормовой части противника. Он прекрасно понимал, что для скорейшего уничтожения вражеского корабля идеальным вариантом будет нарушить его остойчивость, а и без того медленно погружающемуся кормой противнику

много и не надо. Ожидания его оправдались в полной мере — уже после нескольких попаданий японский броненосец начал быстро оседать, и вскоре, высоко подняв над водой таран, кормой вперед ушел под воду.

Единственными, кто пытался помешать русским, были ушедшие было вперед легкие силы японцев. Однако все было кончено еще до того, как они, развернувшись, приблизились настолько, что стали представлять хоть какую-то опасность. К тому же, японцам сразу же было продемонстрировано, что произойдет с их кораблями, если на них обратит свое "благосклонное" внимание артиллерия главного калибра русского броненосца. После первого же попадания уже и без того поврежденный крейсер отчаянно запарил и начал отворачивать, уходя прочь. Остальные тоже не рискнули продолжить атаку и благоразумно развернулись. Дав напоследок пару безрезультатных залпов по "Чиен Иену", "Севастополь", в свою очередь, неторопливо развернулся и пустился вдогонку за успевшей уйти достаточно далеко русской эскадрой.

Тем временем, бой основных сил продолжался. "Асахи" наконец получил достаточно снарядов для того, чтобы прекратить геройствовать, и отвернул в сторону, чтобы по примеру "Севастополя" хоть немного привести себя в порядок, прикрываясь от русского огня другими броненосцами. Тут же Того почувствовал, чем отличается положение первого и второго корабля в линии — сейчас по его флагману били одновременно два русских броненосца, а "Микаса" на глазах терял боеспособность. Возможно, это стало бы жирной точкой в карьере японского адмирала, но тут ему невероятно повезло — над "Петропавловском" внезапно поднялся столб огня, и спустя буквально несколько минут огромный корабль, стремительно оседая на нос, скрылся под водой, унеся с собой большую часть экипажа. Какой-то из японских бронебойных снарядов (да-да, были у них и бронебойные, хотя они и не пользовались такой популярностью, как фугасы, и использовались значительно меньше) сумел пробить русскую броню и взорваться не где-нибудь, а в пороховом погребе носовой башни. Очевидно, этому кораблю на роду было написано погибнуть именно так, и никакие изменения исторических линий не могли помешать естественному ходу процесса. Русская эскадра моментально потеряла изрядную часть огневой мощи, но, главное, избегая столкновения с тонущим кораблем "Цесаревич" вынужден был сломать строй, и на несколько минут его огонь стал неэффективен.

В боевой рубке "Микасы" Того сжал в руках бинокль. Это был шанс... но шанс на что? Атаковать, навалиться на русских? Может быть, удастся и победить, но тогда из боя выйдут, в лучшем случае, два броненосца, скорее, даже один, а у русских в ближайшее время будут отремонтированы три. И еще у них есть корабли на Черном и Балтийском морях. И броненосные крейсера здесь. Всю эту армаду просто нечем будет встретить! Отступить? Но как быть с "Асахи"? Он не сможет давать больше шести узлов, и связывает японскую эскадру по рукам и ногам. А что русские корабли обязательно расправятся с ним, говорил пример "Ясимы". Похоже, они не собираются оставлять подранков...

На окончательное решение повлияли всплески от двенадцатидюймовых снарядов, упавших пока еще с большим недолетом, но дело свое сделавших. Эти всплески показали Того, что он рано списал со счетов "Севастополь", который пусть медленно, но нагонял уже совсем замедлившихся противников. То же, что корабль частично сохранил боеспособность, только что было наглядно проиллюстрировано. И в тот же самый момент в хвост русской колонны начал выходить "Баян". Да, это был слабо вооруженный и защищенный по сравнению с броненосцами корабль, но именно его восьмидюймовки, брошенные

Макаровым на чашу весов, повлияли на решение японского командующего. Четверо против троих, причем один из японских броненосцев небоеспособен. Продолжать бой в такой ситуации было безумием — оставалось лишь спасти все, что можно, и лучше быть названным трусом и уйти от позора, подобно самураям прошлого, чем потерять все и лишит Японию последних остатков флота.

Выжимая все из своих машин, японские броненосцы уходили на север. Избитые и обгоревшие победители не пытались их преследовать — у них были дела поважнее. "Асахи", избитый и горящий, мгновенно отстал от других броненосцев, и как бы он не напрягал сейчас машины, толку от этого уже не было. Три русских корабля уверенно окружали его, а сзади неторопливо накатывался "Севастополь". Положение японца было фактически безнадежным, тем не менее, на предложение сдаться броненосец ответил залпом из уцелевших орудий. Ну что же, хозяин — барин, и через полчаса интенсивного обстрела корабль лег на борт и затонул, поставив точку в этом тяжелом и неоднозначном сражении.

Тихий океан, район американского побережья, 1904 год

У них получилось! Американские боевые корабли вышли в море и двигались в сторону Гонконга — ну да, все правильно, если САСШ намереваются начать войну, то уничтожить британские базы окажется самым грамотным. Что происходило в Атлантике, было пока что непонятно, но, судя по некоторым нюансам, там была объявлена повышенная боевая готовность. Все же это очень здорово, когда можно прослушивать телеграфные сообщения, только вот выудить полезную информацию из кучи передаваемого мусора — занятие довольно муторное.

Первую плюху словил Лос-Анжелес, в это время еще заштатный городишко. Можно было бы выбрать мишень и поинтереснее, но у Плотникова еще в родном мире был в Лос-Анжелесе неприятный инцидент, оставивший плохую память об этом городе, так что он не особенно заморачивался с выбором. Цель акции была простая — заставить дергаться, создать обстановку нервозности. Ну а потом надо было настроить американское общество против Великобритании и привести его к мысли о неизбежной войне. Точнее, не все общество, его мнение никогда и нигде не играло особой роли, а наиболее влиятельную его часть. Для этого требовалось эту самую часть немного напугать, у янки страх всегда вызывал агрессивную реакцию, а потом убедить всех в том, что угроза исходит от британцев.

Напугать? Ну что же, нет ничего страшнее смерти, и нет ничего проще, чем пристрелить человека в эпоху, когда снайперская винтовка не считалась еще непременно атрибутом каждого уважающего себя киллера. Единственно, что было здесь сложным, это найти исполнителя — на борту "Мурманска" из профессионалов сухопутной войны были только морские пехотинцы. Вот им и нарежали задачу, хотя Плотников всерьез сомневался, что они ее выполнят.

Тем не менее, морпехи справились с заданием, хотя профильной его назвать было сложно. Их забросили вертолетом подальше от побережья, а там уж они и сами начали действовать, благо транспортная сеть, в первую очередь железнодорожная, в САСШ была неплохая. В течение месяца они занимались отстрелом влиятельных американцев, в первую очередь из "старых" семей. Делалось это просто — из винтовки "Ли Энфилд" снайпер запросто снимал жертву метров со ста, после чего уходил, подобрав гильзы. Винтовку достать было просто, САСШ свободная страна, и в ней свободно можно сделать многое, в том числе купить оружие. Существовал, правда, животрепещущий вопрос, на что купить, да и, в общем-то, жить, ну да съездить по тыковке лавочнику и выгрести из кассы выручку было не так уж сложно. Вначале хотели вообще ограбить оружейный магазин, но они, как правило, охранялись совсем неплохо, и без шума справиться было намного сложнее. Из этих соображений мирные лавочники, причем в большом количестве, были намного лучшим вариантом экспроприации. Правда, возникали небольшие проблемы с полицией и местной мафией, "крышующей" мирных бизнесменов, ну да и те, и другие были вполне смертны. Кстати, как оказалось, у мафиози тоже были неплохие, годные к изъятию деньги.

Однако найти деньги, оружие, и начать пачками класть местных олигархов было самой простой частью операции. Главным же было оставить в ней английский след, поэтому, как только снайперы сочли, что клиенты достаточно напуганы, на операцию начали брать англичан. Делалось все достаточно просто — непосредственно перед акцией изымался кто-

либо, о ком точно было известно, что он подданный Великобритании, упаковывался и притаскивался на точку выстрела. Если тот, в кого стреляли, погибал, или оказывался ранен, но никто не предпринимал ответных действий, снайпер отступал, а тело британца потом где-нибудь прикапывалось. Однако очередной клиент оказался довольно шустрым и выжил, а его сопровождающие, стреляя в ту сторону, откуда раздался выстрел, бросились на обидчиков. После этого оставалось пристрелить британца и оставить его рядом с винтовкой, на которой имелись соответствующие отпечатки пальцев. Вот и все, ничего сложного. Еще несколько выстрелов, чтобы поддержать накал страстей — и процесс пошел.

Сейчас "Мурманск" неторопливо резал волны параллельно американской эскадре, милях в пятидесяти от нее, следя за американцами с помощью радара и время от времени поднимая беспилотник. Картинка, которую он передавал, наводила на мысли, что гонору у американцев пока что больше, чем мастерства — шли они очень так себе, и если будут так же маневрировать во время боя, то шансы у британцев, даже имеющих меньше кораблей, выглядят предпочтительнее. Похоже, навалил в свое время испанцам, американцы успокоились и намерены были теперь долго и упорно почивать на лаврах. Даже вроде бы интенсивное развитие их флота — отнюдь не качественный скачок, просто увеличивается количество кораблей, повышается их мощь. Но ведь корабли — это еще не флот, флотом их делают люди, а вот с грамотными профессионалами у американцев явно было не все ладно. Ну, это их проблемы, очень скоро американцам предстояло на собственной шкуре оценить всю пагубность такого подхода.

Между тем, англичане тоже не медлили — их разведка всегда была неплохой, и как только американский флот начал готовиться к выходу в море, зашевелилась и агентура, и дипломатические круги. Только вот процесс уже набрал обороты, и остановить его было не проще, чем разогнавшийся локомотив. Возможно, войны американцы и не хотели, но и без демонстрации силы обойтись уже не могли. Британцы тоже сдавать назад и показывать бывшей колонии слабость не собирались. Уже перед русскими один раз назад чуть-чуть сдали — и вот, сразу же появился кто-то, переставший бояться. Этому "кому-то" требовалось срочно преподать урок хороших манер, поэтому, если верить данным телеграфного перехвата, британский флот также был приведен в боевую готовность, и на Дальний Восток направлены дополнительные силы.

Когда две эскадры встретились, зрелище было внушительное. Со стороны американцев было шесть броненосцев и куча крейсеров, по численности он заметно превосходил британцев. Однако те имели свой, очень внушительный козырь — у них было целых восемь броненосцев, и они были вблизи своей базы, в гавань которой могли отступить. У американцев возможности сдать назад не было. К тому же, все-таки за плечами британского флота стояла грозная слава поколений моряков, не проигрывавших войн. Американцы особыми достижениями на этом поприще похвастаться не могли. Ну, справились они с испанцами, но те уже давно не играли в высшей лиге, их корабли были в отвратительном состоянии, а экипажи никто толком не обучал. Однако именно этот факт подталкивал американского адмирала к агрессивным и решительным действиям. Уж больно хотелось доказать всему миру, причем в первую очередь, самим себе, что та победа была не случайной, и что с американским флотом должны считаться все.

Две эскадры активно маневрировали на расстоянии двух-трех миль и, надо сказать, то ли от чувства опасности, то ли от нежелания хоть в чем-то уступать британцам, но с маневрами американские корабли справлялись куда лучше, чем во время похода. "А может,

во время похода и научились", критически посмотрев на творящееся безобразие, подумал Плотников. Тем не менее, до открытой конфронтации дело пока не доходило — так, демонстрация силы обеими сторонами. Однако нервозность все же присутствовала, и к исходу второго дня, когда потенциальные противники сблизились на жалкие полмили, и нервы у тех и у других были напряжены до предела, произошло то, что и должно было случиться. Сначала над британским флагманом взметнулся огненный фонтан взрыва, и еще два снаряда подняли внушительные столбы воды у его борта, а потом шесть снарядов упали вокруг одного из американских броненосцев. Точнее, упали пять, а один попал, но это было, в общем-то, непринципиально. Снаряды угодили именно туда, куда и были направлены, и сыграли роль вызвавшего цепную реакцию запала. Когда орудия заряжены, они просто обязаны выстрелить, а когда артиллеристы готовы это сделать, то в ответ на угрозу именно это они и сделают...

Следующие несколько минут Плотников с интересом наблюдал за тем, как американцы и британцы увлеченно истребляют друг друга. Хорошее было зрелище, красивое и полезное. Правильное, можно сказать. Если после такого барьер не рухнет, то что ему тогда еще надо? Хотя даже если и не произойдет прорыва, все равно Россия в этой реальности имеет шансы занять совсем другое место среди прочих держав.

Между тем, бой протекал вполне закономерно. Британцы и впрямь оказались и лучшими моряками, и более стойкими солдатами, да и свое преимущество в броненосных кораблях смогли реализовать вполне грамотно. Красиво сделали кроссинг Т, охватив "голову" американской колонны, и в три корабля расстреляли флагманский броненосец, в то время как остальные связывали боем основные силы американцев. Дальше можно было, в принципе, и не смотреть — потеряв флагмана, американские корабли разбрелись, словно стадо и, хотя сражались храбро, при таких раскладах им ничего не светило. Разумеется, на видео для истории сражение записали, но примечательным оно могло стать лишь в качестве первого в истории серьезного морского боя между британским и американским флотами. Все остальное было предсказуемо до банальности — более сильный и лучше подготовленный противник ломал слабого, только и всего. Закономерно, что еще до темноты последний уцелевший броненосец янки в сопровождении крейсеров бежал. Британцы не стали преследовать побежденных — во-первых, если броненосец они еще могли, в принципе, догнать, то крейсера ловить было просто нечем, а во-вторых, дрались американские моряки не слишком грамотно, но отчаянно, и подготовка их артиллеристов оказалась заметно лучше выучки офицеров. Все британские броненосцы были серьезно повреждены, один из них потом даже затонул в гавани Гонконга. Разумеется, глубина была невелика и корабль, палуба которого даже в прилив была всего на полметра ниже уровня воды, быстро подняли, но, тем не менее, остальные корабли тоже были серьезно попятнаны американскими снарядами, и устраивать гонки по славящемуся своей непредсказуемой погодой Тихому океану британский адмирал не рискнул.

Позже, на основании сведений о быстрых и эффективных действиях британцев в том сражении, некий Джон Фишер, британский адмирал, давным-давно вынашивавший идею быстроходного линейного корабля, вооруженного исключительно крупнокалиберной артиллерией, несколько пересмотрел свои представления о том, каким должен быть идеальный корабль будущего. В генеральной исторической линии его размышления привели к созданию "Дредноута", первого в мире линейного корабля в современном понимании этого слова, а также, в качестве относительно малочисленного подкласса, линейных

крейсеров, слабо защищенных, но хорошо вооруженных и быстроходных. Здесь Британия, с подачи обладающего неумной энергией адмирала, начала строить именно линейные крейсера, а полноценные линкоры оказались практически невостребованны. Многие тысячи английских моряков, идущие в бой на слабо защищенных жестянках и гибнущие от случайного снаряда, спустя долгие годы проклинали адмирала-реформатора...

Ну а Плотников наконец-то получил подтверждение тому, что все, сделанное ими, было не зря — буквально той же ночью его разбудили и сообщили, что получено радио из штаба. Приказ был один — идти во Владивосток и встретиться там с основными силами флота. Радиogramма могла быть передана только в случае, если передатчик был уже в этом мире, и ее получение могло означать только одно — барьер прорван, и вторжение началось.

Вздохнув, Плотников сел, потер виски. Ну вот, можно сказать, его эпопея закончилась. Достав бутылку коньяка, он налил себе не два пальца и медленно выцедил — все, теперь можно... Открыл сейф, вновь достал пакет, так и лежавший в нем с самого первого дня, и аккуратно достал из него вначале бумаги, которые небрежно отложил в сторону, а потом контр-адмиральские погоны. Вот такой вот аванс шел вместе с приказом, но до сих пор Плотников не дотрагивался до них, решив, что наденет, когда выполнит приказ, когда будет знать, что заслужил... Ну что же, теперь время пришло. Дождь наград — это наверняка будет, командующий на заслуженные ордена не скупится, но все это будет потом. А сейчас новые погоны, еще двадцать граммов коньяка — и спать!

— Ну, что скажете? Готовы мы к броску?

— Думаю, да. Барьер рухнул еще вчера...

— Вы сообщали, я помню. Корабли уже в зоне дислокации, работы по подготовке генераторов большого пробоя к запуску заканчиваются, передовые группы уже там. Завтра с утра начинаем основную операцию. Я, вообще-то, имел в виду ваш институт. Он полностью готов к эвакуации, или вы опять чего-нибудь забыли?

— Готовы, разумеется. Ядреная бомба в подвале кого хочешь убедит.

— Это хорошо. Теперь о деле. Сколько у нас времени?

— Два месяца, может, чуть больше. Потом миры начнут расходиться, и кто не успел — тот опоздал.

— Два месяца... Чуть хуже, чем хотелось, но намного лучше, чем могло быть. Успеваем.

— Это замечательно. Я тут посчитал, можно открыть еще несколько локальных пробоев, и тогда пропускные возможности возрастут. Энергии хватит, остаточная мощность барьера ниже, чем расчетная. Очевидно, последнее возмущение, которое устроили ваши мальчишки, оказалось неожиданно сильным. Я даже сам не ожидал, что подобное в принципе возможно.

— Очень хорошо. На сей раз вы меня обрадовали, профессор. Готовьте дырочку.

— Для чего?

— Для ордена, разумеется. Ну, или для чего-нибудь другого, если что-нибудь пойдет не так.

— Вы пошляк...

— О, поняли сразу! Не обижайтесь, это у меня юмор такой дурацкий стал в последнее время. Нервы на пределе.

— Да мне монопенисно, какой у вас юмор. Просто и впрямь пошловатое.

— О-па... Такого выражения я и не знал. Похоже, у вас тоже нервишки пошаливают.

— А что вы хотите? Все мы в одной лодке, сами говорили.

— Ладно, ладно, успокойтесь — нормально все. У меня вон завтра переговоры намечаются, нестандартные до предела, так я и то не стону. Или не стоню? Как правильнее?

— Не знаю. А с кем переговоры?

— С "хозяином земли русской"...

— С Николашкой, что ли?

— Ага, с кем же еще.

— Похоже, вы ему намерены популярно разъяснить, кто и где у нас хозяин.

— Не без этого. А куда деваться? Лучшие сразу расставить точки над ё, чем потом иметь войну и кровь. Высаживаться-то все равно на его территории.

— Вы считаете, он там все решает? Слишком много заинтересованных лиц будет, и каждый захочет иметь свой кусок.

— Кого-то напугаем, кого-то купим, кого-то, если другого варианта не будет, можно и того...

— Прибить?

— Вы невероятно проницательны сегодня.

— Ой, только не надо сарказма. Вы скажите лучше, а что с церковью делать будете, если им не понравится? Тогда ведь эта шушера серьезным влиянием пользовалась.

— Пошлю их куда подальше. Вот уж перед ними у меня вообще никаких моральных обязательств не имеется. Церковь — организация, не более того, а присваивает себе право говорить от имени Бога. Кстати, довольно бездарно говорят, выродились, наверное. Да и вообще, тон они взяли неверный и оскорбительный, потому что мой Бог меня рабом не называет.

— Вот даже как?

— Именно. Пусть делают, что хотят, но в наши дела им лучше не лезть — чревато. Не зря же мы не берем с собой ни одного из священников высокого ранга... Ну все, заболтался я что-то. Время, время... Ладно, профессор, удачи вам, готовьтесь.

— Уже уходите? А по коньячку?

— За успех, что ли? Ну что же, давайте, только по чуть-чуть. Реально завтра надо иметь голову свежей. Ну, вздрогнули?

— Вздрогнули. За успех.

— За успех...

Адмирал Макаров стоял на Электрическом Утесе, возле охраняющих вход в бухту десятидюймовок, и мрачно рассматривал горизонт. То, что он видел, одновременно и впечатляло, и пугало. Корабли, корабли, корабли... Огромные, это было заметно даже на таком расстоянии, с непривычными и абсолютно неизвестными силуэтами, с поднятыми флагами, которых, поклясться можно, нет ни у одного государства. Адмирал готов был спорить на что угодно, что этих гигантов нет и не может быть ни в одном флоте мира, но... но вот же они, вполне реальные и пугающе-грозные в своем совершенстве, выкрашенные в шаровый цвет стальные острова, замершие вне досягаемости береговых батарей.

Самое интересное, что враждебности корабли не проявляли — просто стояли, и все. Когда дозорный миноносец приблизился, по нему не было сделано ни единого выстрела. Правда, и на запрос пришельцы никак не отреагировали. Позволили себя рассмотреть во всей красе, сами полюбовались — стоящих на палубе матросов было видно хорошо — и проигнорировали. Командир миноносца лейтенант Колчак, только что получивший "Георгия" за участие в сражении с британской эскадрой, смог обойти их, пересчитать корабли и даже сфотографировать их. Ему не препятствовали.

Теперь перед адмиралом стоял извечный русский вопрос: что делать? С одной стороны, вроде бы ничего неизвестная эскадра не предпринимает, с другой — как-то неуютно от такого ее поведения. Очень легко представить, как с одного из кораблей хлестнет по берегу орудийный залп — и все! Макаров не сомневался, что корабль таких размеров и оружие несет соответствующее. Правда, фотографии, которые срочно проявили и отпечатали, не давали точного представления о масштабах происходящего — оружие на чужих кораблях было тщательно зачехлено, и рассмотреть его было сложно. Тем не менее, было ясно, что кроме привычных орудийных башен, кстати, на удивление небольших размеров, имеется еще какое-то вооружение, не похожее ни на одну знакомую артиллерийскую систему или торпедный аппарат. Не было привычных, чуть ли не выше мачт, дымовых труб, зато были надстройки, когда угловатые, а когда решетчатые, абсолютно непонятного назначения. Кроме того, на некоторых из этих кораблей, по виду больше всего похожих на гигантский плац с высокой, почему-то вынесенной вбок надстройкой, оружия вообще заметно не было. И, тем не менее, не быть его там не могло — иначе зачем строить корабль, рядом с которым любой броненосец покажется карликом?

Кстати о броненосцах. Вот ведь незадача, если придется драться с неизвестными кораблями, а исключать и такой поворот событий Макаров не мог, то в море выходить, собственно, и не на чем. Три броненосца, пришедшие в Порт-Артур после сражения с японцами, небоеспособны — их слишком сильно потрепало, а ремонтные мощности порта на проверку оказались ничтожны. Даже те корабли, которые уже стояли на ремонте, в порядок все еще не приведены. И с чем встречать незваных гостей? Выходить против них на "Баяне" с парой легких крейсеров, или просто топить все, что можно, на фарватере, чтобы не допустить противника в гавань? А что еще прикажете делать — ведь сколько не говорили до войны, что надо обеспечивать базу нормальными доками, все как-тоглохло в пустой болтовне. Потом всю войну расхлебывали, ходили в море на залатанных на живую нитку кораблях, в бою постоянно нервничали, что из-за сотрясений от собственных выстрелов отлетят наскоро установленные заплатки, и теперь вот вынуждены бессильно кусать локти,

зная, что ничего не могут сделать. И, главное, ничего опять не изменится, логика чиновников проста, как гвоздь: если русские чудо-богатыри сейчас справились — значит, и в следующий раз сдюжат. И нечего деньги тратить, чтобы им легче было. А на то, что эти самые чудо-богатыри из-за этого гибнут, им наплевать — бабы, мол, еще нарожают. Иногда Макарову хотелось просто развернуть башню да врезать прямой наводкой... Куда точно — он и сам не знал, но отлично понимал, что очень многим, в первую очередь, матросам хочется сделать того же самого. И еще он понимал, что сумел придушить здесь, в Порт-Артуре бунтовщиков только благодаря авторитету, да еще тому, что война поневоле заставляет людей заботиться о том, чтобы выжить, а не о всеобщем благе. Что творится на других флотах, он представлял неплохо, и оптимизма это знание лучшему адмиралу Российской империи не добавляло.

От мрачных мыслей его отвлек удивленный возглас кого-то из стоящих на почтительном отдалении от командующего флотом офицеров. Стояли в стороне они по двум причинам — во-первых, чтобы не мешать раздумьям адмирала, а во-вторых, чтобы не попасть под горячую руку. Любое, даже самое лучшее начальство может в определенные моменты быть излишне грозным и сорвать раздражение на подчиненных, а Макаров, как все знали, был крут. Тем не менее, адмирал даже не обратил внимания на возмутителя спокойствия, уж больно необычное зрелище предстало перед ним. Из-за кормы одного из кораблей вылетело нечто вроде миноносца, только широкое, непривычных очертаний, и с огромной скоростью устремилось к берегу. Скорость эту Макаров оценил примерно узлов в пятьдесят, и ему потребовалось минуты две или три, чтобы осознать всю нереальность этой цифры. Незнакомый же корабль, будто плюя на все представления собравшихся о реальности и нереальности, устремился напрямик ко входу в бухту, не обращая внимания ни на миноносцы, ни на изгибы фарватера.

— Куда он... — выдохнул кто-то озвучивая мысль, которая пришла одновременно в голову всем присутствующим. Корабль, не снижая скорости, несясь напрямик на берег, и все уже ждали удара и громкого, наверняка слышного даже здесь скрежета раздираемого металла, но... корабль вылетел на берег и, не снижая скорости, понесся по земле в сторону города. На несколько секунд все застыли в шоке, а затем, плюнув на приличия, толпой, невзирая на чины, бросились за ним.

Когда Макаров, задыхаясь от быстрого и совершенно неприличного для его возраста и звания бега, подбежал к штабу, то застал там совершенно непривычную картину. Корабль, ошестинившийся небольшими орудийными башнями, прочно, как будто для этого и был предназначен, стоял на земле. Вокруг него стояло, явно в карауле, человек десять, одетые в непривычного вида черную форму и с еще более непривычными короткими винтовками на груди. Поверх формы было надето что-то вроде пятнистой безрукавки, тяжелой даже на вид, на головах — береты, к ремню приторочена металлическая каска. Рядом, чтобы поглазеть на непривычное зрелище, собралось немало народу, и если гражданские чуть напугано молчали, офицеры тоже стояли кучкой, ожидая, когда появится начальство и внесет в происходящее некую толику ясности, то вездесущие мальчишки уже ползали по броне, с интересом рассматривая новую диковинку, и никто им не препятствовал. Что самое интересное, обычные солдаты и матросы уже всю переговаривались с часовыми, те отшучивались. Уши адмирала слегка резала какая-то непривычность речи чужаков — вроде и по-русски говорят, а в то же время и чуть-чуть иначе. Впрочем, общению нижних чинов это, похоже, не мешало. В одном месте даже уже форму пальцами щупали...

— ...да удобнее нашей ничего быть не может, — возмущался какой-то солдат. — Чтобы я еще эту тяжесть на себе таскал! Да в ней после второй версты бегать упаришься.

— Зато броник осколок держит. И пулю, если по касательной, — явно уже не в первый раз, терпеливо, как ребенку, объяснял ему часовой. О том, что в карауле положено стоять молча, они, похоже, не предполагали. — Знаешь поговорку? Пар костей не ломит.

— Да зачем это все? — вмешался второй солдат. — Япошка от нас и так убег.

— Угу. От тебя и убег. Ты его вживую-то видел? Он в тебя стрелял? Стрельнет — так обделаешься, небось.

— Да я тебя за такое...

— Ты — меня? Ну что, давай, попробуй.

Оба тут же, будто сговорившись, передали свое оружие товарищам, и двинулись навстречу друг другу. То, что было дальше, Макаров не совсем понял. Вроде бы солдат ударил... а потом он уже лежал на земле. Его противник, ухмыляясь, протянул упавшему руку:

— Вставай уж... Аника-воин. Да не переживай ты так, захочешь — и тебя научим.

Чем закончился их разговор, Макаров не узнал, потому что из недр корабля раздался глухой лязг и чей-то совершенно русский мат — кто-то кого-то распекал так, как это положено делать боцману, и, как ни странно, это подействовало на Макарова успокаивающе. Так ругаться могут только русские, это у нас в крови. Такому не научишься, как ни старайся — значит, и впрямь свои. А потом по легкому металлическому трапу спустился высокий, плотно сбитый человек в фуражке с высокой тульей и погонами, на которых тускло поблескивали две большие звезды.

— Здравия желаю, господин адмирал. Макаров Степан Осипович, я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. С кем имею честь?

— Вице-адмирал Протасов, Станислав Ильич. Командующий всем этим безобразием.

Сразу же беря инициативу в свои руки, Протасов поинтересовался, где им удобнее поговорить — в штабе, на борту его корабля, благо тот под боком, или на борту флагманского крейсера. Ну и заодно попросил не стрелять — через час должны были прибыть "Варяг" с "Корейцем", и Руднев, по его словам, намерен был идти напрямик в родной порт. Макаров, не тратя даром время, отдал распоряжение и полез внутрь чужого корабля — все-таки любопытство у него было одной из главных черт характера. Правда, на флагман он не стремился, решив, что успеет, но упустить возможность первому побывать на борту этого невероятного корабля (на воздушной подушке, как сказал Протасов, и Макарову очень хотелось понять, что за подушка и с чем ее едят) было выше его сил.

В рубке его ожидал культурный шок. Нет, Макаров понимал, конечно, что корабль, необычный снаружи, должен быть необычным и внутри, но это... В общем, он пришел в себя только после того, как в него буквально влили хорошую порцию коньяка. Пожалуй, на мостике, под вражескими снарядами, было проще, чем здесь, где страшно было повернуться из опасения разворотить что-то хрупкое на вид, пусть умом и понимаешь, насколько прочным должно быть все на борту такого корабля.

Разговор состоялся после экскурсии по кораблю, за обедом. Протасов вежливо, доступно и, в то же время, непреклонно объяснил Макарову свою позицию. И о том, кто они, объяснил, и о том, зачем прибыли, и о том, что на мнение других о том, где им стоит находиться, а где нет, командованию флотом, в общем-то, плевать. Когда он закончил, Макаров некоторое время сидел, глядя в одну точку и обдумывая услышанное, а потом с

силой растер руками лицо и спросил:

— Я так понимаю, если исключить малозначимые нюансы, вы — наши потомки?

— Вы уловили суть.

— И там что же, так плохо, что вы решили завоевать предков?

— Вы неправы, никто вас завоевывать не собирается, хотя, конечно, не все так хорошо, как хотелось бы. Но воевать никто не собирается, поверьте. Эскадра здесь только для того, чтобы пока ваши корабли небоеспособны, не допустить появления кого-то вроде британцев — ну их, пускай с Америкой воюют. Хотя вряд ли они до сюда доберутся — на позиции вышли наши подводные лодки с приказом топить всех, кто идет не под Андреевским флагом, но мало ли. В порт наши корабли заходить не будут.

— Свежо предание...

— Адмирал, мы говорим с вами на одном языке, а русские с русскими воевать не должны, вот и все. Ну а решать вопросы высоких материй давайте оставим политикам. А правду я вам сказал или нет — спросите у Руднева, его крейсер должен скоро быть здесь.

— Обязательно спрошу, не сомневайтесь. Один вопрос: тот корабль, который уничтожил половину японского флота, здесь?

— Нет, он в районе Владивостока, с основными силами флота.

— Основными силами?

— Ну разумеется. То, что вы видите, всего лишь оперативное соединение. Состоящее не из самых мощных кораблей. Засим, простите, я откланяюсь. Если вам требуется помощь в ремонте кораблей — сообщите, я оставлю здесь, с вашего разрешения, офицера связи. И еще, чуть не забыл. У вас ведь наверняка полно раненых. Отправьте их к нам — все же уровень вашей медицины внушает мне... ну, скажем так, разочарование. А у нас выживут если не все, то большинство, да и инвалидов, я надеюсь, будет меньше...

— Хорошо, я обдумаю это. Кстати, а те, кто охраняют корабль...

— Это морская пехота, элитные войска. У вас таких пока нет, но, думаю, скоро появятся — поможем, если что. Лишними такие солдаты никогда не бывают. Имейте в виду, тех, кто сейчас охраняет корабль от того, чтобы его не растащили на сувениры, достаточно, чтобы полностью нейтрализовать оборону Порт- Артура.

— Вы шутите? По-вашему, десяток человек смогут нейтрализовать оборону сильнейшей в этом районе крепости?

— Представьте себе, что вы, генерал Кондратенко, наместник, да и все остальные старшие офицеры валяетесь с дырками между глаз. На это опыта и умения у них хватит. Как по-вашему, сколько после этого продержится крепость? С учетом того, что все управление будет дезорганизовано. А ведь им по силам, к примеру, еще и склады боеприпасов подорвать.

— Это варварство.

— Это война. Мы воюем иначе, адмирал. И мы пришли сюда, чтобы на Земле никогда не было таких войн.

Атлантический океан, неподалеку от побережья Северной Америки, 1904 год

Британский крейсер "Венус" находился в дозоре с момента начала обострения отношений между Великобританией и САСШ. Приказ, полученный его командиром, был недвусмысленным — в случае начала военных действий немедленно начинать перехват американских грузовых кораблей. Англичане намерены были воспользоваться удачным опытом русских, которые подобными действиями фактически поставили на колени Японию. В конце концов, если получилось у них, почему не должно получиться у британцев, не без основания считающих себя лучшими в мире моряками?

Правда, "Венус" нельзя было назвать шедевром корабельной архитектуры, но и древностью он не был — с момента вступления этого корабля в строй не прошло и семи лет. Конечно, скоростью он не блистал, но в Лондоне решили, что для янки и этого хватит. Логика в этом, разумеется, была — восемнадцать узлов достаточно, чтобы догнать практически любой грузовой корабль, а военным кораблям для того, чтобы догнать крейсер, надо его сначала обнаружить. Знаменитый русский рейдер, который в начале войны перебил немало горшков на японской кухне, кстати, так и не поймали, а это о многом говорит. А ведь за ним гонялись не только и не столько даже японцы, сколько британцы, которым он изрядно попортил крови. И что? Куча сожженного угля, и только — отыскать корабль на просторах океана практически невозможно, если, конечно, его капитан не потеряет осторожность. Однако чего-чего, а осторожности у британцев хватало, впрочем, как и храбрости. Никто, конечно, не думал, что один крейсер повлияет на исход войны. САСШ — не Япония, там народ цивилизованный, костяк нации составляют выходцы со все тех же Британских островов. Эти не будут вспарывать себе животы при малейшей неудаче, головы у них на плечах есть.

Правда, и чего-либо запредельного от американцев ждать не приходилось. В Америку ведь когда-то рванули, в основном, отбросы общества, джентльменов среди них было немного, да и те, в основном, расположились на юге САСШ. Юг же совсем недавно, в результате гражданской войны, понес невосполнимые потери в человеческих ресурсах, а значит, цвет нации был заметно выбит. Ну а янки могут быть энергичными и неглупыми, но стержня в них нет, да и вообще, американцы — нация торговцев. Сделайте войну для них убыточной — и они будут срочно искать мирное решение, ради чести воевать не станут. Именно поэтому "Венус" и другие крейсера, имеющие аналогичные задачи, вышли в рейд с приказом нанести как можно больший урон торговле противника и, как только во время очередной бункеровки его командир получил шифрованный приказ, охота началась.

В течение недели удалось перехватить и отправить на свою базу целых три американских корабля. Те были непугаными, как будто война их не касалась. Да, они слышали о том, что русские всюду расправлялись с теми, кто вез грузы в Японию, но это же нормально, нечего с узкоглазыми якшаться. О том, что точно так же могут открыть охоту и на них самих, никто, похоже, даже не задумывался. Наверное, поэтому двое капитанов угрозу со стороны крейсера всерьез не восприняли, и лишь когда одному выстрелили поперек курса, а второму и вовсе разворотили снарядом надстройку, те начинали соображать, что игры кончились, после чего брыкаться уже не пытались.

С третьим же вышло еще смешнее. Когда его капитан понял, что их собираются

захватить, он решил поиграть в героя и попытался таранить британский крейсер. Естественно, ничего у него не вышло — все же имея тяжелую и неповоротливую посудину, дающую не более тринадцати узлов хода, сложно состязаться с военным кораблем. Пять снарядов, искорежившие пароходу борт, он выдержал, но шестой, вдребезги разбивший капитанский мостик вместе с капитаном, поставил точку в этой затянувшейся игре. К счастью, все пробоины были намного выше ватерлинии, а то обидно бы было из-за упрямства какого-то олуха лишаться своей доли призовых.

Командир "Венуса" не знал точно, но догадывался, что подобное началось повсеместно. Надо сказать, он был абсолютно прав в своих предположениях. Американские корабли перехватывались во всех морях, а те, которым "посчастливилось" встретить начало войны в британских портах, захватывались прямо там. Больше того, американские корабли перехватывались даже в территориальных водах других государств. Когда им было это выгодно, британцы не церемонились, и плевать-то они хотели на международное право с высокой башни.

На этот раз неизвестные корабли были замечены уже под вечер. Огромные, необычных форм и, почему-то, идущие без дыма. Однако это не насторожило британцев — на фоне плохой погоды и уже опускающегося сумрака дымы, очевидно, были просто не видны. Если бы командир "Венуса" хоть немного помедлил, у кораблей, разумеется, был шанс уйти, но крейсер решительно устремился за ничего не подозревающей добычей. Только вот транспорты эти, вместо того, чтобы остановиться и принять на борт досмотровую партию, как и положено нейтралам, или попытаться уйти, повели себя несколько неожиданно. Один из них внезапно развернулся и направился навстречу британскому крейсеру. Судя по всему, на этот раз янки пустили свои транспортные суда под охраной военного корабля. Ну что же, если он слабее, то можно будет попытаться его потопить или хотя бы вывести из строя. Это, конечно, почти наверняка будет означать конец рейда, потому что американцы не трусы, наверняка будут защищаться и обязательно нанесут британскому крейсеру повреждения, но это, возможно, даже и к лучшему. Командир "Венуса" был не дурак и прекрасно понимал, что раздолью первых дней войны приходит конец. Если американцы начали сбивать свои транспортные корабли в эскадры и посылать их под охраной, то недалек тот день, когда эта охрана станет многочисленной, а на охоту за рейдерами выйдут боевые корабли. И тот, и другой вариант могли плохо кончиться, поэтому куда лучше было бы сейчас провести героический бой, победить, отрапортовать об этой победе, получить заслуженно причитающиеся чины и ордена и встать на ремонт, желательно, до конца войны. Если же американский корабль оказался бы сильнее, то надо было просто удирать — даже если тот быстрее, бросить караван он все равно не имеет права, и поэтому уйти "Венус" мог при любых раскладах.

То, что надвигаются неприятности, на британском крейсере сообразили многие и практически одновременно — слишком уж быстро приближался чужой корабль, притом что был он на удивление мал. Словом, на крейсер размерами не тянул, но миноносцу не положено свободно идти через океан, утонет в первый же шторм, а канонерки не могут так быстро бегать. Решив не гадать и не дожидаться, пока дело запахнет жареным, британцы начали поворот, который позволил бы им вести огонь всем бортом, но было уже поздно — сами того не зная, они вляпались в дела очень серьезных людей. Проще говоря, засекли идущий к Канаде конвой из набитых людьми и техникой десантных кораблей под охраной сторожевых кораблей "Неотвратимый" и "Неистребимый". Ну а у командиров сторожевиков

был недвусмысленный приказ — обеспечить секретность операции, и для британского крейсера это было приговором. Просто мало ли — вдруг он уже завтра окажется на своей базе? Нет уж, лучшим гарантом молчания свидетелей является их своевременная смерть. Командовавший операцией по проводке конвоя капитан второго ранга имел опыт в подобных делах, и потому отдал приказ одному из сторожевиков, оставив десантные корабли под охраной своего собрата, перехватить чужой корабль.

Можно было его просто утопить ракетами — предназначенный для охраны морских рубежей, сторожевики были вооружен достаточно, чтобы нанести серьезный ущерб какому-нибудь новейшему крейсеру, построенному в двадцать первом веке, вздумай он войти в воды России. Местная пародия на боевые корабли от противокорабельной ракеты должна была разлететься в щепки, но командир "Неотвратимого" решил не тратить на него серьезные боеприпасы. К тому же, ему хотелось испытать в боевых условиях артиллерийское вооружение своего корабля — в носовой башне сторожевика располагалась стотридцатимиллиметровая спарка. В последнее время вновь пошла тенденция к укрупнению калибров морских орудий, и потому даже относительно небольшие корабли новых серий начали вооружать серьезной артиллерией, а крейсера постепенно переходили на шесть-восемь дюймов. Военные любят большие игрушки...

"Неотвратимый" открыл огонь с шестидесяти кабельтов, а когда сблизился до пятидесяти, "Венус" уже превратился в пылающую развалину. Еще спустя пять минут и пару десятков снарядов под ватерлинию он лег на борт и быстро затонул. "Неотвратимый" подобрал человек двадцать, большинство были ранены, и все находились в шоковом состоянии. Остальные члены экипажа или погибли при обстреле, или шли сейчас на дно вместе со своим кораблем. Именно с этого эпизода и началось вторжение пришельцев из другого мира в Северную Америку.

Николай Второй, Император Всероссийский, ну и, кроме этого, еще куча малозначимых титулов, ощущал себя не в своей тарелке. Все же он привык, чтобы другие к нему относились если не испуганно и подобострастно, то хотя бы так, как младшие к старшему. Однако сейчас подобным даже и не пахло — тот, кто сидел перед императором, явно не собирался трепетать перед его титулами. Более того, создавалось впечатление, что он их в грош не ставит, и он пришел не разговаривать, а ставить условия. По сути, так оно и было — тот, кто сейчас занимал мягкое кресло и иронически поглядывал на императора, мог себе позволить и не такое.

Вообще, все произошло так, как в каком-нибудь фантастическом романе месье Верна. Ранним утром, когда большая часть людей еще спала, над Царским Селом раздался грохот, и с неба опустился летательный аппарат размером с миноносец. Зрелище было настолько невероятным, что охрана так и стояла, уронив челюсти, пока из недр летающего чудовища не начали выпрыгивать одетые в странную пятнистую одежду люди, вооруженные непривычными на вид карабинами. Хотя, надо сказать, посмотреть было на что — гигантский винт, который, очевидно, и приводил в движение неизвестную машину, поднимал ветер такой силы, что небольшие деревья просто сгибало. Рев, производимый чудовищем, заглушал слова настолько, что люди не слышали собственного голоса, а у некоторых закладывало уши. На ногах те, кто оказался поближе, держались с большим трудом, а двое солдат, переносившие сколоченный из тонких досок легкий щит, и вовсе получили незабываемые ощущения. Поток воздуха щит подняло в воздух и отшвырнуло метров на двадцать вместе с вцепившимися в него крепкими мужиками. Правда, воплей их все равно никто не услышал.

Однако все-таки в охране императора народ собрался не робкого десятка, и при виде угрозы (а как еще назвать почти семь десятков здоровенных лбов при оружии) дисциплина мгновенно взяла верх и над удивлением, и над страхом. Во всяком случае, за винтовки они схватились дружно. Однако пока охрана дружно зыркала на новичков, несколько таких же машин, но поменьше размерами, зависла с другой стороны сада, и по тросам вниз скользнули такие же камуфлированные здоровяки. Царское село было захвачено моментально, и всякие попытки к сопротивлению пресекались мгновенно и жестко, хотя и без лишней жестокости.

Хотя какая уж там жестокость. Отобрали оружие, загнали в казарму выдали на удивление вкусные сухпайки и велели сидеть и не дергаться — мол, вреда ни им, ни особам царских кровей не причинят и после того, как с ними переговорят, отпустят. Всех и потерь было, что уряднику Дементьеву выбили два зуба, когда тот попытался было помахать своими пудовыми кулаками, причем скрутили его на удивление ловко. Конечно, было обидно, что вот так вот с ними справились, но дергаться теперь было уже поздно, да и, судя по тому, как разговаривали между собой победители, это были русские. Кто они и откуда, непонятно, но может, какие-нибудь учения с показом его величеству новой техники? По слухам, некоторые генералы могли и такое устроить.

А между тем, в апартаментах его императорского величества шел серьезный разговор. Что это не переворот, Николай понял сразу — трусом он все же не был, и хорошо понимал, что если с тобой обращаются вежливо, позволяют одеться и не пытаются под угрозой

канделябра подsunуть бумагу об отречении, то это мало похоже на попытку тебя банально сместить. Хотя, возможно, это была просто защитная реакция на стресс. Как бы то ни было, входя в комнату, где его ожидал незваный гость, Николай был практически спокоен, и смог практически без эмоций его оценить.

Рост выше среднего, спокойное, располагающее лицо, аккуратно уложенные темные волосы, темно-серый костюм чуть непривычного покроя. Возраст с ходу не определишь, но заметно, что заметно старше Николая. И поприветствовал вежливо, но... как старший младшего, сразу давая понять, кто здесь главный. Это было непривычно и неприятно, однако как только им принесли завтрак и оставили высокие договаривающиеся стороны вдвоем, все встало на свои места.

Можно было не верить тому, что говорит этот человек, но вид грозных летающих машин, сейчас вполне мирно стоящих вокруг дворца, наводил на мысли о том, что он не шутит и не пытается разыгрывать. И страшные вещи о революциях, о том, что семья Николая будет полностью истреблена, кажушиеся детской страшилкой, тем не менее, пугали. Да и рассказ о том, что наследник окажется болен неизлечимой болезнью, и виновата в том императрица, а точнее, ее предки, тоже пугал. Но больше всего пугало то, что обо всем этом собеседник говорил, как о свершившемся факте, показывая фотографии, документы, а иногда и нечто вроде синематографа, только на маленьком экране и невероятного качества. А потом Николая поставили перед фактом — на его территории скоро окажется лишние сто с небольшим миллионов человек. Правда, практически все они будут высажены в малонаселенной или вовсе никем не населенной местности, и нуждаться ни в чем не будут — все, что надо, они доставят с собой. Единственное, что требуется от императора — не мешать. Потом они уйдут сами. На вполне естественный вопрос куда, собеседник лишь рассмеялся и ответил, что планета большая, и с точки зрения проживания сейчас Канада, часть территории САСШ, а может, и вся под настроение, и Австралия их вполне устроят. Ну и пояснил, что это именно те территории, которые пришельцы реально способны взять и без напряжения и критических для себя потерь удержать. Европа, ресурсы которой вызывали у него лишь презрительный смех, а наличие многочисленного нищего (тут Николай лишь присвистнул про себя) населения сулило лишь проблемы, царского собеседника не интересовала. Аляску, правда, пришельцы намерены были оприходовать, но тут уж никуда не денешься — все равно ясно было, что для русских она уже давно потеряна. Ну и добавил еще, что Николай может не волноваться — никто с Россией воевать не станет. И не в последнюю очередь потому, что вновь прибывшие, по сути, такие же русские, а русским с русскими воевать глупо. А вот помочь — наоборот, помогут, на взаимовыгодной основе, разумеется.

Вот слова насчет взаимовыгодной основы императора заинтересовали. Если разговор пошел в таком деловом ключе — значит, точно не обманывают. Как оказалось, взаимовыгодным пришельцы считали передачу России некоторого количества технологий, в первую очередь сельскохозяйственных и медицинских, причем взамен не требовали практически ничего — так, возможность спокойной высадки без вмешательства со стороны, некоторое время базироваться в русских портах и проводить через них отправку людей и грузов. Ну и еще одно — полностью исключить из участия в экономике Империи иностранный капитал. Физически исключить, пинками выгнав, а при нужде и ликвидировав тех, кто завязан на эту экономику извне. На робкое возражение, что та же Франция, кредиты которой, выданные России, очень велики, будет возражать, последовало удивленное

поднятие бровей: "Какая Франция?". В общем, договорились. Правда, все же решили, что выжигать недовольных соседей до скального основания не стоит, хотя был Николаю предложен и такой вариант.

Ну и еще некоторые опасения вызывало то, что соседи, в первую очередь, Великобритания, могли и обидеться на столь наглое оттяпывание колоний. Ответ был прост: мол, флот перетопим, вы ведь слышаны уже, что может натворить один-единственный наш корабль. Так вот, флот перетопим, армию, случись что, разгоним (вы ведь обратили внимание на нашу технику, правда?) а новые у наших визави, с их двумя верфями и парой заводиков, нескоро появятся. Почему так мало? Да просто остальные мы сожжем. Или взорвем — под настроение. А попробуют отстроить новые — и их взорвем, возможностей достаточно.

Очень удивила Николая и идея пришельцев взять под контроль Персидский залив. Ну понятно, проливы — они всегда и всем были нужны, но зачем кому-то эта задница (Николай, при всем своем воспитании, выразился даже крепче) мира? Нефть? И сколько же ее там? Много? А британцы, турки, арабы? Ах да, какие арабы...

А как быть с теми, кто населяет сейчас Канаду и те же САСШ? Кто согласится — ассимиляция, кто не согласен — пусть уходят? Логика победителей, в принципе, понятна, но там же будет много жертв... Не звери — на корабли и пинком? А куда — не волнует? На родину предков? А примут? Их проблемы? Тоже верно...

В общем, обе стороны расставались весьма довольные друг другом. Правда, Николай вряд ли бы обрадовался, узнав, что пока две высокие договаривающиеся стороны обсуждают судьбы мира, в его страну идет активная инфильтрация разведчиков — вновь объявившиеся союзники не собирались ничего пускать на самотек. Конечно, сейчас история пойдет не так, как в их родном мире, но основные действующие лица-то никуда не делись. Так не проще ли малость перенаправить их кипучую энергию? На валку леса, к примеру, или на работы по добыче так необходимой сельскому хозяйству руды. Как вариант, просто на бег по пересеченной лесистой местности, уворачиваясь при этом от бойко посвистывающих пуль. Еще можно целину поднимать в условиях крайнего севера... В общем, вариантов масса, но в них не стоит включать попивание кофе в Швейцарии, беспечную жизнь в собственном поместье или, к примеру, отдых в Шушенском. Да и чиновников от воровства следовало отучать, что, впрочем, представлялось не таким уж сложным (имелся опыт, ох, имелся) делом. Короче говоря, проблемы новые хозяева мира намерены были решать радикально.

Вновь осваиваемые территории, 1904 год

Оттава, столица Канады, был тихим и спокойным городом. Если имеется понятие "провинция", то вся Канада, включая и ее столицу, была провинцией в квадрате. Более провинциальной была, наверное, только Австралия. Провинциалам, кстати, не особенно нравилось, что их считают провинциалами, хотелось почувствовать себя равными с метрополией, только вот никакой возможности для этого не было. Однако в этот осенний день у канадцев, жителей Оттавы, равно, впрочем, как и у всех остальных, была возможность почувствовать себя на острие международной политики. Им не слишком это понравилось, но мнения у них почему-то никто не спрашивал.

С ревом и грохотом над ними проносились воздушные гиганты, и позади них диковинными, никогда невиданными здесь белыми цветами распускались купола парашютов. Сейчас десант, пожалуй, едва ли не впервые в своей истории, делал то, для чего был изначально предназначен — массировано высаживался в тылу противника и брал под контроль колоссальные территории. На оставленной Родине в ту страшную войну, для которой и были созданы первые воздушно-десантные подразделения, такое сделать не получалось — нужно было устойчивое господство в воздухе, а его летчики смогли добиться лишь в самом конце, когда нужда в таких десантах отпала. Ну а в последующих локальных конфликтах для десантников уже не было таких задач, и они использовались, большей частью, как обычная элитная пехота. Но здесь и сейчас все было по-другому — колоссальные пространства, отдельные небольшие, практически отрезанные друг от друга населенные пункты, и полное отсутствие хоть какого-то намека на противовоздушную оборону. Самым сложным было возвести для этих самолетов на Дальнем Востоке взлетно-посадочные полосы, но технология была отработана, и временные полосы строились буквально за две недели. Они вначале приняли идущие из родного мира машины, а потом позволили отправить их в боевой вылет. Одновременный удар с воздуха и с моря начисто парализовал любые, даже самые малые попытки к сопротивлению. Да и кому там было сопротивляться? Микроскопическим гарнизонам, которые были, скорее, формальностью, или британским кораблям в канадских портах? Так первых разогнали пинками, а вторых утопили прямо в портах. Такого результата не ожидали даже те, кто планировал эту акцию. Удар — и все, Канада пала меньше чем за трое суток.

САСШ продержались чуть дольше. Там удар наносился по тому же сценарию, разве что задачи были чуть иными. Американцев планомерно вытесняли на юг, в сторону Мексики, благо местность позволяла активно использовать бронетехнику. Всякие попытки организованного сопротивления прекратились очень быстро, разве что молодежь пыталась иногда играть в партизан, но до белорусов (они, кстати, уходили сюда вместе с русскими) им было далеко. Наступающие никого не стремились зря уничтожать, но и щадить не собирались — шло завоевание жизненного пространства, и возиться с ассимиляцией тех, кто его временно занимал, особого желания не было, и потому воняющие выхлопными газами и лязгающие гусеницами колонны, идущие с севера, гнали перед собой толпы беженцев.

Проще всего было захватить Персидский залив. Там, к слову, активно поучаствовала и русская армия, которая воспользовалась моментом для того, чтобы затоптать, наконец, давнего врага — Турцию. После ударов с воздуха это было сделать совсем просто, благо дезорганизованные льющимся с неба огнем турки сами паниковали и разбежались. В

кратчайшие сроки пришельцы взяли под контроль побережье и основные нефтеносные районы. Арабам было четко указано, что любая попытка даже приблизиться к тем местам будет караться незамедлительно и жестко, и после пары демонстративных ударов они поняли, что лезть туда действительно не стоит. Ну а русская армия к тому времени как раз маршировала по улицам Стамбула, в гавани которого то здесь, то там вперемешку торчали мачты потопленных ударами с воздуха турецких и британских кораблей.

Дольше всех продержалась, как ни странно, Австралия. Хотя, собственно, чему тут удивляться? Этот континент был на другом конце мира, и запросто до него могли дотянуться разве что стратегические бомбардировщики. Только какой, спрашивается, смысл? Что там бомбить-то? Австралия держалась ровно до того момента, как за нее не взялись всерьез, то есть до прибытия ударного флота. Дальше все было по стандартному варианту, разве что местных не вытесняли, а вывозили в Британию.

Кстати, британцы пытались протестовать. Премьер-министр Артур Бальфур произнес на заседании парламента прочувственную речь о необходимости защиты интересов Британии и наказания русских медведей, которые только что вылезли из своей берлоги — а уже возомнили о себе непонятно что. Он вообще был неплохим оратором, а тут и вовсе превзошел самого себя. Собравшиеся аплодировали ему стоя, и никто не обратил внимания на нескольких человек, которых здесь просто не могло быть. А они, тем не менее, были, стояли у двери и тоже аплодировали — этак небрежно-иронично, будто присутствовали не на заседании парламента, а на выступлении какого-то комика из третьесортной труппы. Потом один из них, не дожидаясь окончания шоу, легко пересек зал и, подойдя к премьер-министру, небрежным пинком отправил его с трибуны, после чего громко и внятно посоветовал всем немедленно сесть. На возмущенный вопль какого-то умника о произволе и... Впрочем, до того, что было после "и" дело не дошло, потому что в ответ грянул выстрел, вроде бы и негромкий, но пугающе-четко услышанный всеми собравшимися. Недовольный сел, украсившийся аккуратненькой круглой дырочкой между глаз, а стоящий на трибуне вновь посоветовал, вернее, приказал всем сесть, дабы избежать случайных инцидентов с летальным исходом. В доказательство правомерности своих требований он продемонстрировал собравшимся устрашающего вида черный пистолет — идеальный аргумент в любом споре.

Ну а когда благодарные слушатели расселись по местам, им было доведено до сведения, что бухтеть решительно незначем, и любой косой взгляд в сторону России и ее новых союзников, которые как раз сейчас забирают то, что им принадлежит по праву, может быть истолкован как агрессия. Со всеми вытекающими последствиями в виде смерти всех здесь присутствующих, а заодно и британского королевского дома в полном составе. И что лично он, полковник спецназа ГРУ Семенов, лично гарантирует всем и каждому, что спрятаться не удастся даже на дне морском.

После этого были озвучены экономические требования, вызвавшие еще больший шок. Британии, владычице морей, запрещено иметь более двух верфей, способных строить корабли водоизмещением более пяти тысяч тонн, более двух заводов, производящих артиллерию... И это ведь было далеко не все. Ограничение коснулось всего, от добычи угля и выплавки стали до целлюлозно-бумажных производств. Представительства своих банков с территории России тоже убрать, все дела — только через российские финансовые структуры. И, хотя наглецы, держащие собравшихся под прицелом, не пытались накладывать ограничения на размеры флота и армии, было ясно, что выполнение требований смерти

подобно — ни то, ни другое просто невозможно будет содержать. А главное, все, что подлежит ликвидации (толстая папка со списками аккуратно легла на стол) надлежало аккуратно демонтировать и... перевезти в Россию, где смонтировать все это в строго определенные жесткие сроки за счет самих же британцев.

Закончив озвучивание своих невыполнимых требований, Семенов и его люди покинули зал, после чего спокойно улетели на вертолете, провожаемые ошалевшими взглядами свидетелей. Кстати, оказалось, ни один из тех, кто охранял парламент, не погиб — их нашли чуть позже, аккуратно связанными и уложенными в подсобных помещениях. Ну а в доказательство серьезности своих намерений и уровня возможностей русские взорвали, вернее, расстреляли с вертолета часовую башню Вестминстерского дворца, знаменитый Биг-Бен, и теперь его обломки были наглядным примером того, что произойдет с излишне самоуверенными идиотами, рискнувшими встать на пути русских.

Вряд ли британцам стало бы легче, если бы они узнали о том, что не одни оказались в столь плачевной ситуации. Подобными визитами были осчастливлены французы (взорванная Эйфелева башня, повешенные министр иностранных дел и несколько банкиров), немцы (кайзеру сломали здоровую руку и прострелили коленную чашечку) и многие другие. Это был, разумеется, не конец, но после того, как сильные мира сего поняли, насколько сами оказались уязвимы, резких телодвижений никто не делал, что способствовало сохранению мира и стабильности на планете в течение нескольких ближайших лет и дало переселенцам время, столь необходимое им для того, чтобы закрепиться на новых территориях.

Эпилог. Западная Россия, 1944 год

Сергей Федорович Плотников вошел в свою каюту и, аккуратно положив фуражку и повесив китель, вздохнул. Устал он сегодня, да, не молоденький уже. Впрочем, выглядит и сейчас молодцом. Плотников пригладил короткий ежик седых волос и подмигнул своему отражению в зеркале. Вот так-то, у кое-кого помоложе уже брюхо размерами бочку посрамляет, и голова лысая, как колено, а он еще ничего. И фигура спортивная, зря, что ли, до сих пор по утрам бегают, и на голове полный ажур. Даже когда надевает парадный китель стоит прямо, не сутулясь, хотя под тяжестью орденов и медалей, покрывающих грудь, словно кольчуга, не то что сутулым — горбатым можно стать.

Хотя все это сейчас, конечно, не более чем остатки былого великолепия. Это раньше он стоял на мостике и вел когда корабль, а когда и эскадру, сейчас же отставной адмирал Плотников — пенсионер, не более того. Хорошо еще, при деле — заведует военно-морским музеем, в который превратился "Мурманск", легендарный крейсер, первым проложивший дорогу в новый мир. Музей, конечно, состоит не только из этого корабля — огромное, в старинном стиле здание занимает целый квартал, а в экспозиции два десятка кораблей разных эпох, но все же "Мурманск" в нем занимает центральное место. И в своей каюте Плотников проводит намного больше времени, чем в шикарном загородном особняке. Фактически, он здесь и живет, возможно, подспудно надеясь, что когда-нибудь вновь придет приказ выйти в море. Ведь корабли, хоть и являются музейными экспонатами, поддерживаются в полном порядке и даже экипажи, пусть и сокращенные до минимума, на них имеются — так уж заведено, что любой корабль, не выведенный из состава флота, должен быть в полной боеготовности, а раз музей принадлежит флоту, то и корабли числятся боевыми единицами. Хотя, вообще-то, с кем воевать?

Плотников вздохнул, почесал гладко выбритую щеку, приготовил себе кофе... Нет, все же он устал. Как ни молодись, как ни старайся казаться сильнее, чем ты есть, но все равно годы берут свое. Восьмой десяток — пора уже и о покое думать, честно говоря. Как ни неохота себе в этом признаваться, но все мы не молодеем — истина сколь банальная, столь и верная. Пора начинать передавать опыт молодым — ему ведь, если вдуматься, есть, о чем вспомнить.

Говоря по чести, карьеры Сергей Федорович так и не сделал — дослужился до вице-адмирала, третью звезду на погоны получил, уже выходя в отставку. Да он и не обижался, честно говоря, прекрасно понимая и отдавая себе отчет в своих возможностях и способностях. Ну, не был он военным гением, не был, чего уж там, да и особыми талантами как штабист тоже не блистал. Но служил честно, воевал храбро. К первой Звезде Героя, той, что была получена за успешное осуществление операции "Прорыв", в скором времени добавил еще одну, за выполнение боевой и ужас какой секретной задачи, окончившейся кучей трупов, морем крови и многочисленными подписками о неразглашении. С этого дела гриф "Совершенно секретно" снимут, может быть, лет через сто, а может, и вовсе никогда не снимут. Ну и что с того? Плотников и без этих подписок был в секретах государственной важности, как щука в сетке, с ног до головы запутан. Секретом больше, секретом меньше — какая теперь разница?

А вообще, веселое тогда было время, лихое. Сейчас, когда вроде бы все, что можно и нужно было, уже сделано, начинаешь понимать — да, пожили... И сражаться умели, и

пьянствовать... Да-да, после того, как после легализации "Мурманск" пришел во Владивосток, их экипаж ставил на уши все заведения в городе. Ну и что? Заслужили! И воевали, и гуляли, и любили... Здесь, в этом мире, Плотников нашел и свою судьбу. Из местных, кстати, ну и что с того? Две дочери и сын, семеро внуков, уже одно это говорит о том, что жизнь прожита не зря. Хотя, конечно, семье он всегда уделял не так уж много времени — служба, отдыхать тогда было некогда. Это вам не то, что сейчас, когда молодежь...

Поймав себя на старческом брюзжании, Плотников усмехнулся про себя, посмотрел на не успевший еще остыть кофе и, подумав, сдобрил его небольшой порцией коньяку — для поднятия тонуса и снятия усталости. Сел, отхлебнул, зажмурился от удовольствия. Да уж, во все времена для стариков и солнце в молодости ярче кажется, и трава зеленее, и сами они были чудо-богатырями, по сравнению с которыми нынешние хлюпики и рядом не стояли. А на самом-то деле ничего, по сути, не изменилось, да и молодежь, если вдуматься, ничем не уступит им прежним.

Хотя, конечно, вряд ли нынешней молодежи потребуется нырять в неизвестность на одиноком крейсере, с единственной целью спасти свой народ. Уж они-то постарались, чтобы в будущем до этого не дошло. Вот он, Плотников, и постарался. Башни "Мурманска" еще помнят и врагов, которых они тогда ловили в прицелы, и волны тайфунов, сквозь которые пришлось как-то продираться к цели. Но это уж кому как повезет, и дай Бог, чтобы его детям не пришлось сражаться за свое будущее так, как пришлось когда-то им.

А вообще, нормальная молодежь, чего уж там. Вон, сегодня экскурсия была — интересуются. Таких экскурсий каждую неделю по десятку — это хорошо, что ребята не забывают своих корней. И у него есть, что им рассказать.

Сорок лет — не такой и большой, кажется, срок, а как все изменилось! Первые годы были адовы. Ресурсы, взятые с собой, таяли, как снег под солнцем, а инфраструктуру на новых территориях пришлось создавать практически с нуля. Заводов нет, поля всегда засаживались по технологиям, от которых у агрономов волосы дыбом вставали, животноводство в зачаточном состоянии. Жили не впроголодь, конечно, но очень скудно. Плюс сепаратисты всех мастей. А главное, надо было удержать дорвавшийся до свободы и власти народ от того, чтобы не сорвались в анархию, не стали ощущать себя новыми римлянами а прочих рабами, чтобы не расплозились по планете, утратив и этническую, и культурную целостность... Хотя, кстати, поддержке порядка очень способствовали те же сепаратисты — не то чтобы они были круты, но страшилкой работали исправно.

И все же справились. Запустили привезенные с собой мобильные атомные станции — их строили на базе кораблей, очень удобно получилось. Вывели на орбиты спутники связи, благо морские стартовые платформы имелись, построили заводы. В Техасе начали бурить нефтяные скважины, благо там нефть располагалась неглубоко, это дало и топливо, и сырье для химической промышленности. Поля засеяли элитными сортами хлеба — привезли посевной материал с собой. В общем, пахали все, как проклятые, но справились. И, к чести своей, ни разу ни у кого не попросили помощи, и ни у кого не пытались ничего отнимать, только покупали, тратя золотой запас. Не такой уж и нужный, если вдуматься — очень скоро золото утратило большую часть своей стоимости, но в тот момент никто вокруг об этом не знал. В Южной Америке тогда разводили огромное количество скота — вот его и закупали, корабли-рефрижераторы туда-сюда так и сновали. А потом заработали собственные животноводческие комплексы, да и Австралия стала в тот момент огромным

производителем сельхозпродукции. В общем, на восьмом году экспорт продовольствия прекратился, а потом начался устойчивый рост импорта. Ну а промышленную продукцию, как ни странно, начали продавать намного позже — вначале обеспечили полное насыщение внутреннего рынка.

А ведь параллельно еще и тянули Российскую империю из того болота, в которое она залезла и вылезать не стремилась. Огромные заводы, которые были перевезены из соседних стран и сданы, что называется, "под ключ", просто некому было включать в производственный цикл. Грамотных людей катастрофически не хватало, крестьяне предпочитали вести полунищенское существование в деревнях, но не отказываться от образа жизни предков. Чиновники всех уровней, и гражданские, и военные, воровали со страшной силой и готовы были, кажется, распродать все, что имелось — с подобными масштабами коррупции сталкивались разве что в лихие девяностые, и это стало для новичков настоящим шоком. Причем все это считалось само собой разумеющимся, даже как преступление не рассматривалось. По сути, империя прогнила настолько, что все революции, которые должны были бы случиться, были абсолютно закономерны. И с этим тоже надо было как-то бороться.

А самое паршивое, что император, вполне радостно вцепившийся на первых порах в протянутую ему руку помощи, сдал назад, как только понял, что манны небесной не ожидается. Будет работа — огромная работа, трудная, когда не хватает время не то что на доступные развлечения, а даже на поспать. Плюс жена-англичанка, непрерывно стонущая по поводу того, как несправедливо обидели Британию, плюс братья-сестры разной — юродности, дяди-тети и прочие представители разросшейся до неприличия семьи Романовых, которым не хотелось отходить от кормушки. А ведь есть еще и те же самые чиновники, есть промышленники — клан богатых людей, зачастую монополистов, не заинтересованных в том, чтобы чего-то производилось больше, а цены, соответственно, становились ниже. И вся эта кодла прямо-таки с неистовым рвением пыталась затормозить процесс, вернуть все на круги своя, упорно отказываясь понимать, что это — путь в никуда. Бороться с такими было в разы сложнее, чем с врагом внешним — тех хоть атомным зарядом можно было положить, если обычных снарядов не хватает, а здесь... Хоть создавай расстрельные бригады, а к ним армию обеспечения, что патроны успевали подвозить да стволы у пулеметов менять.

И тут работали, работали, работали, организовывали школы для крестьян, чуть ли не насильно вытаскивали детей в интернаты, где давали им возможность получить хотя бы урезанное образование, обеспечивали всяческие преимущества для тех, кто шел после обучения на заводы. А ведь рабочих тоже надо было учить, и целая сеть ПТУ для этого требовалась. Создавали на селе аналоги сталинских МТС, чтобы внедрить хоть какую-то, пусть и самую примитивную, механизацию и поднять производительность труда, строили больницы и зернохранилища, завозили нормальный посевной материал... Одни электростанции чего стоили! В общем, проще перечислить то, что не пришлось делать, вырывая ресурсы из собственных, небогатых пока закромов. Но первое — это, конечно, образование, и здесь справились. Да еще смогли выделить наиболее талантливых, не всех, конечно, но многих, и отправить учиться к себе, ибо они, люди, умеющие и работать, и думать, а главное, стремящиеся вверх становились в будущем золотым фондом России.

А параллельно велась работа по обеспечению эффективного управления. Очень разная работа — к примеру, один из великих князей даже не подозревал о вшитой в спинку его

любимого кресла ампуле с радиоактивным материалом. А другой в это же самое время получал нормальное образование, и из него вышел в будущем очень хороший математик. Не блестящий, конечно, но в учебниках отметившийся, и это оказалось для него, как не удивительно, намного интереснее, чем спускать деньги на балерин. Но великие князья — это все же частные случаи, а с теми, кто был рангом пониже, пришлось повозиться — они, казалось, плодились не хуже тараканов и, вдобавок, не выводились никаким дустом. Но ничего, справились, не зря же в России двадцать первого века имелись специалисты по решению самых разных проблем. Кого-то устранили тихонечко, кого-то подвинули, но нормальных, грамотных и здравомыслящих управленцев воспитали.

Кстати, помимо тех проблем, что были раньше, завезли и новые — никто почему-то не подумал, что болезни, которые в двадцать первом веке проходят по разряду "ретро" здесь еще не появлялись, а простой грипп, который в родных местах вызывает лишь слабое недомогание, может привести к вымиранию целых губерний. И это был не единственный пример, когда пришлось с матюгами исправлять то, что сами же по недомыслию и сотворили. Но ничего, эпидемии задавили в зародыше, с аллергическими реакциями справились, не попадать под колеса грузовиков научили. Рабочий процесс, чтоб его, и никуда от накладок не денешься.

А ведь были еще и обиженные всех мастей, которые активно пытались если не устроить какую-нибудь пакость, то хотя бы интриговать. Британцы, к примеру, извернулись и даже на оставшихся у них двух верфях построили целую эскадру линейных крейсеров, а немцы, как ни удивительно, присоединились к этой гонке. Великобритания, очевидно, планировала все же тем или иным способом подчинить себе остальную Европу — там были не дураки и хорошо понимали, что в одиночку теперь ни с Россией, ни с наглыми пришельцами не справиться, а вот если объединить ресурсы, то шансы есть. Вернее, шансов не было, но британцы-то об этом не знали и продолжали на что-то надеяться. Вот только британцы считали (а пришельцы незримо поддерживали у них такой ход мыслей), что объединяться все должны под властью британской короны. Остальные же (и это тоже поддерживалось извне) были убеждены, что они и сами с усами. В результате двадцать лет страшных и кровопролитных локальных войн по всему миру было обеспечено. Ну а русские обеспечивали противоборствующим сторонам поставки вооружения, пришельцы же следили за тем, чтобы спрос на них не исчезал. В общем, все были довольны, и европейский пар вышел в свисток.

Неплохо устроились, кстати, американцы — все же они были народом энергичным. Вытесненные в Мексику, они ее попросту захватили, подмяв, до кучи, еще несколько небольших южноамериканских стран. И неплохо там устроились, став новыми белыми господами. Правда, уровень общественных отношений скатился примерно до середины девятнадцатого века, даже рабство восстановить додумались, но это уж были только и исключительно их проблемы. Тем более что новое государство им пришлось создавать изначально аграрным, и мысли о реванше были отложены на неопределенный срок. А потом подросло поколение, родившееся уже в тех местах, для которых прародина была уже чем-то абстрактным, и теперь им большой войны с сильным соседом не особенно-то и хотелось. Хотя, конечно, раздавались периодически вопли о том, что надо вернуться, покарать, и прочее... Вот бы удивились те, кто на эти лозунги велся, узнай они, что их провоцируют сами пришельцы, точнее, их спецслужбы, вычленив наиболее опасных и одиозных деятелей, чтобы впоследствии поступить с ними... ну, скажем так, по ситуации. И еще, были у

ушедших на юг буквально перед носом примеры тех семей, которые не ушли, остались на захваченной чужаками территории. И что? Да все нормально, неплохо они жили, просто следующее поколение становилось уже русскими — русский язык, русская культура... Программа ассимиляции действовала вовсю, пусть и принудительно, но вполне эффективно.

А тут еще и Бразилия, Аргентина и прочие венисуэллы не слишком жаловали янки, и в результате вся Южная Америка постоянно была в состоянии вялотекущего конфликта. В общем, это было именно то, чего пришельцы и добивались, просто не допуская миграции с юга на север и жестко пресекая любые попытки проникновения на свою территорию чужаков. Довольно просто пресекая — пулеметами. Нелегалы, разумеется, были, куда же без них, но... Нарушивший границу совершал одно из тягчайших преступлений, не имеющих срока давности, а пулемет — штука универсальная.

Сложнее было не дать появиться новым серьезным державам — тому же Китаю, к примеру. Вот не понимают они и не хотят понять, что такое планирование семьи и не более одного ребенка. Вколачивать это пришлось жестко — ну а как иначе объяснишь, что этот мир пришельцы зарезервировали под себя. Тем не менее, сумели если не решить проблему, то хотя бы несколько ее стабилизировать, заодно уж разделив Китай на несколько увлеченно грызущихся между собой, а заодно с Японией и Кореей государств.

Возник, что закономерно, и пресловутый еврейский вопрос. Решили, опять же. Просто собрали наиболее, так сказать, весомых представителей, живущих в обеих Россиях, и честно предложили два выбора: или создаем вам государство Израиль, кто хочет — пускай убирается, вернуться не получится ни под каким соусом даже у потомков, или ассимилируйтесь себе. Нашлись желающие и на то, и на другое. Израиль просуществовал, не имея поддержки извне, ровно четыре года, после чего выжившие в столкновениях с арабами евреи разбрелись, кто куда. Оставшиеся честно пытались (а попробовали бы они обмануть!) ассимилироваться на предложенных условиях. Процесс был долгим, грозившим растянуться не на одно столетие, но выглядела задача вполне решаемой. Во всяком случае, негатив по отношению к "своим" евреям преодолели без особых проблем.

Были, конечно, и военные конфликты, и не всегда справиться было легко — но ведь справились же! Плотников, кстати, участвовал в них практически во всех. Больших сил ему, конечно, никто не доверял — тоже понимали, что уровень свежееиспеченного адмирала не так высок, как хотелось бы, однако эскадрой быстрого реагирования он командовал долго, и ни разу не провалил ни одной операции. Да и вообще, профессия военного оставалась почетной даже сейчас, после десятилетий жизни на этой земле. И ничего удивительного в том не было, человек, защищающий свою страну и свой народ, по определению стоит на самом верху социальной пирамиды, и право на это надо было еще заслужить. В принципе, на этом постулате в немалой степени была построена идеологии новой России.

В общем, пахали, пахали и еще раз пахали. До кровавых мозолей урабатывались, строя новую жизнь. А тем временем еще и наблюдали, что творится в оставленном мире. Не все, разумеется, наблюдали — тайны из этого не делали, просто были дела поважнее, но военные следили тщательно. Институт межпространственных исследований, первое научное учреждение, которое начало действовать в этом мире, отслеживал ситуацию на прародине постоянно. Все-таки головастики во главе с академиком Соболевым не зря ели свой хлеб и смогли оставить там системы наблюдения, пробивающие восстановившийся со временем барьер. Неприглядная, кстати, картинка получилась.

Плотников имел доступ ко всей информации. Вначале, конечно, вышестоящее

начальство по этому поводу насунилось и поворчалю — мол, не по чину лезешь, но потом решили, видать, что у молодого адмирала и так уже секретов в голове больше, чем у них у всех вместе взятых, и махнули рукой. Так что Плотников наблюдал за всеми творящимися процессами, можно сказать, вживую. Не все ему нравилось, разумеется, но ситуация там была вполне ожидаемой, и неожиданностью ни для кого не стала.

Когда русские уходили, осталось довольно много народу — в основном преступники всех мастей, а также те, кто, именуя себя "либералами", на деле были просто мерзавцами. Нет, были среди либералов и те, кто хотел своему народу добра, просто не понимал, как это сделать. Такому дай в руки автомат, ткни пальцем во врага — и сражаться за свой народ будет не хуже прочих. Но все же очень большой процент среди них составляют люди, ненавидящие свой народ, и считающие, что без этого народа (ну, исключая их самих, естественно) наступит рай на Земле. Ну что же, им дали шанс построить такой рай. Вот только, когда весь мир пришел в себя от шока, что русские куда-то делись, как вместо того, чтобы начать слушаться мудрых советов оставшихся, тут же посоветовал им заткнуться и принялся делить наследство. Вот тогда и стало ясно, что вопить и требовать, выступать на западном радио и с почетом приниматься западными политиками можно только в одном случае — если позади тебя стоит пусть и преданная и оболганная тобой, но все же могучая страна. Страна, в которой есть армия, заставляющая с собой считаться, и так нелюбимые "демократами" ядерные арсеналы, которые в любой момент способны показать соседям кузькину мать. А вот когда защищать их стало нечего, то западные "друзья" просто отмахнулись от них. Обидно, конечно, было, но куда деваться — любой народ чего-то стоит лишь тогда, когда способен защищаться, а человек, отказавшийся от своего народа и добровольно ставший изгоем, обречен изначально.

Однако дело было еще не закончено. Остались колоссальные просторы, остались серьезные ресурсы. Что дальше? Как делить? Американцы заявляли, что все это должно принадлежать человечеству. Если переводить с дипломатического языка на нормальный — это все должно принадлежать США, как самому сильному светочу демократии. Однако тут вполне резонно возмутились остальные, особенно страдающие от перенаселения Китай с Индией. Да и вроде как бы союзники, такие как Британия, Франция, Германия и прочие, те, что помельче, деликатно спросили: а нам? Мы-то что получим? Мужской половой орган? Или, для разнообразия, женский? Результат не замедлил сказаться — войска всех стран мира были приведены в полную боевую готовность. Хотя нет, не всех — разнообразные африканские тумба-юмбы никого не интересовали, да и сами ничего не могли, но те, кто посерьезнее, готовы были потягаться за свой кусок даже с американцами.

В этот момент и произошло то, чего никто не ожидал, но что послужило катализатором последующих процессов. Русские всегда умели на прощание хлопнуть дверью, и сейчас этим хлопком послужил старт нескольких десятков баллистических ракет. Естественно, сразу замеченный. И того, что начинки ракеты не несут, никто не знал. А в тот момент, когда у всех пальца дрожат на курках, достаточно и меньшего. Как был достигнут столь точный выбор времени, Плотников так и не дознался, хотя подозревал, что нашлись добровольцы, оставшиеся в родном мире, чтобы выполнить последнюю миссию. В общем, апокалипсис вышел на загляденье.

Хотя, разумеется, грустно было видеть фактическую гибель своего мира. Только вот еще раз подтвердилась простая истина: ворованное до добра не доводит. Ну, пусть не ворованное, пусть отнятое — какая, в сущности, разница? Те, кто открыл пасть, подавились

слишком большим куском, и цивилизация погибла от того, что могло ее спасти, дать отсрочку глобальному кризису и еще один шанс человечеству. Но — не срослось, не сдали экзамен. Сами виноваты, в принципе, надо было думать, прежде чем тянуть руки.

Ну а в этом мире все шло куда лучше. В кои-то веки русским не надо было класть цвет нации то в бесчисленных локальных конфликтах, то в больших войнах, спасая человечество от всевозможных Чингисханов с Гитлерами. Зачем? Если весь остальной мир желает иметь проблемы — это будут только его проблемы, а если попытается перевести стрелки на русских, то у тех в качестве ответа всегда найдется что-нибудь большое, тяжелое и позволяющее не рисковать зря своими людьми. Сейчас население Западной России и Российской империи вместе насчитывало уже больше четырехсот миллионов человек. Людей, которые называли себя русскими, говорили по-русски, и думали тоже как русские. Через какое-то время их число достигнет миллиарда, и тогда, Плотников точно это знал, наступит второй этап плана — неторопливая ассимиляция соседей, в первую очередь, европейцев. До остальных дело не факт, что дойдет, но этими займутся точно — грешно терять человеческий ресурс. И никуда не денутся благо их численность непрерывно сокращалась. Происходило это из-за непрекращающихся локальных войн, революций и общего падения уровня жизни. А что вы хотели, если мировая банковская система рухнула? Единственная мировая валюта рубль, и право работать с ней имеют только российские банки, вся торговля идет через них, а остальным, простите, остается лапу сосать. Впрочем, до второго этапа было еще далеко, а сейчас были и дела более близкие.

Правда, вся эта мелочь активно пыталась интриговать, дабы перессорить между собой два русских государства. Наивные, ведь во главе Российской империи, не формально, а по факту, давно находились выходцы из Западной России. Не обязательно родившиеся там, но получившие в ней образование. Лучшее в мире образование, открытое только для граждан этих стран. А образование — это еще и формирование мировоззрения. Да что там, мало кто знал, но сейчас даже спецслужбы у двух стран были общими.

Сложилась невероятная, невозможная в том мире ситуация — не требовалось вкладывать львиную долю средств в военные разработки и производства, а значит, можно было заняться чем-нибудь другим. Любому государству нужна сверхзадача, иначе оно захиреет. Мировое господство? Да вот оно, по факту, уже достигнуто. Нужно что-то новое. И нашли ведь! Уже лет десять русские осуществляли космическую экспансию, причем в колоссальных, невозможных ранее масштабах. Вообще, наука сейчас рвалась вперед семимильными шагами, все-таки научились грамотно использовать человеческий энтузиазм. Марсианская экспедиция, во всяком случае, уже стартовала, и, как было точно известно старому адмиралу, готовилась первая межзвездная. Если все пойдет по плану, она уйдет через семь-восемь лет. Конечно, с невеликими скоростями, конечно, все примитивно, но главное — цель! Откуда Плотников знал, что она начнется? Да все просто, его старший внук, пилот и выпускник военно-космического училища, должен был идти с ней. Разумеется, когда он вернется, самого адмирала уже не будет в живых, но главное, что его потомки, как пели когда-то, оставят свои следы на пыльных тропинках далеких планет и, как бы пафосно это ни звучало, дадут человечеству хороший пинок для дальнейшего развития.

Иногда старый адмирал спрашивал себя, стоило ли все то, что они сделали, туманных перспектив? Ведь было и много крови, и много жестокости, колоссальный труд, а немалая часть тех, кто пришел в этот мир, умерла, не увидев даже того промежуточного этапа, который видит он. И каждый раз, спрашивая себя, был ли смысл в том, что они делали, он

твёрдо отвечал: был.

Больше книг на сайте - Knigolub.net